ОГОНЁК

№ 8 ФЕВРАЛЬ 1990

ISSN 0131-0097

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

Учрежден 1 апреля 1923 года

№ 8 (3265)

ИЗДАТЕЛЬ — ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КПСС «ПРАВДА»

17 — 24 февраля

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Плакат А. А. Вознесенского «ВЕК ПАСТЕРНАКА»

Оформление Н. П. КАЛУГИНА
при участии Г. Н. СИДОРОВОЙ

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА.

Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп., на полгода — 10 руб. 38 коп., на квартал — 5 руб. 19 коп.

УСЛОВИЯ КОММЕРЧЕСКОГО ПРОКАТА, ПОДПИСКИ И ПРИОБРЕТЕНИЯ ВЫПУСКОВ «ОГОНЕК-ВИДЕО» ПО ТЕЛЕФОНУ 212-15-79.

Сдано в набор 29.01.90. Подписано к печати 13.02.90. А 00230. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Усл. кр.-отт. 17,50. Уч.-изд. л. 12,05. Тираж 4 600 000 экз. Заказ № 1857. Цена 40 копеек.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-22-69; Отделы: Публицистики — 250-46-90; Внутренней политики и оперативного анализа — 212-15-39; Литературы — 212-63-69 и искусства — 212-22-19; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Литературных приложений — 212-22-13, 212-23-07.

Телефакс (095) 943-00-70
Телетайп 112349 «Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

НЕДЕЛЯ В ФЕВРАЛЕ

На родине Пушкина и Пастернака сегодня забастовки, гражданская война в Закавказье, блокады железных дорог, обогащение одних за счет других, погромы и обещания погромов, десятки тысяч беженцев, отставки партийных руководителей. Все это реалии нашего времени. «Судьбоносного», как нравится писать некоторым газетам. Переломного, а потому крайне опасного, как представляется думающим людям. Времени, когда одно издательство всерьез обсуждает будущее России «без инородцев», а другое выпускает в свет тоненькую беззащитную книжицу «Всеобщая Декларация прав человека», которую нынче можно купить в подземном переходе по 5 копеек за штуку.

Многоголосые упреки в адрес политического руководства о колебаниях в тех ситуациях, где надо бы действовать решительно и твердо, очевидно, имеют под собой основания. Ведь при-

зывы не торопиться, подумать, «семь раз отмерить» звучат логичнее, когда принимаются стратегические решения. Зима требовала быстрой реакции, гибкой тактики. Что мешает аппарату, в руках у которого миллионные тиражи, радио, телевидение, обкатанный десятилетиями пропагандистский инструментарий, вовремя реагировать и вести тактику, остается загадкой.

Быть политическим наблюдателем, конечно, в любом случае проще, чем принимать политические решения. Спрашивать приятнее, чем отвечать. Обвинять легче, чем доказывать свою невиновность. Об этом думалось, глядя на плакаты многотысячной манифестации демократических сил 4 февраля в Москве, когда движения самого различного толка вынуждены были откликнуться на призыв перед угрозой справа.

О московском митинге уже говорилось и писалось много. И оценки были разными. ТАСС, к примеру, сообщил: «...митинг на самом деле был превращен... в средство нажима и шантажа». Анонимная, по сути, заметка, напечатанная в «Правде», не прибавила популярности правительственному телеграфному агентству. Оскорбление кандидатов в депутаты и народных депутатов СССР, ярлык «экстремистов», которые якобы заботятся «не о судьбах перестройки и обновлении», а оказывают прямое давление на власти, восторга не вызвало. И пикеты возле здания ТАСС 7 февраля появились не случайно.

Могла ли быть другой реакция официальных кругов?

Митинг в Москве не был стихийным и беспричинным. Политика маневрирования между консерваторами и демократами исчерпала себя еще в прошлом году. Ее продолжение чревато неприятными последствиями. Именно поэтому народ пришел на площадь выразить свою волю. Можно, конечно, поспорить с теми, кто поспешил назвать это событие «февральской революцией». Но манифестация ясно дала понять, что и в столице, и по всей стране достаточно сил, которые больше не собираются принимать навязываемую им игру и с высокой ответственностью относятся к необходимости усиления политики демократических перемен.

...Знаменитая марксова формула об исторической необходимости нашла-таки свое воплощение самым неожиданным образом в середине 80-х годов XX века. М. С. Горбачева и его единомышленников в Политбюро справедливо называют инициаторами перестройки. Однако акценты апреля 1985 года не раз пытались сместить по мере того, как в стране росла стихия, доселе незнакомая, непонятная, непредсказуемая, а потому пугающая. Вот когда прозвучали сверху первые предостережения, вот когда замелькало слово «экстремисты». В то время политический терроризм еще не получил размаха, и экстремистами называли всех, кто противился официальному курсу или пытался по-своему этот курс осмыслить — от карабахских армян и бакинских народнофронтовцев до российских демократов и народных движений в Прибалтике. Диалога не получалось.

Что же мы увидели через несколько лет? То, что еще вчера считалось под-

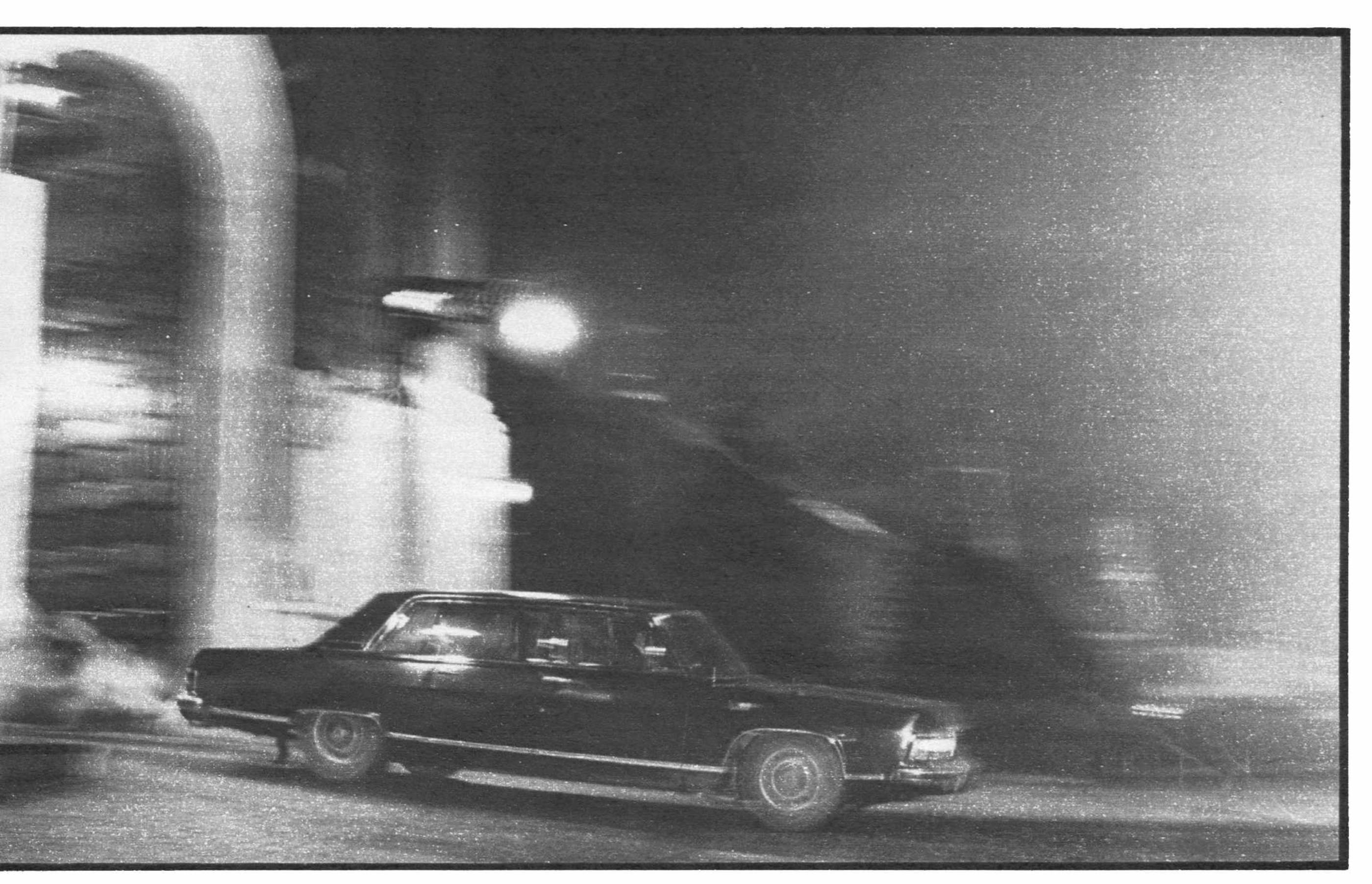
**ДОСТОИНСТВО ДЕМОНСТРАНТА —
ЭТО ДОСТОИНСТВО ЧЕЛОВЕКА,
ДАЖЕ ЕСЛИ ОН В ТОЛПЕ, ИСЧИСЛЯЕМОЙ ТЫСЯЧАМИ.
ПРАВДА И СОВЕСТЬ ШЕСТВИЯ, ПИКЕТА, МИТИНГА,
КОГДА МОЛЧАТЬ ДАЛЬШЕ НЕЛЬЗЯ,— КАСАЕТСЯ ВСЕХ НАС, ЖИВУЩИХ В ЭТОЙ СТРАНЕ...
ЭТО НЕ СТИХИЯ, НЕ ЛАВИНА — СООБЩЕСТВО ЛЮДЕЙ, ВЗЯВШИХСЯ ЗА РУКИ
И ТРЕБУЮЩИХ К СЕБЕ УВАЖЕНИЯ.**

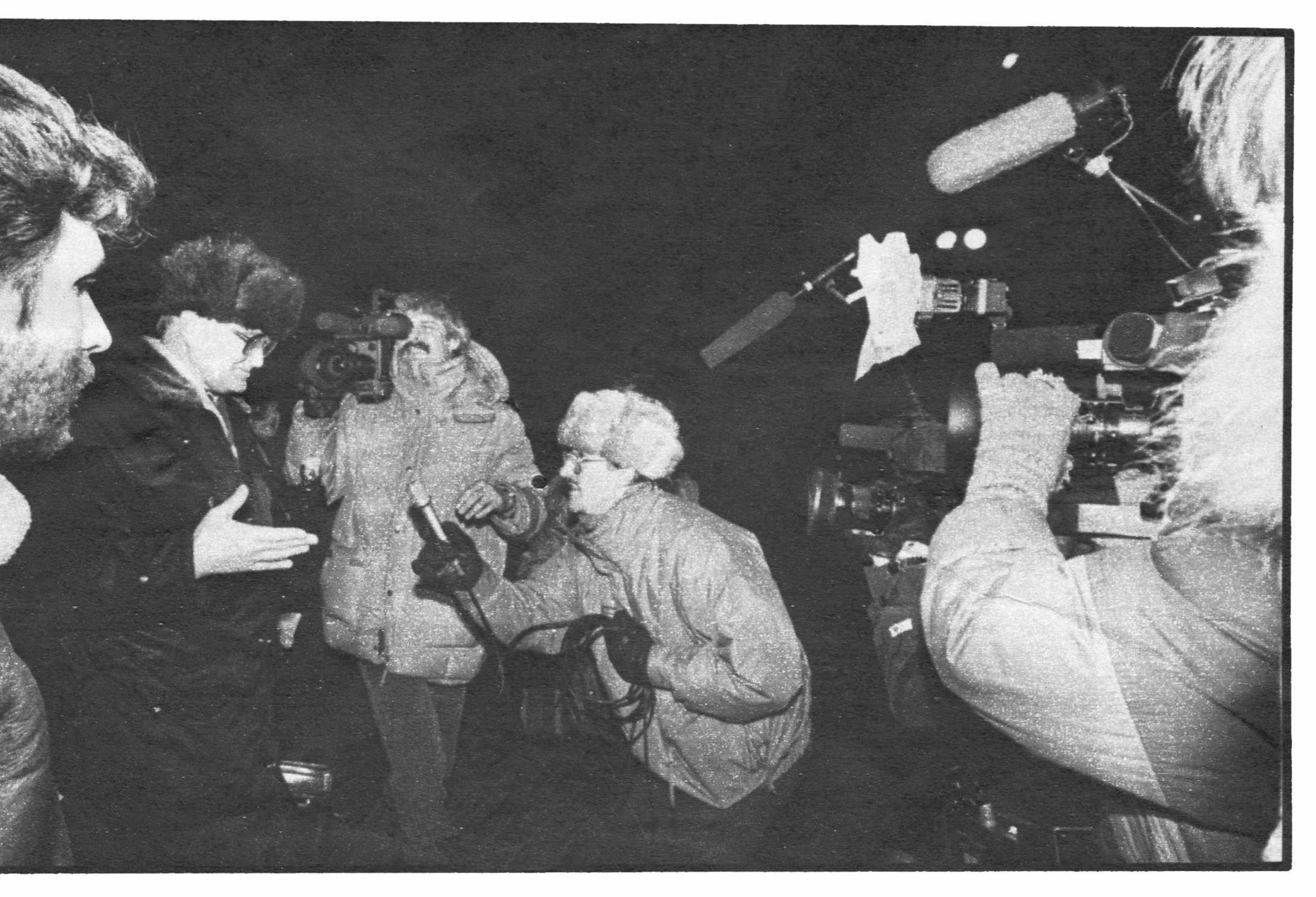

**МЫ ГОВОРИЛИ ПОЛУШЕПОТОМ,
КОГДА БОЯЛИСЬ БЫТЬ УСЛЫШАННЫМИ.
ТЕПЕРЬ КРИЧИМ, СРЫВАЯ ГОЛОС. НЕТ БОЛЬШЕ ВРЕМЕНИ НА ИНОСКАЗАНИЯ.
ДАЖЕ ЕСЛИ ТЕ, К КОМУ ОБРАЩЕНЫ СЛОВА НАШИ, ОТМАЛЧИВАЮТСЯ.
СЕГОДНЯ МЫ ВМЕСТЕ ДЛЯ ТОГО,
ЧТОБЫ ВЫЖИТЬ ЗАВТРА.**

час «реакционным», «вероотступническим», «враждебным», сегодня заявляет о себе во весь голос. Но уже не устами одиночек, звавших к сомнительному «гражданскому неповиновению» и доставлявших вечное беспокойство милиции, а мнением тысяч, десятков тысяч людей. Более того! Еще вчера призывы снизу поделиться властью бюрократические силы КПСС воспринимали не иначе, как покушение на государственный и общественный строй (как тут не вспомнить, с какой неохотой были вычеркнуты из Уголовного кодекса РСФСР живодерские статьи 70-я и 190-я «прим.»). Сегодня даже самые рьяные ортодоксы не смеют оспаривать тот факт, что после предстоящих выборов властью поделиться придется, никуда не денешься. Недавний Пленум ЦК подтвердил эту реальность. Вот вам еще одно подтверждение истины, что в революции не играют. Для революций не пишут сценариев. Реальность корректирует перестроечные процессы.

Плюрализм мнений, осторожно предложенный на заре перестройки, оборачивается фактической многопартийностью, гласность — развенчанием партийных и прочих бюрократов, волной «неформальной» прессы; демократизация — признанием необходимости полнокровной и безоговорочной демократии. Еще недавно второй Съезд народных депутатов проголосовал против обсуждения судьбы 6-й статьи Конституции, а февральский Пленум ЦК КПСС уже высказался за ее отмену. Но до чего же медленно, болезненно, с издержками и потерями идет этот процесс! И не подгонишь его, не подстегнешь!..

Интересно, сколько еще времени нужно, чтобы мы, наконец, если не окончательно поняли друг друга, то пришли к гражданскому, политическому согласию? В виде «круглого стола», как в ГДР, или в иной форме... Нет больше времени, утекло оно, как песок в часах.

Если уступки властей — от привычного неприятия объективной реальности, к которой подталкивает жизнь, до примирения, до движения навстречу, контакта, если эти «уступки» не случайность, а более или менее устойчивая тенденция, то, может быть, пора извлечь из нее уроки?

Так и подмывает спросить: почему согласились выслушать, но не пожелали вникнуть в мудрый и пророческий смысл концепции Сахарова? А издать все написанное им (печальная российская традиция!) решились после того, как Андрея Дмитриевича не стало? От-

**Фото
Игоря ГАВРИЛОВА,
Юрия ФЕКЛИСТОВА
и Марка ШТЕЙНБОКА**

чего с таким упорством стояли на страже ветхих, давно скомпрометировавших себя догм, хоть был уже провозглашен приоритет общечеловеческих ценностей? По какой причине даже тогда, когда всем стало ясно, что первые реформы, вроде печально знаменитого Закона о предприятии, вовсе не радикальны, что некоторые указы антидемократичны,— почему даже при всем этом продолжали твердить и вколачивать в легковерные головы пустые, ничем не подкрепленные заклинания?..

На самом-то деле игра в центризм, дипломатичное поддакивание консерваторам обходятся с каждым днем все дороже. Всякий ли из нас осознает (и осознал ли за эти пять лет?), к чему мы пришли и каков окажется итог? Прямо или косвенно политические ошибки признаны на последнем Пленуме. Однако заявлено об этом в тот момент, когда кризис (не только экономический!) подводит страну к критической черте. Уже и ругаемый слева и справа аппарат убеждается, что силами прежней номенклатуры страну не спасти. Пленум ЦК КПСС проиллюстрировал это со всей убедительностью. Как сказал Михаил Сергеевич Горбачев, мы действительно многое прохлопали.

Инициаторы манифестации 4 февраля («Огонек», «Мемориал», «Московская трибуна» и другие) надеялись, что коли уж никто из тех, кому были адресованы речи ораторов, не вышел к микрофону на Манежной (даже присутствовавший там первый секретарь МГК КПСС Прокофьев), то уж, во всяком случае, резолюции митинга послужат поводом для раздумий. Ничего подобного на Пленуме не произошло! Мнение десятков тысяч людей о политическом моменте было с необычайной легкостью проигнорировано. Еще одна возможность диалога с «деструктивными силами», как называют демократические движения в иных партийных средах, была упущена! Митинг оказался обращен как бы сам к себе...

Расширенный Пленум ЦК КПСС показал, что разумные решения могут возникать в живой дискуссии. И страна прочла газетные отчеты. Мы, наконец, можем по выступлениям членов ЦК вполне составить представление об их взглядах и убеждениях.

Думается, никто не должен бездоказательно обсуждать личность человека, его характер. Оставим и за т. Лигачевым право оставаться самим собой. Но вот позиция... Егор Кузьмич один из тех, кто подвергается открытой критике в прессе. Наверное, есть за что. И тем не менее он очень последовательно отстаивает свои убеждения. Не являются чем-то новым высказывания Егора Кузьмича насчет «главной опасности», «смертельной угрозы» перестройке со стороны «мощных сил» «антисоциалистического толка». Однако на Пленуме Лигачеву, которому, по его же признанию, «чертовски хочется заняться конструктивной работой, конкретными делами...», явился новый образ врага. На сей раз в виде журнала «Огонек».

Чем же досадил наш журнал уважаемому члену Политбюро? Публикацией интервью «Войска выходят на площадь» (№ 2 за 1990 год), в котором народный депутат СССР А. Собчак, официальный руководитель парламентской комиссии, поделился с читателями выводами о причинах трагедии в Тбилиси. Не правда ли, странная избирательность: обижаться не на «Известия», еще раньше напечатавшие выводы депутатской комиссии, не на грузинские газеты, а именно на «четырехмиллионный журнал» (если быть поточнее, его тираж — 4 миллиона 600 тысяч экземпляров), который «извращает суть вопросов». Зачем же так?

К счастью, у Пленума оказалось мало времени, чтобы подвергать сомнению неоднократно доказанное. Скопилась уйма куда более актуальных проблем. И если на сей раз некоторым членам ЦК все же не удалось сильно повлиять на проект Платформы КПСС к XXVIII съезду партии, а также полностью отмежеваться от консерваторов, все-таки в этот документ были заложены предложения, в случае реализации которых в партии начнется обновление не на словах, а на деле.

Партийная печать сейчас озадачена одной проблемой, которая кажется ей наиболее важной,— как вернуть на новом уровне авторитет КПСС. Помнится, подобная задача не раз заканчивалась показушной сменой кадров, главным образом в районном, городском звеньях, едва затронув областной, краевой и республиканский уровни. Кадровая перетряска желанного успеха не могла принести сама по себе. Первый секретарь райкома, назначенный на место прежнего, зачастую попадал в отравленную, часто коррумпированную среду старой номенклатуры. И перед ним скоро вставала дилемма: либо подчиниться правилам чужой игры, либо потихоньку перебираться на другое место службы, что сильно затруднено в бюрократической системе.

Теперь, спустя четыре года,— другое дело! Авторитет тех функционеров, которые оказались не только не способны возглавить перестройку, но и с присущей им энергией тормозили дело, снизился до нуля. Редко кто нынче принимает их всерьез. Им не верят. Толпы осаждают обкомы, требуя их отставки; массы подталкивают партию к обновлению.

Идет не только объединение, но и размежевание в многомиллионной партийной среде. Плодотворно идут процессы внутри партии, где пока еще достаточно сил, чтобы преодолеть инерцию в экономике, остановить фашизм и великодержавные замашки шовинистов, рвущихся к власти, вывести страну из разрастающегося кризиса.

Очень важно осмыслить и литовский урок: коммунисты, получив свободу действий, очистив свою программу от маниловщины, способны завоевать авторитет среди людей самых различных убеждений, повести за собой народ.

Будущее покажет, какой станет наша партия (или сообщество компартий?). Пока же ясно одно: легче всего развалить любую структуру соглашательством и бесплодными идеями. Труднее — попытаться использовать ее во благо. Разглядеть среди членов КПСС людей, которые кровно заинтересованы помочь М. С. Горбачеву. Они уже появились на политической арене, хотя мы еще не успели запомнить их имена,— в Тюмени и Волгограде, Донецке и Чернигове, Саратове и Харькове... В них тоже наша надежда!

Отдел внутренней политики

ДЕКЛАРАЦИЯ ДВИЖЕНИЯ «ГРАЖДАНСКОЕ ДЕЙСТВИЕ»

Кризис, поразивший нашу общественную систему, принимает все более опасный характер. Множатся очаги напряженности в экономике, социальной сфере, межнациональных отношениях, уже проявившие себя вспышками насилия и кровопролития.

Минувший год не был бесплодным. Но, воздавая должное первым шагам по пути демократизации законодательной власти, успехам нашей внешней политики, высоко оценивая встречный поток стремительных фундаментальных преобразований в странах Восточной Европы, мы обязаны спросить себя: почему мы теперь начинаем от них отставать, почему мы оказались неготовыми к испытаниям, которые обрушил на нас год минувший и которыми, несомненно, в еще большей степени чреват наступивший год?

Ответ очевиден. Очевиден народный наказ осуществить коренные преобразования политических структур и остановить сползание страны в пропасть. Усилия ряда народных депутатов СССР, бурно растущих общественных движений, «неформальных» организаций парализуются, по сути, неизменным механизмом принятия и реализации политических решений и ретроградными отношениями собственности.

Происходит объединение сил, отвергающих основные общечеловеческие ценности. Складывается блок неосталинистов с черной сотней, коррумпированной бюрократии — с наглеющим преступным миром. Мы считаем вполне оправданными идущие из глубин народа требования социальной справедливости и порядка. На этих чаяниях, однако, играют силы, стремящиеся к возврату диктатуры и равенству в нищете.

Нас особенно тревожит судьба России. От имени русского народа, от имени России пытаются говорить люди своекорыстные, нечистоплотные, стремящиеся отгородить будущее страны от испытанных путей мировой цивилизации, посеять рознь между русским и другими народами. Эти люди отказываются признать, что Россия может стать действительно суверенной и процветающей, лишь идя навстречу стремлениям всех народов СССР к национальному возрождению и в сотрудничестве с ними.

Прорыв России в лучшее будущее реален. Как состоялось после войны германское и японское чудо, как повторяют его сейчас страны Азии, так может совершиться и российское экономическое чудо.

Вместе с тем остается все меньше времени, чтобы предотвратить развитие событий по китайскому или румынскому образцу. Никто не знает, когда оно будет исчерпано. Поэтому сейчас необходимо сплочение всех демократических сил, готовых организовать свои действия в едином общегражданском движении. Граждане должны сами отвечать за свое будущее, сами создавать его.

Подписавшие эту Декларацию провозглашают создание Движения ГРАЖДАНСКОЕ ДЕЙСТВИЕ.

Мы призываем к участию в Движении всех противников тоталитаризма: граждан, общественные союзы, народные фронты, клубы и объединения избирателей, рабочие и стачечные комитеты, партии. Солидарные в борьбе за цивилизованное гражданское общество, мы способны сообща предотвратить роковой реакционный поворот в судьбах народов, обеспечить мирный выход страны из кризиса и нормальную, достойную жизнь для всех.

ГРАЖДАНСКОЕ ДЕЙСТВИЕ добивается в качестве первоочередных шагов:

1. Заключения нового Союзного договора, предусматривающего свободное объединение суверенных государств и народов.

2. Пресечения любой, и прежде всего государственной, монополии на средства производства, перехода к современной рыночной экономике, основанной на соревновании различных форм собственности и действенной системе социальной защиты.

3. Предоставления земли в наследственное владение или собственность тем, кто хочет на ней работать.

4. Уравнивания КПСС в правах с другими политическими организациями.

5. Обеспечения многообразия форм духовной и общественной жизни.

6. Демократической реформы армии.

7. Лишения КГБ функций тайной политической полиции.

ГРАЖДАНСКОЕ ДЕЙСТВИЕ вдохновляется идеями нашего соотечественника, великого Гражданина Мира А. Д. Сахарова.

Граждане и организации, входящие в ГРАЖДАНСКОЕ ДЕЙСТВИЕ,— вырабатывают и проводят в жизнь гражданские инициативы, направленные на реализацию целей Движения;

— совместно участвуют в выборах органов власти, деятельно поддерживают сторонников радикальных реформ;

— организуют гражданское противодействие реакционным акциям и решениям путем сбора подписей, проведения митингов, шествий, демонстраций, а в крайнем случае — путем организации политических забастовок, кампаний гражданского неповиновения и других ненасильственных мер.

Входящие в ГРАЖДАНСКОЕ ДЕЙСТВИЕ организации сохраняют свою независимость и автономию. Деятельность Движения направляется координационными центрами, формируемыми из представителей входящих в него граждан и организаций. Программа развития Движения и его организационная структура будут уточнены на Учредительной конференции.

Граждане, группы и объединения граждан!

ВКЛЮЧАЙТЕСЬ В ДВИЖЕНИЕ ГРАЖДАНСКОЕ ДЕЙСТВИЕ!

С. С. Аверинцев, Ю. Н. Афанасьев, Л. М. Баткин, С. В. Белозерцев, Л. И. Богораз, В. В. Васильев, М. В. Волькенштейн, Е. А. Гаер, С. С. Дзарасов, И. И. Заславский, В. И. Кириллов, С. А. Ковалев, Е. С. Максимова, А. Н. Мурашов, Б. Ш. Окуджава, Г. Х. Попов, Э. А. Рязанов, Р. З. Сагдеев, А. Е. Себенцов, В. С. Смирнов, А. А. Собчак, В. И. Селюнин, С. С. Сулакшин, С. Б. Станкевич, П. П. Фальк, Р. К. Щедрин, Ю. П. Щекочихин, Глеб Якунин, А. В. Яблоков.

■

«К 2000 году — каждой семье отдельную квартиру или дом!» — лозунг очень похож на «хрущевский коммунизм». Но как хочется верить! Однако факты говорят о другом. Существующие мощности нашей стройиндустрии направлены на создание огромного количества временного жилья (срок жизни панельных домов — 60—90 лет при хорошем качестве).

Через 20—25 лет нам необходимо будет иметь созданную заново мощную индустрию демонтажа этих домов. Причем разбирать придется быстрее, чем строили,— десятками, сотнями домов, микрорайонами, городами. Сами понимаете масштабы «неприятности». Во всех цивилизованных странах дома строят на века. Дом — это слишком дорого (особенно панельный), чтобы возводить его на 60 лет, и некомфортно. Нам говорят: «Пусть плохо, но быстро». Скорость панельного домостроения — это очередной миф, основанный на замалчивании мирового уровня строительных технологий. Кроме того, мы учитываем только сроки сборки домов, но не изготовления.

Но это еще не все. Крупнопанельное домостроение — это монополия изготовителя (со всеми вытекающими отсюда последствиями), это дома с нездоровым «климатом» проживания, это градостроительство, подчиненное домам, а не здравому смыслу.

Еще одна сторона медали. Сохранение исторического наследия вроде бы очевидно, но при всей очевидности мы его теряем. Проблема обострилась, так как лозунг «К 2000 году — каждой...» при бездуховности местных властей и при бессилии закона «Об охране и использовании памятников истории и культуры» превратился в лозунг «К 2000 году... любой ценой!»

На наших глазах исчезает исторический центр Днепропетровска (Екатеринослава). Нет больше сил смотреть на это хамство. Уничтожение исторических городов войдет в список еще одного глобального преступления против собственного народа.

Ситуация нелогична еще и тем, что приносится капитальный фонд в жертву временному.

Почему же ремонт так невыгоден? Ответ прост: при крупнопанельном домостроении ремонтная база — это отдельная строительная индустрия, которой нет.

Мировой опыт говорит об этом же — не монополия бетонных мамонтов, а большое многообразие мелкосерийных изделий. Только так можно обеспечить гибкость архитектуры, темпы строительства, так как большее количество населения сможет в нем участвовать и больше «параллельных» работ и т. д.; кроме того, строительная и ремонтная база в этом случае едина и нет засилья временного жилья.

Предлагаю срочно по вышеизложенной теме провести в Днепропетровске выездное заседание правления Советского фонда культуры совместно с представителями Верховного Совета СССР.

И. ЛАНДА,
председатель клуба «Горожане»
Днепропетровск

■

Хочу затронуть проблему, на первый взгляд несущественную. Реже или чаще на свет появляются различные письма, заявления, документы и т. п., подписанные «ЦК КПСС». Например, Заявление ЦК КПСС о положении в республиках Советской Прибалтики.

Эти документы неоднозначны по содержанию, многие их аспекты вызывают различные мнения у коммунистов. И думается, не только у рядовых, но и у членов Центрального Комитета.

Но до сих пор так и не понятен механизм появления и принятия их. Как известно, многие из этих официальных бумаг на Пленумах не утверждались. Тогда, видимо, просто собирают подписи у членов ЦК?

Рядовым коммунистам, всем гражданам хотелось бы знать, сколько членов ЦК одобрили то или иное заявление, а сколько нет (желательно пофамильно). А было ли за последние 4 года, чтобы заранее подготовленное заявление отвергло большинство членов Центрального Комитета?

Неплохо знать и фамилии членов авторского коллектива по подготовке того или иного документа.

Публикация таких сведений создала бы ряд важных прецедентов.

Прежде всего вся страна лучше бы знала, кто в ЦК стоит на каких позициях, невозможно бы стало укрываться за безликой подписью «ЦК КПСС».

Во-вторых, из списка авторского коллектива можно было бы узнать, какие люди, специалисты, ученые-политологи, партийные функционеры были задействованы при подготовке партийного решения, государственных законопроектов.

И в-третьих, публикация таких данных не позволила бы работникам нижестоящих звеньев: обкомов, горкомов, райкомов скрываться за аналогичными безликими названиями.

О. КОБЯКОВ,
член КПСС,
заведующий идеологическим отделом Таганрогского горкома ВЛКСМ
Таганрог

■

Даже по официальной статистике, десятки миллионов советских людей находятся у черты бедности. А сколько их за этой чертой? У государства, которое без проволочек сотворило солидные привески к окладам партийных, профсоюзных, комсомольских и правоохранительных деятелей, пока не находится достаточных средств улучшить моральное и материальное положение нуждающихся... Трудное это дело, ведь основная часть надбавок опять же вынута из кармана бедного труженика и переложена в карман функционера. Какими бы статьями спецдоходов и спецвзносов это повышение ни камуфлировалось, суть остается сутью. По-прежнему обираем кормильца, по-прежнему награждаем виновников всех основных экономических и других неурядиц...

Мы, авторы письма, тоже принадлежим к облагодетельствованным функционерам. Волею судьбы удостоились чести стать кандидатами в народные депутаты. Независимо от того, будем ли мы выбраны или нет, хотим вернуть часть долга, а он велик. Гражданская совесть требует этого от нас. Свою 40-процентную надбавку к окладу решили перечислять в детский интернат № 1 г. Нальчика, который воспитал одного из нас.

Мы обращаемся ко всем кандидатам в народные депутаты, депутатам всех рангов, ко всем партийным и советским деятелям последовать нашему примеру, а сэкономленные деньги отдать ветеранам войны и труда, малообеспеченным семьям, пенсионерам...

И. КУЧМАЗОКОВ,
Ю. ПОНОМАРЕВ
Нальчик

■

Пишу вам от имени группы сотрудников Русского отдела «Голоса Америки». Мы прочли ваш репортаж о жизни и творчестве Е. А. Керсновской и опубликованные в «Огоньке» отрывки из ее повести в картинках (№№ 3, 4). Мы — люди различных национальностей и вероисповеданий, но на нас эти материалы произвели глубочайшее впечатление.

Вернуть этой женщине потерянную жизнь никто не в силах, но нам хотелось бы пусть немного, но облегчить ее горькую участь. Мы организовали сбор пожертвований и на собранные деньги купили для нее инвалидное кресло. Наш коллега священник Виктор Потапов доставит его в редакцию «Огонька». Авиакомпания «Пан-Ам» обеспечила бесплатный воздушный перевоз.

Просим вас помочь переслать наш подарок Евфросинии Антоновне. Передайте ей, пожалуйста, глубокий поклон. Ее мужество и человечность не могут не вызывать восхищения.

ИЛЬЯ ТАЛЕВ
Вашингтон, США

■

Прочел в «Огоньке» (№ 40, 1989 г.) о так называемой «санаторной армии» МО СССР и вспомнил о другой — «охранной армии» КГБ СССР. Тысячи молодых (в основном сельских), розовощеких прапорщиков 25 лет стоят на проходных партийных, советских и других организаций, выписывают пропуска и проверяют удостоверения. И зарплата у них немалая, и городскими квартирами они лучше коренных горожан обеспечены. И все эти расходы опять-таки ложатся на плечи налогоплательщика. Говорят, что в здание Пентагона можно свободно заходить любому, а вот попасть в служебные кабинеты можно только по фотопропуску. Неужели такая технически оснащенная организация, как КГБ, не может что-либо придумать в этом направлении? А может, и нет необходимости держать такой огромный штат аттестованных вахтеров?

В. КУЗЬМЕНКО,
офицер запаса КГБ
Киев

■

О добровольно покидающих ряды КПСС у нас почему-то в прессе больше отзываются как о дезертирах, дельцах, урвавших вместе с партбилетом кусок пожирнее от общественного пирога и с ним — в сторонку. Не потому ли, что даже в Уставе КПСС не предусмотрен порядок добровольного выхода из партии, и переменивших свои политические взгляды заранее ждет положение неприкасаемого? Но будем ближе к правде, как мы присягнули в апреле 1985-го.

Немного о себе. В партию вступил в 1963 году. Еще студентом, по глупости и наивности, в письме в ЦК КПСС спросил: почему вчера Хрущеву все дружно аплодировали, а сегодня за волюнтаризм прогнали со всех постов? Со мной потом беседовали на эту тему в Кировском райкоме КПСС г. Ленинграда. Ничего, обошлось.

После института был небольшим начальником, потом ушел в рабочие. В апреле 1985-го грянула перестройка. Я был убежден, что порядок в первую очередь надо наводить у себя. На заводе, в первичной парторганизации. Опять промазал! Критикуют сейчас больше «вообще».

Стал глубже размышлять над происходящим и вот к какому выводу пришел: между рядовыми коммунистами и партийным аппаратом, начиная с райкома и горкома,— некий водораздел. Рядовые члены партии, того не сознавая, своими спинами создают ширму, завесу, за которой подчас творятся дела, никак не связанные с Программой и Уставом КПСС, интересами народа и страны. Пресса помогла чуть приоткрыть эту завесу, где мы увидели, как партийные проповедники, сойдя с разгоряченных трибун, заруливают в спецлавки (больницы, дачи и так далее). Они сами себе установили неограниченные и неузаконенные льготы и привилегии, убежденные в справедливости таких «завоеваний».

Увидев сие краешком глаза, я подумал: а ведь и моя спина прикрывает все эти кормушки (сам-то я никогда ничего от этого не имел и не имею). И решил отойти в сторону. Если бы так же сделали и другие, все бы увидели настоящую картину... Я сдал партбилет, уведомив первичку, что выбываю из рядов КПСС.

Ко мне, видно, чтобы покаялся, прислали ветерана из парткомиссии. Долго мы с ним по душам говорили. Оказывается, он, как член партии, не считает себя ответственным за репрессии, уничтожение культуры, нравственности, развал экономики, всех жизненных устоев. Победа — да, это заслуга партии. А во всех бедах виноваты лично товарищи Сталин, Хрущев, Брежнев и так далее.

Меня просили переписать заявление, указав в качестве причины выхода из партии идейные расхождения. Я отказался наотрез — убеждения мои остались прежними, коммунистическими. Считаю, что мне изменила, обманула сама партия, вернее, ее аппарат.

Категорически не согласен с тем, что из КПСС выходят только трусы, дезертиры и те, кто пришел в партию только за выгодой. Не надо всех, кто отважился на этот шаг, смешивать с грязью! Ведь нам этот шаг дался нелегко...

Лучше пусть каждый с партбилетом в кармане себя спросит: «Честен ли я? Не потускнели ли мои идеалы? Не молчу ли, когда топчут эти идеалы?» Некоторые откровен-

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ШПРИЦЫ ●
КТО АВТОР ВАЖНЫХ ДОКУМЕНТОВ? ●
ЕЩЕ РАЗ О НАШЕМ ЖИЛЬЕ ●

ничают, что вступили в партию, чтобы не дать в ней консерваторам, силам зла взять верх. Полноте, что-то не так много коммунистов, которые, открыв забрало, бросили вызов этим силам!

К сожалению, в большинстве рядовые коммунисты очень пассивны. Именно эта инертная масса и позволяет подчас одерживать верх темным силам. Так не лучше ли, не честнее ли таким сдать партбилет?

О. КУЗЬМИН,
рабочий, бывший член КПСС
Тосно Ленинградской обл.

■

Почему бы нашим некоторым весьма ученым экономистам и народным депутатам, считающим идею о собственной денежной единице республик совершенно неприемлемой, не заглянуть хотя бы в каталог В. В. Узденикова «Монеты России. 1700—1917», изданный в 1985 году? Из него следует, что царское правительство гораздо терпимее относилось и к хозяйственной самостоятельности и к чеканке собственных монет российскими провинциями. Так, царская «тюрьма народов» чеканила специальные монеты для прибалтийских провинций — ливо-эстонские монеты, или «ливонезы», для Польши — гроши и злотые, для Финляндии — пенни и марки, для Грузии — динары, абазы, бисти и пули, для Молдавии и Валахии — деньга и пара и даже для Сибири — свои монеты. Особо следует отметить, что каждая национальная монета чеканилась на родном языке этих провинций и лишь в некоторых случаях имела эквивалентное русское обозначение номинала (монеты №№ 4027...4117).

Впрочем, российские провинции имели определенную и политическую самостоятельность, свои законы, свои органы управления, свою полицию, свои национальные армейские формирования, что позволяло, кстати, скрываться от ищеек центрального правительства не только за границей, но также и в Польше, в Финляндии...

Мы ленивы и нелюбопытны, а это было, было...

В. БЛИНОВ,
инженер
Ленинград

■

В печати все чаще читаем о том, что уповать на одноразовые шприцы в теперешней ситуации просто глупо и надо разрешить людям пользоваться обычными, индивидуальными. Основание для этого серьезное. СПИД! Элементарные подсчеты показывают: одноразовых шприцев все равно на всех не хватит, хоть все мы из кожи повылезием. Ни через год, ни через три. Что же остается? Положиться на верность «Клятве Гиппократа» наших врачей и сестер? Опыт уже имеем. Знаем, чем это иногда кончается. Некомпетентность, безответственность и даже умысел исключать нельзя.

В сравнении с одноразовыми обычных потребуется мизер. Обеспечить ими всех желающих не составит труда. Для надежного получения стерильности в домашних условиях необходимо наладить выпуск и продавать вместе со шприцем упрощенный «автоклав» к нему (металлический баллон с широким горлышком, навинчивающейся пробкой и простейшим предохранительным клапаном).

А. РЕМИЗОВ
Краснодар

■

Хочу рассказать вам о том, как в моем городе, я живу в Новосибирске, растаптывается человеческое достоинство людьми, которые в силу обстоятельств наделены мизерной властью над другими.

Так как у нас уже 9 лет существуют талоны на мясо, колбасу, масло, а не так давно прибавились талоны на сахар, новосибирцы с нового 1990 года вынуждены за индивидуальными семейными книжками ходить самолично в домоуправление (в прошлые годы это делала старшая по подъезду на добровольных началах). Отдельно о книжках: это новшество очень неудобно в пользовании, так как имеет большой формат, с правилами на первом листе и десятью мелованными листами внутри.

Правила пользования: 1. Книжка выдается на год. 2. Каждый талон-заказ на мясопродукты, масло животное и сахар действителен в течение календарного месяца и только с предъявлением книжки. Оторванные покупателем талоны недействительны. 3. Торговое обслуживание по книжке производится по месту жительства в магазине, указанном на штампе. 4. Книжкой может пользоваться любой член семьи. 5. Книжка является документом строгой отчетности и при утере не восстанавливается.

Такие книжки выдаются при наличии расчетной книжки за квартплату и паспорта. Если не уплачено за квартиру, то автоматически лишаешься прав на получение талонов на продукты.

Я — мать двоих детей, младшему ребенку год и 7 месяцев, задолженность по квартплате — 3 месяца, в связи с этим в выдаче талонов мне было отказано, несмотря на унизительные объяснения, что в доме нет масла и сахара для ребенка. Мне смеялись в лицо и советовали «не плодить нищету», если нечем кормить и платить за квартиру.

Талоны на продукты мне все-таки выдали, после 5 часов, проведенных в домоуправлении, после моих звонков в местную газету и председателю райисполкома. За пять часов, что я находилась в ЖЭУ, за талонами приходило немало людей, и все безропотно шли домой за расчетной книжкой, чтобы второй раз отстоять большую очередь и, если нет уплаты за квартиру, получить от ворот поворот.

На мою просьбу показать документ, на основании которого действуют работники ЖЭУ, требуя со всех жильцов расчетные книжки, со мной вообще отказались разговаривать и пообещали вызвать психиатрическую службу, если я не покину помещение. Я считаю, что действия работников ЖЭУ расценить можно только как самоуправство, против которого необходимо принять какие-то действенные меры.

С. САМАТОХИНА
Новосибирск

■

Мы учимся в десятом классе средней школы № 4 в городе Павловский Посад. Обращаемся к вам со своей проблемой.

Помимо занятий раз в неделю в УПК, вот уже четвертый год мы заняты так называемым общественно полезным, производительным, а на самом деле принудительным трудом.

Раз в неделю после уроков мы обязаны отработать на Камвольном комбинате (нашем базовом предприятии) 4 часа. Обслуживаем мотальные автоматы. В цехе шум, пыль, техника безопасности не соблюдается. Работать там нам не нравится, да и устаем так, что не всегда можем выполнить уроки на завтра. А ведь всем известно, какая сложная программа в старших классах. Чтобы требовать с нас отработку этого ОПТ, нас заставили написать заявление о нашем, якобы добровольном, желании трудиться на комбинате. Нас интересует: подобная «добровольная обязаловка» существует во всех школах страны или является инициативой нашего местного руководства?

БАЮТИН, ХРАПОВ,
МИРОНОВА,
всего сорок две подписи
Павловский Посад

■

Я русская. Родилась в России. Воспитывала и растила меня моя бабушка Ольга Александровна Голубева, уроженка Орла, внучка дьякона. Мой дед Серафим Александрович был наречен Серафимом в честь святого Серафима Саровского. Второго своего деда, Петра Бернгардовича Пожняка, из семьи обрусевших поляков, не знала, к сожалению, он рано умер. Его жена, моя вторая бабушка, Мария Павловна Елизарова умерла от голода в ленинградскую блокаду. Короче, Россия — моя родина, мне в ней жить, уезжать незачем и некуда. Пишу я все это, конечно, не затем, чтобы поведать миру о своих родных или о своем умонастроении, а вот по какому поводу. Прочитала очередной номер тушинской районной газеты «Пульс Тушина».

В последнее время у нас развелось много охотников говорить от имени русского народа (а, стало быть, и от моего имени). «Именем народа», советского или русского, у нас часто вершились страшные и грязные дела. У всякого человека есть личная ответственность перед Богом и людьми. Призываешь к погрому — так и говори: «Я призываю к погрому!», а не «Россия воспрянет ото сна». К сведению Владимира Фомичева, редактора московской районной газеты «Пульс Тушина»,— это мой Пушкин... Я тоже надеюсь, что Россия воспрянет ото сна и стряхнет назойливый и опасный миф, который В. Фомичев поддерживает и развивает.

Человеку свойственно отчуждать зло. Виноват не ты лично, а некто. Осознание своей вины, сознавание своей личной ответственности — это христианское сознание, абсолютно чуждое людям, провозглашающим врагами России то жидомасонов, то сионистов, то русофобов. Сионисты — это евреи, стремящиеся жить на «исторической родине», не менее и не более того. Жидомасонов же и русофобов в природе не существует и никогда не существовало. Были берманы, нахимсоны, кагановичи — палачи, и зачастую жертвы в свой черед, негодяи, подонки, честные фанатики, миллионы людей, поверивших, что великая цель оправдывает любые средства. Жили, страдали и погибли Осип Мандельштам, Исаак Бабель, Лев Квитко и сотни, сотни тысяч жертв — евреев. Это часть нашей истории, от нее не уйти. Скомандовать «праведники (русские) — направо, преступники (евреи) — налево!» не получится. Кровавый спутанный клубок не разделить. Я только не могу понять, зачем призывать читателя к размышлению, считая его (то есть меня) полным идиотом. Например, журналист Владимир Трофименко («Пульс Тушина», выпуск третий, январь 1990 г.), автор заметки «Драма и комедии реабилитации», сообщает читателю подробности из жизни Троцкого, «...поставившего, по некоторым сведениям, в 1918 году в г. Козлове памятник Иуде с посвящением: «Освободителю человечества» (документальные свидетельства чего ныне разыскать вряд ли возможно — они уничтожались, как и многие другие свидетельства разгула сионизма в России»).

Я не питаю никаких теплых чувств к Л. Троцкому, возможно, он и достоин такого анекдота, но вот зачем меня-то считать идиоткой? Лев Троцкий, будучи, кстати, вовсе не сионистом, а убежденным антисионистом (т. е. противником идеи переселения евреев в Палестину), поставил памятник Иуде Искариоту в городе Козлове?! Чем нелепее, тем смачней? Все средства хороши, что ли? В. Трофименко приглашает к размышлению. Поразмыслю. «Пульс Тушина» — не подзаборный листок. Это газета Тушинского района г. Москвы, тираж 20 000 экземпляров. Такая газета может стать очень действенным средством. Все рядом, все видно, а это отнюдь не в интересах аппаратчиков. Гораздо удобнее предоставить трибуну людям, которые будут одурманивать легковерных «захватывающей» информацией. Юрий Афанасьев, оказывается, чуть ли не хочет ставить памятник Ягоде, «Мемориал» не различает палачей и жертв. Евреи, евреи, везде одни евреи! Довольно грязи!

Не знаю, как для В. Фомичева, а для меня Россия — это моя бабушка Ольга, раскинувшая руки перед дверью комнаты, в которой прятались, спасаясь от угона в гетто, соседи-евреи: «Стреляй! Не пущу. Отче наш, иже еси на небесех...» И солдаты, румынские парни, в которых война еще не выжгла человека, попятились, забормотали: «Матка, матка...» и ушли. Рядом с ней я — русская, а не с вами, граждане из «Черной сотни».

М. ПОЗДНЯК
Москва

ПРОШУ СЛОВА!

ОБЫКНОВЕННЫЙ РАШИЗМ

Николай АНДРЕЕВ

СА

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ МИЛИТАРИСТСКОГО СОЧИНЕНИЯ

Чтобы сразу обозначить направление разговора, приведу несколько цитат из одного журнала.

«Только хитрым пацифистам грезится мир без армии и службы, когда с развязанным пупком и издерганными нервами вкушаешь тонкие радости, при этом незаметно гребешь к себе...»

«И уж если на то пошло, говорю, коли взять сто журналистов, и сто ученых, и сто инженеров, и сто шоферов, и сто врачей, и сто... впрочем, кого угодно, то сто любых офицеров будут всегда лучше всех».

«Какие темы мы можем предложить молодежи? Вкус к дисциплине. Дисциплина и благородство. Дисциплина и честь. Дисциплина как проявление созидающей воли. Дисциплина — это порядок. Порядок создает ритм, а ритм рождает свободу. Без дисциплины нет свободы. Беспорядок — это хаос. Хаос — это гнет. Беспорядок — это рабство. Армия — это дисциплина».

«Армия и культура» — так озаглавлена публикация, распластавшаяся со второго по девятый номер «Военно-исторического журнала». Принадлежит перу Карема Раша. Кратко представим его. В 70-е годы широко была известна мушкетерская школа «Виктория» в Новосибирске, которой он руководил. А позже Раш занялся публицистикой на ратную тему. Когда ученый совет Военной академии Генштаба поддерживал кандидатуру Раша при выборах в действительные члены Академии педнаук, то отметил: «К. Рашу свойственны широта мышления, наряду с глубоким осмыслением стратегических замыслов противоборствующих сторон...»

Читая первые номера журнала со статьями Раша, я не мог настроиться на серьезный лад. Не уловить: то ли автор грубо, неуклюже, громоздко разыгрывает читателей. То ли кого-то пародирует. Или пытается подражать Оруэллу, уж слишком явно некоторые словесные обороты Раша напоминают новояз, которым изъясняются персонажи антиутопии «1984». В ряд с бессмертными оруэлловскими лозунгами «Война — это мир», «Любовь — это ненависть», «Правда — это ложь» можно ставить афоризм, сформулированный Рашем: «Армия — это и есть культура».

Уяснив эту истину, дальше уже с пониманием реагируешь на фантазии Раша. А они масштабны. Ну, например, чего нам не хватает в сфере культуры? «Военной киностудии»,— отвечает Раш. И ставит задачу: там должны сниматься фильмы на уровне мировых стандартов. Следует основать военную консерваторию. А то: «Занимается ли в стране хоть один орган или институт целенаправленно военной песней, музыкой, ритуалами, воинскими традициями? Ни один!» Между тем «победа приходит к тому, кто, кроме совершенного оружия, бросает на чашу весов умную организацию, то есть военную культуру и дух, который внешне проявляет себя в песне и музыке». Так-то! Должна быть открыта армейская студия грамзаписи. Само собой разумеется, армейские театры должны потеснить гражданские. Живопись Раш не упоминает, видимо, считает, что тут дела обстоят благополучно,— есть студия имени Грекова. Правда, мы вправе спросить: а где полотна на уровне мировых стандартов?

Возбужденная мысль Раша несется дальше, дальше. Раскрываются новые захватывающие истины. Мы узнаем, что еще и православия на Руси не было, а армия была. Письменности русские не имели, но как воевали! «Правороссы выпрямили мир»,— констатирует Раш. Потому, видимо, и призывает к бдительности: «Враги знают, что крепость Советского Союза зависит прежде всего от крепости русских. Поэтому они стараются принизить культурное и духовное наследие русского народа».

Что ж, русский народ настрадался из-за войн. Истину эту доказывать не надо. Но было ли когда в истории нашего государства, чтобы народ — именно народ! — из-за своего «воинственного характера» требовал объявления войны? Не было и не могло быть. Война — это всегда несчастье народное. И не радовались ей никогда. А вот Раш войну воспринимает как великую благодать. Вот, к примеру, самая последняя война, которая закончилась не более года назад, была, оказывается, очень благотворна для советского общества. «Афганистан подверг жесточайшей проверке все наши культурологические установки. Боевые будни породили ратное братство, но они же и отбросили, как хлам, все, чем мы сейчас заполняем досуг молодежи». Вот, оказывается, как просто: чтобы отбросить весь «хлам», нужно провести небольшую войну. Пусть она будет бесславной, пусть с ее помощью мы восстановим против себя весь мир, но зато проверим наши «культурологические установки», очистим нравы. А что тринадцать тысяч убитых потеряли, да десятки тысяч раненых, да огромные материальные потери — за ценой ради самоочищения не постоим.

Раш горюет: армия нынче не та. Указывает на прямых виновников — школу и семью. Для обвинений Раш находит безжалостные слова. Но предварительно он ставит основополагающие задачи: «Какая сегодня школа, такими завтра будут и армия, и общество», «Без крепкой семьи и не может быть боеспособной армии и просто здорового контингента солдат». Как же выполняется задача? Плохо, очень плохо. Школа поражена «дряблой либеральностью», она превратилась в «площадку для рефлексий», где ставят эксперименты «интеллектуальные невежды». С этим Раш предлагает решительно и бесповоротно кончать. И рисует план: «Думаю,

что любая военная академия или училище вряд ли до конца выполнят свою социальную роль, если при них не будет мальчишек, не будут шуметь зеленые побеги»,— недурно задумано. «Мальчики в погонах — это как улыбка войска»,— умиляется Раш. Чтобы улыбок было больше, Раш предлагает: «ряд ПТУ и сейчас можно было бы перевести в ранг военно-инженерных лицеев». Должна быть расширена сеть суворовских и нахимовских училищ. При военно-медицинской академии стоило бы открыть пироговские училища. И вот тогда... Впрочем, и тут лучше Раша не скажешь: «Раз детство начиналось с суровых испытаний, будьте спокойны, у этих детей не будет проблемы с отцами».

В чем не будет затруднений, считает Раш, так это в комплектовании этих учебных заведений педагогическими кадрами. Кадры в избытке. «Офицер есть абсолютный эталон педагога... Офицер есть высший тип учителя...» Чтобы не возникало вообще никаких сомнений, Раш выкладывает и такой довод: «Из всех категорий наших граждан в характерный, особый тип отформовался только офицер». Помните: «Если взять сто журналистов, сто шоферов.. то сто любых офицеров лучше всех»? Лучше-то они лучше, только в чем? В вопросах полевой тактики? Строевой подготовки? Разборки и сборки автомата Калашникова? Знании устава гарнизонной службы? А как у «эталона идеального педагога» со знанием вычислительной техники? Бионики? Политологии? И математику будут ученики проходить, маршируя под гром военного оркестра?

Еще более безжалостный счет предъявляет Раш семье. Во многом она провинилась перед ним. Во-первых, растит плохих солдат. Во-вторых, в семьях теперь главенствует женщина, а это непорядок, так не должно быть по теории Раша. И к тому же «самых прекрасных на свете русских женщин увлекли на бесплодие, перерождение и мужиковатость». Кто, интересно, увлек? Рашу не до ответов. Он строго отчитывает малодетные семьи. «Почему доход сейчас в семье больше, чем до войны, а детей меньше? Только ли занятость женщины виновата? Не разлит ли в воздухе дух потребительства, желания «пожить»? Пожить для себя, а значит, для своей утробы, а не для семьи и Отечества? Не преувеличены ли намеренно крики о трудностях в связи с воспитанием и отсутствием детсадов? Не скрыта ли за этим нытьем нечистая совесть? Почему жили раньше беднее, а детей имели?»

Женщины Отечества! Эти суровые вопросы к вам. Держите ответ, как дошли до жизни такой? Где ваша совесть? Почему мужиковаты? Доложите, почему сбавили темп подготовки солдат? Матери погибших в Афганистане, что вы думаете о том, чтобы пожить для себя? Женщины, которые из-за недостатка детских учреждений сидят дома с детьми, знаете ли вы, что тем самым испытываете терпение Раша?

Давно не приходилось мне читать таких вдохновенных строк, посвященных гению Сталина. А чтобы нам был ясен масштаб этой фигуры, автор приводит такое сравнение: «Пусть попробовал бы Цезарь или Наполеон покомандовать при Иосифе Джугашвили». Действительно... Мигом бы оказались в подвалах Лубянки.

Образ Сталина для Раша путеводный. «Чтобы сохранить героичность в мыслях,— советует Раш,— надо иметь перед взором образ, тот идеал, без которого выстоять не дано никому... Мне этот образ видится всегда в длиннополой шинели». А кто у нас любил сапоги и длиннополую шинель? «Когда простой народ с уважением говорит о Сталине, это вовсе не из-за тоски по кнуту, лагерю или окрику. Это старая русская тоска по хозяину и порядку». Каково! До чего свежий, оптимистический взгляд на «правороссов», но, спрашивается, в чем же тогда авангардность русского народа, если он, тоскующий, без хозяина и шагу сделать не в состоянии? Но слушайте, слушайте дальше. «Народ верил в Сталина потому, что в нем, в народе, еще было много идеализма, а стало быть, нравственного здоровья... Он помнит, что от Сталина, который владел безраздельно всеми богатствами доброй половины мира, осталось только одна шинель». Тут возникает несколько недоуменных вопросов, и осмелюсь их задать. Когда, позволительно узнать, Сталин владел половиной мира? Александру Македонскому, и тому этого не удалось. И еще. Владеть какими-то пространствами может только венценосное лицо, царь, к примеру, или император. Неужели Раш уравнивает генсека и помазанника божьего?

Сталинистов у нас хватает. Часто это искренние люди. Они безудержно верят, что Сталин творил добро, что он действительно строил социализм и потому является верным продолжателем дела Ленина. Их не смущает, что слова и дела Сталина далеко расходились друг с другом. «Верую, потому что абсурдно»,— говорил один византиец. Так и сталинисты: верят, потому что абсурдно. Их ничем не смутишь: ни репрессиями, ни миллионами невинно загубленных, ни оскотиниванием населения. Они эти факты толкуют опять же в выгодном направлении: «Такая была обстановка», «перегибы», «искажения», «Сталин не знал». Иногда знакомишься с изумительными аргументами адвокатов Сталина. Например, некто Игнат Чебукин дает такие объяснения на страницах «Советской России»: «Осложняли положение и многие репрессированные. На очных ставках, открытых процессах оговаривали себя, возводили напраслину на сопартийцев, друзей». Испытываешь потрясение от таких иезуитских пояснений. И все-таки Игната Чебукина и Александра Шеховцова можно понять, ниспровержение Сталина для них пострашнее потери партбилета. Поэтому они ищут самые немыслимые объяснения, чтобы обелить своего идола.

Но Раш, кажется, единственный, кто печатно утверждает: Сталин убивал и правильно делал, потому что имел на это право. Ход рассуждений Раша довольно любопытен: «Они хотели убрать Кобу. Но Коба убрал их». Они — это Бухарин, Зиновьев, Пятаков, Троцкий, Каменев, Тухачевский... «Номенклатура»,— обозначает Раш их родовую сущность. Еще, что уже совсем непонятно, всех их он представляет как создателей ГУЛАГа. «На всей этой номенклатуре лежит кровь невинных крестьян, детей, казаков и миллионов беззащитных людей. Все они были на редкость писучи. Все обзавелись званиями и собраниями сочинений...» Внимание, теперь самое главное: «Никто теперь не должен был мешать этому человеку, который стал против Гитлера. Потому после 1933 года дни и годы троцких, каменевых, бухариных были сочтены». Остается необъяснимым, почему их дни были сочтены: за создание ГУЛАГа? За то, что были писучи? Или потому, что мешали (как?) титану Джугашвили готовиться к поединку с супостатом по фамилии Шикльгрубер?

Раш кладет новые и новые кирпичи в фундамент памятника идеалу в длиннополой шинели. «Кто сможет вести незаметную, тяжкую, бессонную работу по укреплению и воссозданию новой государственности?.. кому остаться на мостике? Сталину или Бухарину? Сталину или Тухачевскому?» Действительно, кому оставаться, а кому погибать? Кто сможет без сна и отдыха крепить социализм? Раш объективен. Вопросы слишком серьезны, чтобы он решился самостоятельно отвечать на них. Он ссылается на европейский авторитет того времени: «Фейхтвангер подтвердил — только Сталин. Подсудимых он просто печатно обругал». Ну, раз Фейхтвангер благословил, то все в порядке, Коба действовал правильно: долой с «мостика» Бухарина, Тухачевского, а заодно и почти все высшее и среднее командование Красной Армии! В лагеря миллионы и миллионы рабов! Никто не смеет мешать Сталину готовиться к войне. И ведь блестяще подготовился! Враг дошел всего лишь до Москвы, Волги и Кавказа. Все списала Победа. Все ли?

Некоторые места из теоретизирований Раша ставят в тупик: а что, собственно, хочет сказать автор? Ну, например, читаю: «Завтра группа «новаторов» при газете или журнале создаст «комиссию» из очень уважаемых академиков, актеров и писателей и, призывая «друзей» газеты поддержать «политику сотрудничества», станет всем внушать, что мы уже созрели для демократических выборов секретарей ЦК партии. Если модель создана для выборов даже академиков, то следующий шаг напрашивается». Вы что-нибудь понимаете? До меня не доходит смысл этого пассажа. Ограничусь вопросами. Кто такие «новаторы»? Что за «комиссия»? Что понимать под «политикой сотрудничества»? Автор на что-то намекает, но на что? Допустим, кто-то не созрел для выборов секретарей ЦК, но к чему это обобщающее местоимение «мы»? Если секретарей ЦК демократически не избирают, то откуда они появляются? Материализуются из идеи? Или кто-то назначает? Кто? Какими принципами при этом руководствуется? И почему? Раш пугает, что в случае, если все-таки по какому-то сумасшествию коммунисты будут секретарей ЦК избирать демократическим путем, это «ведет неизбежно к катастрофе, хаосу, панике, многовластию, поражению». Поражение в чем? Темнит Раш, темнит. Как сказал бы Дерсу Узала: «Много лет тайга ходи — понимай — нет».

Раш начитан. Вставит строчку из Пушкина, сошлется на Гете, призовет в помощники Достоевского, поставит в пример Сумарокова. И великие люди благодаря Рашу открываются нам с неожиданной стороны. Оказывается, все они мечтали о том, чтобы воспеть армию, были одержимы воинственным духом. В Пушкине, к примеру, «счастливо воплотился тип русского офицера», хотя он, помнится, к воинской службе отношения не имел. Или Шиллер. Романтик, мечтатель — таким он нам известен из хрестоматий. Раш делает поправку: не романтик и мечтатель, а составитель и редактор воинских уставов. Альфред Виктор де Виньи — с университетских времен помню, что это писатель романтического склада. Раш, однако, привлекает его для прославления войны в Афганистане: «Мы верим, что неотвратимая историческая необходимость бросила наших солдат за Гиндукуш. В этом, как сказал бы Альфред де Виньи, и заключена «неволя и величие солдата».

А знаете ли вы, какая была польза для отечественной литературы от войн русского самодержавия по завоеванию Кавказа? Очень большая, по мнению Раша, потому что эти войны «породили со стороны русских офицеров Лермонтова, Марлинского, Одоевского, а также Пушкина прекрасные поэмы, стихи и прозу, полные глубокого уважения к сопернику, ставшие и для горцев гимнами братства... Такого понимания братства не знала западноевропейская культура...». Уверяю вас, все это Раш изрекает на полном серьезе.

Гражданская жизнь для Раша — исчадие зла. Невоенные люди ему подозрительны: формы не носят, без погон — не разберешь, кто есть кто. Всюду хаос неуставных отношений. «Нет ни одного коллектива «на гражданке», в котором не было бы в той или иной форме неуставных отношений... Неуставные отношения пронизывают жизнь каждой школы, бригады, общежития, института». Читаешь такое, и всплывает в памяти случай с одним пехотным капитаном. Попал он в компанию интеллектуалов, послушал их споры и сделал заключение: «Если вы такие умные, то почему строем не ходите»? Устав, строй, форма, погоны — вот, по Рашу, идеал общественного устройства. Но согласится ли общество идти к такому идеалу?

Будем называть вещи своими именами. Откровения Раша — это четкое проявление милитаристского мышления. Долгое время усиленно пропагандировалось, что милитаристы, «поджигатели войны», «ястребы» существуют исключительно там, на Западе. Они «бряцают оружием», «выступают с воинственными речами», «проводят провокационные маневры», «раздувают военный психоз». С нашей стороны, разумеется, только все новые и новые «мирные инициативы», «миролюбивая политика», «призывы к разоружению»...

Что ж, «там» есть милитаристы, и они не скрывают своего образа мыслей. Но люди подобного типа есть и в родном Отечестве. Армия, война — их родная стихия. Для милитариста подозрительны такие понятия, как «мирный дом», «материальное благополучие», «демократия», «общечеловеческие ценности», «человеческие радости». В них он видит только вред, поскольку они «подрывают боевой дух». Потому всякие разговоры о мирной, безмятежной жизни — это слюнтяйство, происки пацифистов, предательство идеалов.

Война никогда не была благородным делом человека, сколько бы Раш и его соратники по образу мыслей ни силились это доказать. Да, защита Родины — это наш гражданский долг. Напал враг, ты берешь оружие, сколько бы ни поклонялся христианской заповеди «не убий». Но провозглашать благородным делом вторжение на танках в другие суверенные государства? Под дулом автомата учить жить другие народы? Восславлять оккупацию чужой территории? Нет, это не признак патриотизма. Это типично милитаристское мышление.

Армия — это инструмент государства. Без армии государство пока не может существовать. Так же как без милиции, суда, прокуратуры или, скажем, министерства иностранных дел. Однако нельзя любой государственный институт, в том числе и армию, наделять гипертрофированной ролью учителя общества, воспитателя народа. Не надо представлять армию «школой воспитания». Это не ее функция. Также в ее обязанности не входит устрашение, усмирение своего народа.

Армия существует для защиты страны от внешней угрозы. Мы должны быть уверены в надежности этой защиты. И, откровенно говоря, возникают большие сомнения в высоком уровне профессионализма наших военных. Хотя Раш клянется, что «русский солдат остается сегодня лучшим», и «знают недруги: такой армии нет ни у кого»,— это напоминает похвальбу мальчишек во дворе. Раш вообще склонен к хвастовству, преувеличениям: «...Мы, порождающие таких солдат, являемся на сегодня, как и прежде, самой богатой и самой культурной страной в мире».

Наши домашние милитаристы сейчас в беспокойстве. Раньше-то милитаризму была подчинена экономическая, политическая, общественная жизнь. Теперь военный психоз спал. Мы обнаружили, что никто не жаждет начать завтра войну, что и от нас зависит снижение уровня военной напряженности в мире. Не всех, однако, это устраивает. Милитаристы почувствовали, что почва уходит из-под ног. И мы слышим крики: «Не позволим дискредитировать армию!» Однако не о дискредитации армии идет речь, а о том, что времена изменились и война должна быть исключена как инструмент государственной политики.

Народ хочет просто жить. Мирно, спокойно. Надо дать ему такую возможность.

И закончу вопросом из обозреваемой публикации: «Зачем нам в сознательной перестройке весь этот взвинченный тон, мутный поток полуистин на плохом русском языке, и кто его поддерживает под видом гласности?»

ПАМЯТНИКИ

Нина ЧУГУНОВА, Марк ШТЕЙНБОК (фото)

Памятники, которыми мы уставили страну, мы изготовили сами. Моя любимая Девушка с веслом вышла из тех же ворот, откуда повыходили колоннами маршалы и герои, сталевары, колхозницы, не могущие уволочь пудовые снопы гигантских урожаев. И эта женщина с редкой фигурой выбежала из заводской проходной, где она теперь?..

Закройте, закройте завод.

Невозможно остановить производство, если оно исправно выполняет план.

Остановите виновного. Уберите этих женщин. Позовите других, нашего времени. У них должны быть и лица другие.

...Скульптор встречает нас на пороге старого московского деревянного особнячка на старинной купеческой московской улице, на пороге своей мастерской. Толстой. Летящий Достоевский. Солдат с ружьем, худой и молодой. Раскрашенный молодой Ломоносов.

(В какой-то момент разговора на столе возникает книга, трактующая об иконографии Ломоносова, и, к слову, известен ведь всего один писанный маслом портрет, один! Все остальное — списки, а после — слепки.)

Да, кивает скульптор, но разве не заметно, что эти памятники различны? Один Ленин не повторяет другого. Рабочий — рабочего. Мы просто не обращаем внимания. Мы привыкли к этому искусству, как привыкли и перестали однажды воспринимать лозунги. Такова природа человека. Он перестает воспринимать монотонное. И от частой смены одного и того же это не оживает.

«О, если бы мы поверили всему, о чем нам кричали с плакатов! — внезапно восклицает скульптор.— Мы бы... мы бы превратили все, все вокруг в пустыню».

Итак, как хорошо, что мы привыкли не видеть выше второго этажа, привыкли не различать наши памятники и не доверять тексту на плакатах. Конечно, некоторое время верили. Потом уже нет. Пушкин да, но дама нет.

Искусство может быть лишь хорошим и плохим, высоким или низким. Вам приходилось ли бывать в готическом соборе, в кафедральном православном храме? Вам кажется, что наши города уставлены памятниками? Да нет же, отнюдь. Москва пустынна, если считать памятники, они в ней редкость!

Человеку хочется разрушить, и он разрушает именно тогда, когда судьба дает ему шанс строить. Он испытывает желание сокрушить. Ему кажется, что от этого станет легче дышать. В данном случае мы говорим не только о памятниках, плакатах и лозунгах, но более о порыве. Кажется, станет легче дышать и строить. Может возникнуть даже иллюзия свежего воздуха, как у астматика, рванувшего в приступе удушья дверцу книжного шкафа.

Быстрота, с которой мы уничтожаем внешние приметы ненавистного вчера, то есть его памятники, определяет скорость, с которой возникнут на пустырях «памятники нового времени».

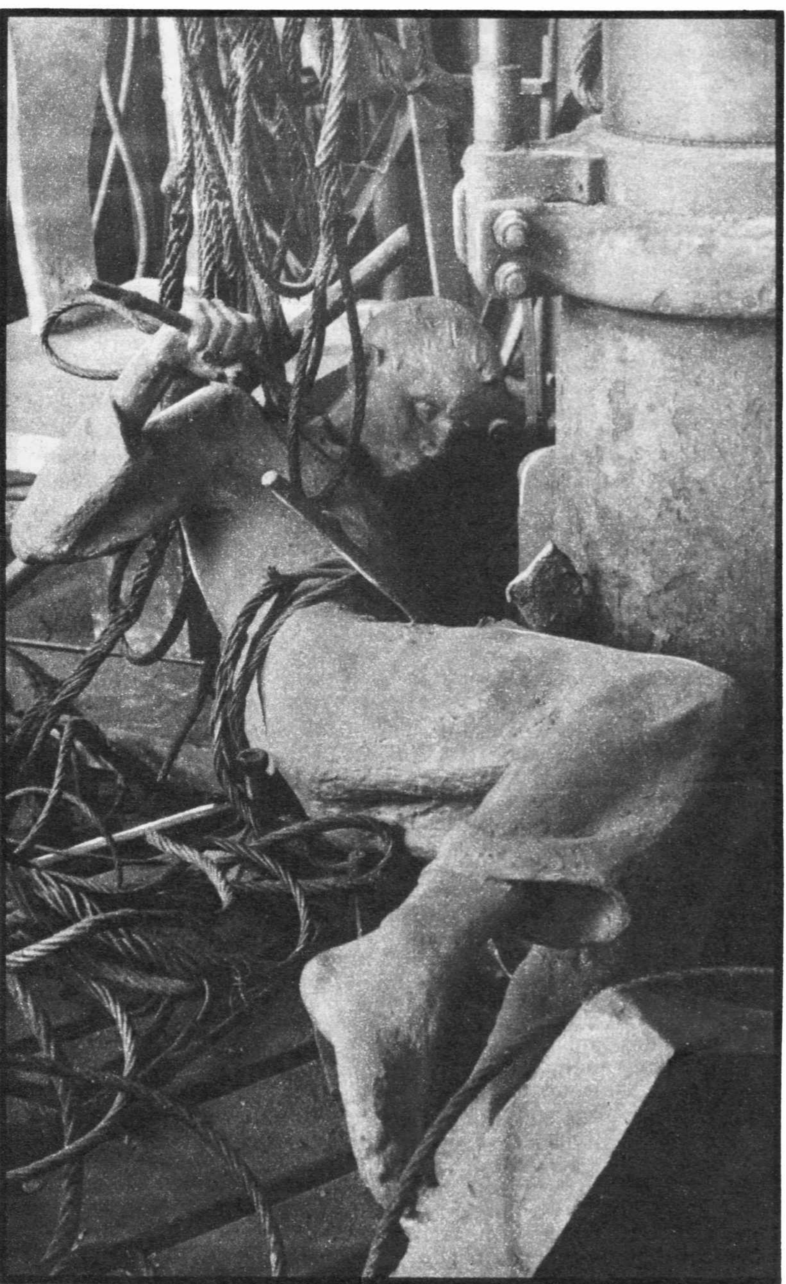
Или памятники в честь разрушения памятников. Или памятники в честь разрушителей.

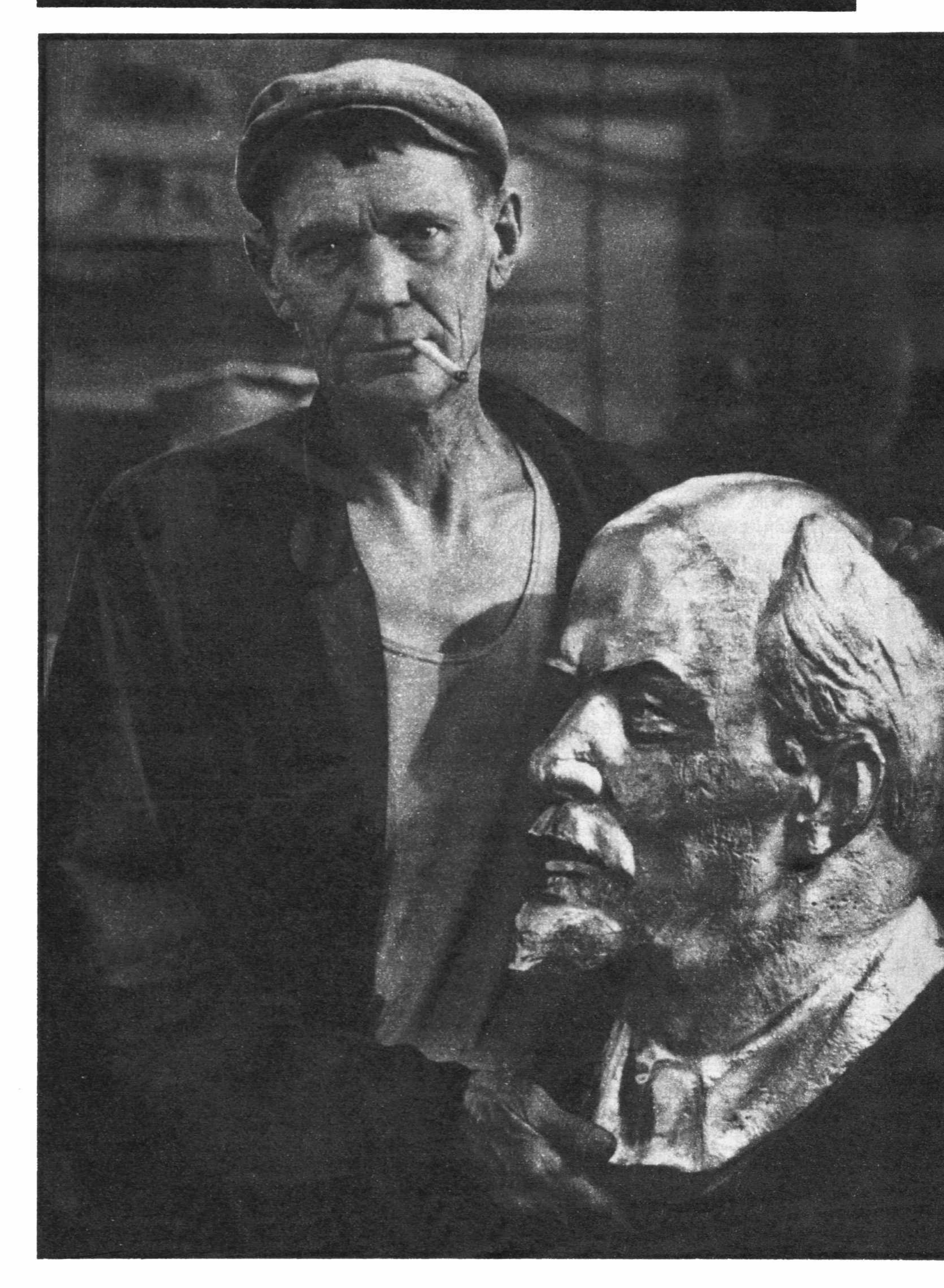
Так будет, пока мы те же. Пока заведена, работает машина, из проходной которой выходим мы, «сталевары», «герои»...

Не надо ничего убирать ради нового. Не надо ничего убирать и ради прежнего, невосстановимо это. Будем жить так, со всем, что накопили.

Это самое трудное сегодня. Это трудно для нас по одной лишь причине: мы дети того времени, когда девушки с веслами вставали взамен императриц.

Можно, конечно, восстановить храм Христа Спасителя, но получится другой храм. Разрушенное восстановить нельзя, тем более разрушив построенное на месте разрушения. Скажете, время безжалостно? Не так. Оно непрерывно.

Бахыта Кенжеева и Тимура Кибирова при всей разности манеры и стиля и при том, что один (с некоторых пор) живет в Монреале, а другой в Москве, объединяет то, что до недавнего времени публиковались они только в эмигрантских изданиях.

До отъезда в Канаду Бахыт Кенжеев вместе с А. Цветковым, С. Гандлевским, А. Сопровским входил в группу «Московское время». Профессиональное владение стихом, наследование классической школе могло, казалось бы, обеспечить этим поэтам место на «либеральном» фланге официальной литературы той поры, но тайная и явная свобода расценивалась как тяжкий грех и не пускала в писательский рай. Так же, как и на страницы советских журналов.

Тимур Кибиров дебютировал позже и сразу был причислен к авангардистам. Поэтику его можно назвать универсальной, ибо и адепт авангарда, и ревнитель некрасовской гражданской традиции находят в его текстах адресованное им слово.

Можно представить себе, сколь нелегко поэту сознание того, что половина твоих читателей на родине листает твою книгу исключительно по долгу службы. Но теперь у поэта есть надежда, что слово его отзовется не только казенным фельетоном в центральной газете, но и живым сочувствием людей.

РОДНОЙ ЯЗЫК

Тимур КИБИРОВ

ИЗ ЦИКЛА «ПРЯМАЯ РЕЧЬ»

Закрывай поддувало, рассказчик!
Нам никто и ничто не указчик,
лишь висящий на вахте образчик
заполненья пустого листа.
Пункт за пунктом диктуют уста.
Вправо-влево каретка шагает.
Это к сведенью жизнь принимают
и приветствуют звоном щита
и меча на петличках блестящих!
Долог век наш, но дольше наш ящик,
исходящих, входящих, пропащих,
завалящих, вопящих тщета!

Снова личный состав поверяют,
по ранжиру в строке размещают
и, дыхнув на печать, закрепляют
по местам перекатную голь.
Выжег сердце безличный глагол.
Номерки инвентарные блещут,
под десницею медной скрежещет,
дело общее шьет дырокол.
Словно туча, гроссбух набухает,
арифмометр нам ребра считает,
о списании акт составляют
славный росс и татаро-монгол!

Суд да дело по форме ведутся,
канцелярские кнопки куются,
восклицательный знак резолюций
вырубает дремучий сыр-бор.
Вот он, оперативный простор,
для веденья отчетности полной!
Лишь рисунки и буквы в уборной
с циркуляром пускаются в спор...

Это жизнь забивается в щели,
в швы рубах у служивых на теле,
вошкой-блошкой кусает в постели,
невзирая на званье и чин.
Это дух от монгольских овчин,
от варяго-российских портянок,
от сивушных поминок-гулянок,
от храпящих в казарме мужчин!
Это прет самогонная смелость,
аморалкою кровь закипела!
Заводи персональное дело!..
Но для этого нету причин.

Ведь при взгляде на бланк образцовый
наша похоть смиряется снова,
ибо мягкая плоть не готова
смерть попрать — а души не видать!
Ибо служба нам ро́дная мать,
и казна нас одела-обула!
Разжимается грязная дуля,
чтоб докладчику рукоплескать!

Бахыт КЕНЖЕЕВ

ПАМЯТИ АРСЕНИЯ ТАРКОВСКОГО

1.

Пощадили камни тебя, пророк,
в ассирийский век на святой Руси,
защитили тысячи мертвых строк,
перевод с кайсацкого на фарси,—

фронтовик, сверчок на своем шестке,
золотом поющий, что было сил —
в невозможной юности, вдалеке,
если б знал ты, как я тебя любил,

если б ведал, как я тебя читал —
и по книжкам тощим, и наизусть,
по Москве, по гиблым ее местам,
а теперь молчу, перечесть боюсь.

Царь хромой в изгнании. Беглый раб,
утолявший жажду из тайных рек,
на какой ночевке ты так озяб,
уязвленный, сумрачный человек?

Остановлен ветер. Кувшин с водой
разбивался медленно, в такт стихам.
И за кадром голос немолодой
оскорбленным временем полыхал.

2.

Поезда разминутся ночные,
замычит попрошайка немой —
пролети по беспутной России —
за сто лет не вернешься домой.

От военных, свинцовых гостинцев
разрыдаешься, зубы сожмешь,—
знать, Державину из разночинцев
не напялить казенных галош...

Что гремит в золотой табакерке?
Музыкальный поселок, дружок.
Кто нам жизнь (и за что?) исковеркал,
неурочную душу поджег?

Спи без снов, незадачливый гений,
с опозданием спи, навсегда.
Над макетом библейских владений
равнодушная всходит звезда.

Книги собраны. Пусто в прихожей.
Только зеркало. Только одна
участь. Только морозом по коже —
по любви. И на все времена.

* * *

Каждому веку нужен родной язык,
каждому сердцу, дереву и ножу
нужен родной язык чистоты слезы —
так я скажу и слово свое сдержу.

Так я скажу и молча, босой, пройду
неплодородной, облачною страной,
чтобы вменить в вину своему труду
ставший громоздким камнем язык родной.

С улицы инвалид ухом к стеклу приник.
Всякому горлу больно, всякий слезится глаз,
если ветшает век, и его родник
пересыхает, не утешая нас.

Камни сотрут подошву, молодость отберут,
чтоб из воды поющий тростник возрос,
чтобы под старость мог оправдать свой труд
неутолимым кружевом камнетес.

Что ж — отдирая корку со сжатых губ,
превозмогая ложь, и в ушах нарыв,
каждому небу — если уж век не люб —
проговорись, забытое повторив

на языке родном, потому что вновь
в каждом живом предутренний сон глубок,
чтобы сливались ненависть и любовь
в узком твоем зрачке в золотой клубок.

* * *

Дворами проходит, старье, восклицает, берем.
Мещанская речь расстилается мшистым ковром
по серой брусчатке, глухим палисадникам, где
настурция, ирис и тяжесть шмелей в резеде.

Подвальная бедность, наследие выспренних лет...
Я сам мещанин — повторяю за Пушкиным вслед,
и мучаю память, никак воскресить не могу
ковер с лебедями и замок на том берегу.

Какая работа! Какая свобода, старик!
Махнемся не глядя, я тоже к потерям привык,
недаром всю юность брезгливо за нами следил
угрюмый товарищ, в железных очках господин.

Стеклянное время, лиловый аптечный флакон
роняя на камни, медяк на ладони держа —
еще отыщу тебя, чтобы прийти на поклон —
владельца пистонов, хлопушек, складного ножа...

* * *

Куда плывет громоздким кораблем
летучий град в бессоннице осенней?
То в дерево, то в озеро влюблен,
небритый мой зеркальный собеседник
по-рыбьи раскрывает черный рот —
а я молчу и глаз не подымаю.
Так беззаботно радио поет.
А у него мелодия немая
на языке, и в горле белена —
корабль плывет, сирены молодые
сидят на мачтах, жизнь еще влажна,
еще легка, еще она — впервые...

Не за горами ранняя зима.
Рассеется туман, сгустится иней.
Один умрет, другой сойдет с ума,
как мотылек в бесхозной паутине.
И человек вздыхает, замерев.
Давно ему грозит зима другая,
все дни его и годы нараспев
на музыку свою перелагая.
А из краев, где жаркий водород
шлет луч на землю в реках и могилах,
глядит Господь — жалеет, слезы льет,
одна беда — помочь ему не в силах.

НЕИЗБЕЖЕН ЛИ КРИЗИС?

В одном из предыдущих номеров «Огонька» помещена интересная беседа корреспондента Т. Калининой с членом Верховного Совета СССР экономистом Геннадием Фильшиным. В беседе звучит тревога по поводу экономического и политического положения страны, отсутствия обоснованной программы преодоления кризиса. Г. Фильшин завершает разговор на оптимистической ноте: он возлагает надежды на новые республиканские и местные Советы, съезд КПСС. Но ведь и перед новыми депутатами и делегатами встанут «старые» вопросы, на которые мы сегодня с таким напряжением ищем ответы. И прежде всего на вопрос, который уже давно обсуждается в мировой литературе,— неизбежен ли экономический кризис при переходе от директивной, централизованной системы хозяйства к рыночной?

Юлий ОЛЬСЕВИЧ,
доктор экономических наук

Процветающая экономика — лучшая основа для политической демократии. И наоборот, неустойчивая, а тем более кризисная экономика — источник самых неожиданных и грозных политических потрясений.

На первый взгляд этому противоречит тот факт, что нынешние демократические процессы в политике порождены в немалой степени предкризисным состоянием хозяйства накануне перестройки. Видимо, такая связь событий окрыляет некоторых наших экономистов, призывающих «не бояться кризиса», дескать, пусть сильнее грянет буря. Однако экономические противоречия вызывают к жизни определенные политические силы и институты именно для того, чтобы эти противоречия разрешить.

Политическая система, которая усугубляет экономический кризис, обречена, сколько бы ее представители ни клялись в верности народу и его свободе. И мы хотим здесь показать, что слепая любовь к демократии опасна для нее самой, ибо ведет к механическому привнесению в больную экономику либералистских методов, которые ее не лечат, не перестраивают, а просто дезорганизуют.

В кого метит автор? В том-то и беда, что ни в кого. Слепой любовью к демократии заражен ныне весь Верховный Совет. Поэтому и мечется он, несчастный, между либералистскими законами, которые проходят под общие аплодисменты, и чрезвычайными мерами, контрзаконами, поправками, которые принимаются в тоскливом молчании, когда выясняется, что либералистские законы дают результаты, обратные ожидаемым.

Эта «патовая» ситуация господствовала и на втором Съезде народных депутатов. Весьма прогрессивная и решительная программа социальной переориентации экономики, с которой на Съезде выступило правительство, опирается на внутренне антагонистическую командно-либералистскую систему мероприятий. Поэтому и выразили многие депутаты обоснованное сомнение в реалистичности этой заманчивой программы.

Сложившаяся противоречивая ситуация поставила депутатов в тупик: есть реформа или ее нет? В интервью «Огоньку» депутат Верховного Совета СССР Геннадий Фильшин размышляет вслух: «...Ни местные органы управления, ни сами предприятия, ни коллективы, мягко говоря, не готовы действовать в новых условиях, предоставленных реформой. Тем более что этих новых условий, по существу, нет: они лишь желательны!»

Так предоставлены или не предоставлены? «Взошел или не взошел?» Депутатам пора бы определиться.

Действительно, если экономическая реформа и дальше будет топтаться на месте, то кризис еще больше углубится. А в условиях дальнейшего свертывания производства попытки поднять народное потребление будут выглядеть как пир во время чумы.

1. ПРИЧИНЫ КРИЗИСА: СТОЛКНОВЕНИЕ ОЦЕНОК

Ситуация противоречива: с одной стороны, в стране предпринимаются энергичные меры по конверсии военного производства, начинает меняться в пользу потребительского и социального сектора вся отраслевая структура хозяйства и внешней торговли. При этом свои главные надежды мы возлагаем на создание социалистического рынка. Но одновременно развивается экономический кризис недопроизводства. В сочетании с ростом инфляции, накоплением «незанятости» и разбуханием «теневой» экономики, ухудшением положения граждан с низкими доходами, ростом социально-политической нестабильности это выливается в социальный кризис.

В чем причина столь парадоксального разрыва между прогрессивными целями, направленностью действий и столь неожиданными результатами?

Выдвигается несколько вариантов объяснения приостановки роста производства и жизненного уровня, научно-технического прогресса. В каждом из них можно найти долю истины.

Считают, например, что кризис вызван самой перестройкой, отказом от директивно-плановой системы хозяйствования, демократизацией и гласностью. Дескать, все это вызвало падение трудовой, производственной и финансовой дисциплины и разбалансированность хозяйства. Им возражают те, кто полагает, что сегодняшний кризис — это прежде всего отдаленный результат прошлых лет застоя, запоздалый взрыв десятилетиями накапливавшихся противоречий. Первые явно забывают, что протест трудящихся вызван как раз тем, что отказ от изжившей себя директивной системы многократно провозглашен, но на практике не реализован. Вторые же вряд ли нам объяснят, почему именно в годы перестройки столь бурно проявились подспудные негативные тенденции.

Некоторые ученые склонны считать, что нам просто «не повезло» — крупные случайные бедствия наложились на серию отдельных ошибок.

Более глубоким представляется четвертый подход. Сформулировав в самых общих чертах прогрессивные цели, мы недостаточно продумали, уяснили себе ту хозяйственную модель, которую собираемся построить. При этом плохо изучили нашу конкретную исходную экономическую ситуацию. В результате мы до сих пор не располагаем надежной программой экономической реформы; нет уверенности в том, что наши методы преобразований приведут к позитивным, а не к негативным результатам.

Против такого объяснения выдвигается теоретическая аргументация: мол, революционные изменения не могут быть заранее запрограммированы, и модель будущей экономики, и поиски пути к ней — это результат экспериментирования, творчества масс. Аргументация

эта выглядит весьма демократично и диалектично, но она является скорее эмоциональной реакцией на былую «заорганизованность», чем научным ответом на реальные проблемы. Фетишизация стихийности, видимо, призвана выдать скудость за добродетель, отсутствие программы — за особую программу. Но подлинная демократия — это не диктатура случайности, а выверенная цивилизованным опытом и наукой организация свободного волеизъявления народа.

По мнению Г. Фильшина, причина экономического провала в том, что не удалось за относительно короткий срок сломать административно-командную систему. «Теперь ясно, что не учитывалось с самого начала,— все эти организации во главе с правительством и привели нашу страну к кризису». А чуть выше он заявляет нечто иное: «Корень зла, безусловно, лежит не столько в самой концепции перестройки, сколько в половинчатых действиях, недостаточной разработке механизма реализации намеченных реформ, как экономических, так и политических». Итак, мы сами (Верховный Совет, экономисты) не имеем разработанной программы реформы. Но при этом изливаем свой гнев на ведомства. Подобно безумной королеве, мы приказываем — делай то, не знаю что! Смело вперед — немедленно назад! А затем усиленно ищем под кроватями ведьм, срывающих нам перестройку. Для одних это таинственная мафия, для других — мировой сионизм, для третьих — «командная система» либо «групповой эгоизм». А приподнять крышку собственной черепной коробки не желает никто.

Демократические реформы современной сложной экономики невозможны без развернутых целей и без одобренных массами эффективных программ по их реализации. Четкое представление о той экономической системе, которую мы хотим построить, и столь же ясное понимание существующей ситуации — вот необходимые условия для бескризисного переходного этапа.

2. СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ РЫНОК: ЯСНА ЛИ ЗАДАЧА?

Итак, цель реформы — создать социалистический рынок. Мало кто из наших экономистов и хозяйственных руководителей полностью представляет, что такое «рынок». В их представлении рынок означает возможность свободно, без приказов и лимитов, по договорным ценам продавать продукцию и приобретать сырье, материалы, оборудование. Но, чтобы такая возможность появилась, отношения спроса и предложения должны охватить все народное хозяйство, все его элементы, пронизать собою все сферы процесса воспроизводства — само производство, распределение, обмен, потребление. Только тогда увеличение спроса, скажем, на мыло или цемент будет вызывать перегруппировку ресурсов и соответствующий автоматический рост предложения.

Народнохозяйственный рынок включает три взаимосвязанные подсистемы: рынок потребительских товаров и услуг, рынок товаров производственного назначения и рынок факторов производства (рабочая сила, денежные накопления, земля). Научная истина сурова, без любой из трех подсистем общий механизм рынка либо вообще действовать не сможет, либо будет усеченным и неэффективным.

Но совместим ли рынок факторов с социализмом? Не означает ли он массовой безработицы, частной собственности на землю и другие средства производства, эксплуатации чужого труда?

Это зависит от того, кто является субъектом, участником рыночных отношений, как эти отношения организованы, кто и в чьих интересах управляет всем хозяйственным механизмом.

В отличие от расхожего мнения суть рынка не сводится к балансированию спроса и предложения. Современный рынок — это прежде всего мощный двигатель НТР, механизм роста и развития. Соединить рынок с социализмом означает поставить этот механизм на службу благосостоянию и раскрытию способностей каждой личности. В этом — то новое видение социализма, которое необходимо нам сегодня. Надо до конца избавиться от тяготеющего над нами «распределительного» восприятия социализма, когда степень «социалистичности» определяется сравнением, кто сколько получил, а не тем, насколько вперед продвинулось все общество и каждый его гражданин.

Механизм рынка включает четыре основных элемента. Конкуренция между хозяйственно самостоятельными предприятиями заставляет бороться за покупателя, ограничивает повышение цен, принуждает снижать издержки [1]. На этом обычно ставят точку, но это лишь начало. Давлению конкуренции на предприятие «извне» должно противостоять давление трудящихся на администрацию «изнутри», направленное на увеличение их доходов, улучшение условий труда. Иначе конкурентное снижение издержек может вылиться в наступление на заработную плату. Третий элемент данного механизма как раз и служит для разрешения противоречия между первыми двумя — это технический и организационный прогресс, для которого необходимы неограниченный доступ любого — крупного и мелкого — предприятия к информации, знаниям и развитие науки.

Но и это еще не все. Где гарантии, что снижение текущих издержек, повышение доходов трудящихся и прибылей не произойдут за счет «проедания» основного капитала, работы «на износ»? Чтобы предотвратить это, на Западе выработана акционерная форма собственности. Отчетные данные акционерных предприятий регулярно публикуются, а курсы акций на бирже ежедневно и довольно точно оценивают состояние дел на каждом из них. Наличие миллионов мелких акционеров делает эту процедуру «голосования» весьма демократичной. А держатели контрольного пакета акций, заседающие в советах директоров, имеют возможность оперативно принимать стратегические решения по модернизации, реконструкции, перепрофилированию предприятий. Это и есть четвертый элемент рыночного механизма [2].

Кто и как сейчас оценивает состояние наших предприятий? Административный контроль за их состоянием себя явно не оправдал. Об этом свидетельствует плачевное состояние основных фондов во многих отраслях народного хозяйства.

В общем, суть механизма рынка — в сбалансированном взаимодействии противоречивых экономических интересов, которое направляет энергию участников на повышение эффективности их деятельности, на общий рост продукции, а не на ее перераспределение за счет друг друга.

3. МЕТОД ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ: ПУТЬ К КАТАСТРОФЕ

Если цель реформы ясна, постараемся оценить исходную нашу ситуацию. Сейчас все внимание сконцентрировано на потребительском рынке, которому грозит окончательное крушение вследствие огромного избытка платежеспособного спроса над предложением. Но не менее тревожно положение и в сфере оборота товаров производственного назначения, где также имеется огромный избыток спроса над предложением и наблюдается острый дефицит всех основных видов сырья, материалов, оборудования.

Положение с факторами производства не лучше: миллионы незанятых рабочих мест и избыток земли в одних регионах сосуществуют со столь же огромным избытком рабочей силы и нехваткой земли в других. И только не обеспеченные товарами финансовые средства, как и раньше, не являются дефицитными.

Те, кто полагает, что сегодня причиной дефицитов является сохранение административных методов управления, опоздали со своим диагнозом на полвека. В свое время эти методы действительно порождали и поддерживали диспропорции; теперь же сама деформированная экономика не может уже существовать без гигантского директивно-перераспределительного механизма. Этого по понятным причинам не могут уразуметь наши западные коллеги и по непонятным причинам — наши экономисты-фритредеры. Непрерывно раздающиеся призывы к «слому» этого механизма сегодня равносильны призывам к экономическому краху.

Основная трудность, следовательно, состоит в том, что перейти от директивной системы к рыночной невозможно без одновременного перехода от глубоко деформированной экономики, держащейся на директивном (и подпольном) перераспределении продукции, ресурсов, доходов, к сбалансированному рынку. Ибо рынок несовместим с глубокими структурными диспропорциями, что общепризнано среди грамотных экономистов Запада.

Какие пути предлагаются для этого? Собственно, предлагается один путь — путь либерализации, то есть снятия административных ограничений, распоряжений и предоставления предприятиям, кооперативам, индивидам хозяйственной самостоятельности. Разногласия существуют внутри этого пути — в отношении форм, сроков, методов либерализации. Но все участники дискуссии согласны в том, что повышение степени хозяйственной самостоятельности позволит самим предприятиям через прямые связи, договорные цены устранить дисбалансы. (Мы здесь не говорим о тех экономистах, которые являются принципиальными противниками рыночной системы.)

Теперь сделан уже не один шаг по пути либерализации — и результаты оказались пугающими. Предприятия взвинчивают цены. Отказываются возобновлять договоры на поставки. Свертывают производство. Поворачиваются спиной к НТП. В обмен на свою продукцию требуют натуроплаты в виде дефицитных изделий и материалов и т. д. И это не говоря уже о крупномасштабных спекуляциях многих кооперативов. Тот самый «коллективный экономический интерес», на который уповала реформа, теперь официально именуется не иначе, как «групповой эгоизм».

Верховный Совет поспешил принять ряд поправок к закону о предприятии и постановлений, которые аннулируют большую часть предоставленной им самостоятельности.

Получается, что Верховный Совет одной рукой принимает либералистские законы, другой рукой приостанавливает их действие. Уже пошли от депутатов ораторам записки: где гарантии, что новые законы не ждет судьба ранее принятых? Действительно, где? Ведь законы Верховного Совета имеют лишь юридическую силу, против экономических законов они бессильны.

«Радикалы» видят выход из тупика в том, чтобы продать в частную собственность квартиры, землю, часть предприятий, ликвидировать «лишние» деньги, а потом отменить административный контроль — пусть стихийный рынок каленым железом излечит болезни экономики.

Но такое радикальное лечение означает, что сразу обанкротятся 8—9 тысяч убыточных предприятий и еще столько же малодоходных. Они потянут за собой целые отрасли, регионы, безработица будет исчисляться десятками миллионов. Государственный бюджет тоже «обанкротится», а цены взовьются в поднебесье. Правильно сказано с официальной трибуны, что в такой ситуации никакое правительство не удержится более двух недель. И все это в лучшем случае приведет не к конкурентному рынку, а к жесткой монополистической структуре, где горстка гигантских объединений будет диктовать свою волю всему обществу. Политическим эквивалентом такого порядка станет что угодно, но только не демократия.

Большие надежды возлагаются на «пакет законов» о собственности, земле, аренде. Ожидается, что именно эти законы дадут нам новый хозяйственный механизм. Но законы имеют лишь юридическую силу и действуют там, где для них имеются экономические условия. Весьма сомнительно, чтобы с принятием законов о земле и собственности «экономическая среда страны уже наступившего года действительно радикально бы изменилась...», как надеется Г. Фильшин. Любой собственник — государственный, кооперативный, групповой, индивидуальный, муниципальный — будет вести себя одинаково пассивно, если он будет скован системой директивных заказов, цен, лимитов на сырье, тяжелым налоговым прессом и т. д. Чтобы «радикально изменить среду», надо поставить предприятия в условия жесткой рыночной конкуренции и реального самофинансирования. В борьбе за существование «заработает» любая форма собственности. На Западе успешно конкурируют друг с другом и государственные, и частные, и кооперативные предприятия. А мы все ведем схоластические дебаты — какая форма собственности лучше.

О том, что мы не располагаем обоснованной программой реформы, говорят партийные руководители, депутаты Верховного Совета, к этому же склоняется, по данным социологических опросов, и подавляющее большинство населения. Было бы более правильно признать: либералистский путь реализации реформы обанкротился. Надо набраться мужества и признать, что бесперспективен и нынешний эклектический командно-либералистский путь, на который свернула теперь и «оппозиция».

4. ОРГАНИЗАЦИЯ РЫНКОВ И ВЫХОД ИЗ КРИЗИСА: ТОВАРНЫЕ БИРЖИ

Где же выход? Пора понять, что парламентские трибуны и кабинеты министров — это не то место, где создается рынок, где плетется живая ткань рыночных хозяйственных связей. Трибуны и кабинеты нужны лишь для того, чтобы способствовать реальным процессам.

Нет иного пути преобразовать деформированное хозяйство в рыночную систему, чем путь организации совокупности конкретных рынков. Эту гигантскую работу следует начать немедленно и сразу по всем основным группам товаров и факторов производства. Одновременно приступить к разработке всеобъемлющей программы народнохозяйственного рынка, которая бы увязывала рынки товаров и факторов. Организация товарного рынка включает создание такой структуры отношений, при которой спрос покрывается предложением при цене, выгодной как поставщикам, так и покупателям. Эта структура предполагает сочетание конкуренции между поставщиками и между потребителями с эффективностью, она может потребовать слияний, разделений, модернизации, реконструкции, привлечения иностранных инвесторов и иных ре-

---

[1] Условием конкуренции является подлинная хозяйственная самостоятельность предприятий; собственниками же могут выступать как государство, так и другие субъекты.

[2] В условиях социализма народные акции могут быть первоначально бесплатно распределены среди всего взрослого населения страны. Для сохранения общественного характера собственности достаточно, чтобы представители общества (банки, органы власти, специальные финансовые институты и др.) концентрировали у себя контрольный пакет акций (т. е. от трех до пятидесяти одного процента).

шительных мер. Здесь не может быть универсальных средств — каждый рынок требует индивидуального инструментария для достижения общей задачи — установления конкурентного динамического равновесия спроса и предложения. Надеяться на то, что равновесие может быть установлено спущенными «сверху» едиными ценами,— иллюзия. Общая реформа цен способна дать лишь временное и частичное облегчение, но отнюдь не решение проблемы. Проблему цен может решить только конкурентный рынок.

Итак, организация всеохватывающей сети товарных бирж и обеспечение на них конкурентного равновесия спроса и предложения — исходный пункт деятельности.

Принципиальная ошибка предыдущих мер реформы заключалась в том, что они ориентировались на отдельные предприятия, а не на их «кооперативы», именуемые товарными рынками.

Создание народнохозяйственной сети таких ячеек и будет одновременно и решением проблемы диспропорций, и налаживанием подлинной хозяйственной самостоятельности контрагентов.

Если будет рынок, конкуренция, тогда в совершенно ином, практическом свете предстанут все проблемы, которые теперь дебатируются абстрактно-схоластически: проблемы собственности, аренды, налогов, цен и др. Теперь все эти дебаты ориентированы на наше предприятие, опутанное дефицитами, директивами и инструкциями; для конкурентного предприятия придется все законы пересматривать и принимать заново.

Но кто проведет всю эту грандиозную работу? Прежде всего сами предприятия. Каждое из них станет участником многих товарных бирж. Разумеется, при самом непосредственном участии плановых органов, ведомств и органов снабжения. И под контролем Советов народных депутатов.

Планово-управленческий аппарат — это мощный инструмент хозяйственной деятельности. Мы сами виноваты в том, что не нашли ему места в ходе перестройки, дезорганизовали и запутали «либералистскими» лозунгами и градом противоречивых законов и постановлений.

Участвуя в организации свободных товарных рынков, административные органы овладеют экономическими методами управления и сами будут радикально преобразованы, не только внешне, но и внутренне. До сих пор они управляли производством, отныне они должны будут обеспечивать согласование, координацию свободных рыночных структур, их ориентацию на конечные цели перспективного плана.

Товарные биржи, действующие во всех «западных» странах и существовавшие в СССР в 1921—1930 годах, представляют собой наиболее развитую форму регулярно функционирующего оптового рынка массовых заменимых товаров (зерно, уголь, металл, лес и т. д.), продающихся по стандартам или образцам. Были у нас до 1930 года и биржи труда, их существование обычно связывают с наличием безработицы, что, конечно, неправильно.

Мы используем в данном случае термин «биржа» условно, для обозначения организованного рынка любого массового либо крупносерийного товара (или товарной группы). Каждая из многих тысяч «бирж» должна быть организована по-своему, шаблон способен погубить главную ее цель: обеспечить интенсивную конкуренцию между производителями и потребителями. Участниками биржи являются крупные производители и потребители данного товара, мелкие и средние могут быть представлены их добровольными сбытовыми либо закупочными объединениями (типа синдикатов).

Посредством предварительных расчетов с участием будущих членов биржи должна быть установлена вилка цен, в пределах которой купля-продажа данного товара окажется рентабельной

Создание всеохватывающей сети сбалансированных товарных рынков — это первый шаг к общему механизму рынка. Его критериями должны быть поддержание уровня реального дохода разных групп населения и обеспечение товарной структуры конечного потребления.

Предприятия взвинчивают цены. Отказываются возобновлять договоры на поставки. Свертывают производство. Поворачиваются спиной к НТП. В обмен на свою продукцию требуют натуроплаты в виде дефицитных изделий и материалов и т. д. ... Тот самый «коллективный экономический интерес», на который уповала реформа, теперь официально именуется не иначе как «групповой эгоизм».

для всех или большинства участников. Дальнейший предварительный анализ должен дать ответ на вопрос: будет ли на данной бирже достаточно интенсивная конкуренция между производителями и между потребителями, чтобы поддерживать цену в пределах этой вилки?

Если, например, анализ покажет, что обнаружится либо нехватка товара, либо монополия производителя и цена будет чрезмерно высокой, должны быть приняты следующие предварительные меры: на стороне продавцов — увеличение объема производства, организационное разделение производящих объединений, расширение круга производителей за счет смежных отраслей, конверсии военного производства, привлечения иностранных фирм; на стороне покупателей — сокращение спроса за счет внедрения новых технологий, перепрофилирования производства, закрытия наиболее отсталых предприятий-потребителей. В любом случае нельзя надеяться, как это мы делали до сих пор, что производители по своей инициативе снизят издержки и цены. К этому их может принудить только острая конкуренция. Условия для нее и должны обеспечить те, кому поручено организовать биржу. Эти условия должны быть налицо до открытия биржи, иначе сама биржа окажется очередным бюрократическим монстром.

Общая ориентация организаторов биржи на начальном этапе должна быть на то, чтобы предложение слегка превышало спрос. Учитывая, однако, что многие предприятия накопили значительные излишки денежных средств и пожелают закупать дефицитные товары «впрок» или для спекуляции, на этом этапе допустимо введение дифференцированных лимитов и нормативов на закупки; по мере снижения цен от верхнего уровня вилки к нижнему эти ограничения будут устраняться.

Товарную биржу не следует рассматривать как некий «закрытый» клуб. Наоборот, она должна быть максимально открыта, особенно для конкурентов — производителей. Например, Минский тракторный завод — монополист в выпуске популярного и дефицитного трактора «Беларусь». На биржу тракторов должны быть приглашены не только реальные, но и потенциальные (в том числе военные) производители. К задаче организовать конкурентные рынки должны быть подключены коммерческие банки, другие кредитные и финансовые организации. Кредитовать, предоставлять налоговые и иные льготы необходимо не предприятиям вообще, а под производство (либо под экономию потребления) дефицитных товаров, под расширение выпуска их заменителей.

Можно поставить вопрос: ведь типичное предприятие — одновременно и продавец, и покупатель многих товаров; проигрывая на одних товарах, оно способно компенсировать потери на других. Отсюда иногда делается вывод: нельзя говорить о рентабельности отдельных товаров, надо говорить о рентабельности предприятия в целом. Этот подход, правильный для директивно-плановой системы, ложен для рыночной. В последней для каждого предприятия все виды продукции в принципе должны быть рентабельны, иначе неизбежным будет «вымывание» малорентабельного ассортимента. Поэтому бесплодными оказались бы попытки создания бирж только на часть товаров. Необходимо с самого начала предварительные расчеты, моделирование, проигрывание ситуаций с участием реальных продавцов и покупателей вести сразу по всем без исключения товарным группам.

Разумеется, что и в центрах по подготовке товарных бирж должна иметься и использоваться вся необходимая информация о производителях и потребителях. И там, и здесь для сбора информации и проверки вариантов должны применяться компьютеры, целесообразно создать приближенные к реальности

модели отдельного товарного рынка, отдельного предприятия. А во Всесоюзном центре рыночной реорганизации, который призван будет координировать эту работу, необходимо разработать народнохозяйственную модель рынка, совмещающую два его разреза: по товарам и по субъектам связей.

Уместен и другой вопрос: не бесполезно ли приглашать к участию на бирже иностранные фирмы, ведь они не захотят получать выручку в советских рублях? Захотят, если смогут на эти рубли закупать выгодные для них товары. Для этого важно определить, на каких товарных биржах у нас образуется перевес предложения над спросом при достаточно рентабельной цене. Иностранным фирмам, следовательно, должен быть открыт ограниченный доступ одновременно к двум «крайним» группам наших рынков: к «дефицитным» и к «избыточным». На первых они смогут выступать как продавцы, на вторых — как покупатели. В дальнейшем по мере укрепления конкурентных рынков и их производственной основы участие иностранных фирм может становиться все более широким.

Современная экономика представляет собой непрерывно действующий конвейер, она требует четких и устойчивых технологических связей между предприятиями. Казалось бы, этому должна была отвечать плановая система с одновременным заключением типовых договоров между предприятиями на одни и те же сроки. Однако жизнь показала низкую эффективность подобной устойчивости. Она приобреталась за счет отказа от структурного и технологического динамизма, за счет торможения обновления продукции. А это главные параметры развития в условиях НТР. Рыночной экономики не построишь, если держаться за старые помочи «устойчивости». На товарных биржах соглашения о поставке будут заключаться в разное время и на различные сроки, движение биржевых цен будет сигнализировать контрагентам, что задолго до истечения срока ранее заключенного соглашения необходимо готовиться к возможным переменам в спросе и предложении, к новым условиям контрактов.

Товарная биржа возродит понятия деловой порядочности и чести, она поможет устранить из хозяйственной сферы многочисленных «персона нон грата». Это должно быть подкреплено действенной системой денежных санкций и созданием при каждой бирже «судов чести». Распределение товарных бирж по территории страны не должно находиться в зависимости от ее республиканского и административного деления. Биржи после соответствующей подготовки должны создаваться как добровольные самоуправляющиеся коммерческие организации, учреждаемые группой участников и существующие за счет их взносов. Разумеется, они должны действовать прежде всего в крупных центрах производства и потребления данного товара, так что на территории страны может быть создано несколько бирж по одной и той же группе товаров. При каждой бирже должна работать информационная служба стандартов и качества продукции.

Известно, что у нас готовится «антимонополистический» закон. А нужен совсем другой закон — об организации конкурентного рынка; в этом законе была бы уместна и глава, запрещающая все формы внутренней монополии.

5. СОЦИАЛЬНАЯ ОРИЕНТАЦИЯ РЫНКА

Создание всеохватывающей сети сбалансированных товарных рынков — это первый шаг к общему механизму рынка. Его критериями должны быть поддержание уровня реального дохода разных групп населения и обеспечение товарной структуры конечного потребления.

Следующий шаг реформы — настройка этого механизма на быстрый НТП, рост производства, экологическую защиту. Как уже говорилось выше, для этого необходимы три условия: ужесточение конкуренции, в том числе за счет иностранных фирм; пропорциональное ужесточение давления со стороны трудовых коллективов на администрацию предприятий в направлении повышения доходов и улучшения условий труда; способность администрации использовать мировые достижения в области НТР и организации труда для одновременного повышения прибыли предприятий и реальных доходов трудящихся.

Системе рынка необходима социальная ориентация. Можно ли представить такое положение, когда все предприятия рентабельны, а народное хозяйство в целом несет огромные убытки, которые материально выражаются в низкой заработной плате, в низком общем жизненном уровне населения? То есть такое положение, когда выгодное отдельному предприятию абсолютно невыгодно обществу в целом?

Не только возможно, но и типично для нашей экономики. Чтобы понять это, следует обратиться к структурному аспекту эффективности народного хозяйства. В нашем хозяйстве существует немало производств, в той или иной мере ненужных народному хозяйству. Так, не нужна значительная часть производимой сельскохозяйственной техники — об этом свидетельствуют кладбища «раскулаченной» и брошенной техники, исправные трактора без трактористов и т. д. Не нужна огромная часть производимого промышленного оборудования, чему свидетельство — миллионы незанятых рабочих мест, каждое из которых стоит 15—20 тысяч рублей, на многие миллиарды неустановленного оборудования (а зачем его устанавливать, если работников и так не хватает?). Не нужна значительная часть производимых строительных материалов — их все равно омертвляют в виде сверхнормативного незавершенного строительства. Не нужны многие миллионы тонн металла — труб и других материалов,— они оседают в виде роста сверхнормативных запасов материалов. А многомиллиардная «продукция» Минводхоза в виде каналов, осушительных и оросительных систем, водохранилищ и т. д.— в какой мере она нужна народному хозяйству? И необходимо ли в современном объеме и структуре ведущееся энергетическое, транспортное и иное строительство?

Итак, проблема разграничения нужного и ненужного производства, может быть, самая главная, самая острая для нашего народного хозяйства.

При данном общем уровне развития народного хозяйства, при данном уровне доходов нам нужен строго определенный набор продуктов и услуг — все лишнее нас тянет вниз, обедняет, лишает остро необходимого.

Весь вопрос в том, как это сделать.

Традиционный путь — путь планового урезания производства той продукции, которая накапливается в сверхнормативных запасах. Парадокс в том, что именно эта явно избыточная продукция чаще всего числится «остродефицитной». Именно сложившаяся система планирования вкупе со всем хозяйственным механизмом породила хронический дефицит избыточной продукции. Система директивного планирования с ее ведомственной основой и затратными подходами способна лишь воспроизводить сложившуюся структуру производства, но не менять ее кардинально. Избыточные производства потому и существуют, что предприятия работают не на заказчика, а на план; кроме того, заказчик, оплачивая это избыточное производство, включает его цену в себестоимость своей продукции. А расплачивается конечный потребитель — трудящиеся.

Пока планирование ориентируется не на конечный результат, а на поддержание и сбалансированность имеющейся структуры производства, ждать, что оно избавит общество от балласта ненужного производства, не приходится.

Путь решения проблемы — переход предприятий на условия конкуренции, самостоятельности в сочетании с ориентацией всех элементов рыночного хозяйственного механизма на конечное потребление. Не некий «верх» и не некий «центр» должен управлять движением всего производства, а тот, ради кого это производство ведется,— конечный потребитель продукции. Разумеется, непосредственный потребитель продукции — население — в силу своей раздробленности управлять производством не может. Представлять его интересы по отношению к производству должны те организации, которые население способно контролировать экономически либо которые по характеру своей деятельности имеют прямой контакт с потребителем. К ним относятся торговые предприятия, учреждения по оказанию социальных услуг (школы, медицинские и другие заведения), организации, обеспечивающие население жильем и коммунальными услугами (местные Советы народных депутатов). К конечным потребителям относятся также оборонные учреждения и заказчики объектов капитального строительства (последние также должны ориентироваться по потребности населения, но в длительном плане). Именно эти «конечные» организации, а не производственные предприятия должны стать ведущим звеном во всей цепи рыночных отношений в народном хозяйстве.

Такое предложение звучит парадоксом, ибо мы привыкли повторять, что производство имеет «примат» над обращением и потреблением.

Но, во-первых, даже традиционная экономическая теория признает, что этот «примат» имеет значение лишь в длительной перспективе и в самом общем смысле; конкретное же и непосредственное производство должно быть подчинено задачам реализации продукции и потреблению, а не наоборот.

А, во-вторых, в современных условиях, когда новые продукты и технологии рождаются в научных лабораториях, а система информации насаждает и воспитывает новые потребности, именно сфера потребления приобретает ключевое значение для хозяйственного прогресса. Если же учесть еще и возрастающую роль экологических проблем и всей совокупности сферы социальных услуг, то место материального производства как «ведомого», а не «ведущего» станет еще яснее.

Отсюда следует, что при построении рыночного хозяйственного механизма ведущее его звено — «конечные организации» — должно быть особенно сильным во всех аспектах — хозяйственном, плановом, организационном. Только при этом условии можно будет покончить с «остаточным» подходом к социальной сфере и обеспечить реальную социальную направленность в работе всего народного хозяйства. Пока же все обстоит наоборот, телега стоит впереди лошади: социальная сфера, торговля — пасынки в хозяйственном механизме, и реализация социальных программ достигается не естественным ходом этого механизма, а в силу политического нажима.

Необходимы такие хозрасчетные формы работы «конечных организаций», чтобы они могли оказывать мощное экономическое воздействие на своих поставщиков и сами бы целиком зависели от интересов населения. В системе планового управления рынком конечное потребление, и прежде всего социальные потребности, должно занять определяющее место. Основной категорией плана должен стать годовой конечный продукт, включающий и продукцию сферы услуг. В системе организации хозяйства вся иерархия ведомств должна быть перестроена по принципу главенства ведущего звена. Например, было бы полезным, чтобы у Председателя Совета Министров СССР первыми заместителями были только руководители тех групп отраслей, которые непосредственно обслуживают конечное потребление (то есть торговля, жилищный комплекс, социальные услуги, оборона, строительство). Необходимо покончить с таким непосредственным руководством отдельными отраслями (как бы важны они ни были), которое не подчинено конечному потреблению, не ориентировано на него.

Аналогичным образом следует изменить и структуру Госплана.

Каждая из «конечных организаций» имела бы на предстоящий период программу (в натуральных показателях) своего «выпуска» и его финансового обеспечения. Программа исходила бы из прогнозируемого уровня реальных доходов и из задачи достижения высоких рациональных стандартов потребления товаров и услуг. Цены на товары и платные услуги «конечных организаций» имели бы жесткий «потолок». В пределах своих финансовых средств каждая из этих организаций заключала бы контракты (по лимитным ценам) с производственными предприятиями на поставку их продукции и выполнение работ. Сэкономленные финансовые средства оставались бы в распоряжении конечных организаций. Все остальные цепные связи в народном хозяйстве складывались бы посредством регулируемой рыночной конкуренции.

Разумеется, что система социальной ориентации рынка потребовала бы принципиально нового подхода к формированию всей системы розничных цен и тарифов, чтобы обеспечить равновыгодность для производителей выпуска любого вида продукции. Это вполне достижимо при одновременном урегулировании розничных цен и доходов, чтобы исключить потери для потребителей.

При такой целенаправленной системе связей в народном хозяйстве не производилось бы ничего, что не имело бы двуединой цели: служить интересам данного трудового коллектива и одновременно удовлетворять определенную конечную потребность общества.

Основным объектом критики Г. Фильшина является правительственная программа, одобренная вторым Съездом народных депутатов. Спору нет, программа весьма противоречивая. Но что Г. Фильшин ей противопоставляет? По существу, ничего принципиально нового. И у Фильшина, и в программе один и тот же подход: сначала насытим потребительский спрос (мерами административного перераспределения ресурсов), потом будем создавать рынок. Аргумент такой: «...сейчас рынок будет только черным и никаким другим». Но как без срочного создания рынка во всей экономике обеспечить то самое энерго- и материалосбережение, за которое ратует Фильшин? Как ускорить НТП, за который он стоит горой? Наконец, откуда возьмется рост эффективности, без чего не может быть и устойчивого увеличения потребления? Экономисту Г. Фильшину как-то неловко объяснять, что наше хозяйство «самоедское» не по злой воле каких-то «дядек», а главным образом потому, что оно неэффективное.

Рецепт Фильшина прост: министерства распустить, а рынок, пока спрос не насыщен, не создавать. То есть ни мира, ни войны. Кто будет насыщать спрос — неизвестно.

Фильшин против немедленного создания рынка потому, что он отождествляет этот процесс с либерализацией. Впрочем, и правительство тоже так понимает создание рынка. Это — общее заблуждение у Г. Фильшина и правительства.

Главная опасность «двухэтапной» концепции состоит в том, что без перехода на рельсы рыночного хозяйства невозможно будет устойчиво насытить платежеспособный спрос населения. Поэтому к созданию рынка следует приступить немедленно. Но не методом либерализации, а на основе программы организационно-экономических мероприятий.

СВЕТОВОЙ АВТОГРАФ ЯКОБА МАТТНЕРА

Необычно само появление Якоба Маттнера на московском выставочном небосклоне. Привезти в охваченную политическими страстями страну работы, имеющие весьма далекое отношение к социальным проблемам,— это что? Вызов публике, ждущей от искусства публицистики? Откровенное пренебрежение к ней? Или напротив: любопытство к своему новому зрителю — советской аудитории?

Похоже, ни то, ни другое, ни третье. Иначе Якоб Маттнер не назвал бы свою выставку коммерческой.

Бизнес здесь действительно присутствует.

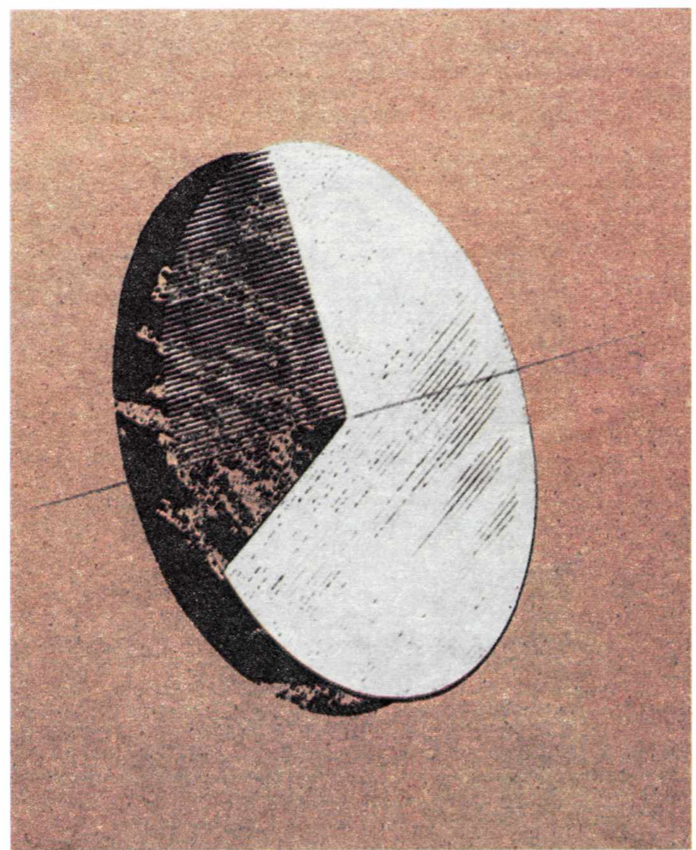
Во-первых, привез выставку в Москву видный западноберлинский галерейщик Натан Федоровский — видимо, не потому, что не знал, куда девать деньги. Во-вторых, приняла гостей «Первая галерея» на Цветном бульваре — предприятие кооперативное, далекое от задач Армии спасения. В-третьих, уже через несколько минут после открытия шесть работ было продано за кругленькую сумму специально приехавшим на выставку иностранцам. Те же, кто не обладал свободно конвертируемой валютой, просто получили возможность познакомиться с творчеством неизвестного в стране художника.

ПОТРЯСЕНИЕ
инсталляция. 1986

ПОТРЯСЕНИЕ
инсталляция. 1986

НОЧЬ-ДЕНЬ. 1985—1986

«КИНО». 1985

«ЛЮБОВЬ». 1985

Пристальный взгляд на работы Маттнера выявляет неожиданные вещи. Например, позволяет увидеть в них не пренебрежение реальностью (как может показаться вначале), а полнейшее ей подчинение. Или в сочетании беспорядочных графических штрихов с определенными цветовыми пятнами почувствовать... эротический мотив. Эротика по-маттнеровски — понятие эстетическое, а не физиологическое.

Есть у Маттнера «Серия русских слов», начертанных небрежно на расплывчатом фоне. Прием понятен. Непонятно только, зачем художник слова выбрал какие-то не подходящие к моменту: «вечер», «кино», «полумрак»? Где «перестройка», «гласность», «Горбачев»? Их нет. А потому нет, что написано все это в годы, когда перестройки и гласности не было в помине, а Горбачева — в Кремле. И вообще по-русски Якоб не понимает. Так что слова подбирал не по смыслу, не по звучанию, а по внешнему виду. Чтобы красиво было.

Кстати, на вопрос, что это его в Россию потянуло, Якоб заговорил об «эстетических» корнях. Оказывается, учился художник в Берлинской высшей школе изобразительных искусств (Западный Берлин), где тон в начале века задавали русские авангардисты.

Сам Маттнер к мастерам авангарда относится с пиететом, но последователем себя не считает. И ни к какой школе, ни к какой «нише», к сожалению для него, не принадлежит.

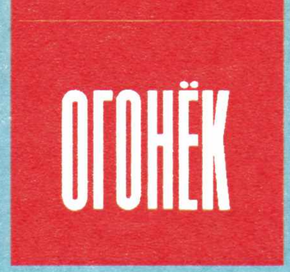
— Когда художник в «нише», его лучше покупают,— объясняет он...

Андрей Битов о работах художника отозвался так: «Любой отблеск любой настольной лампы можно считать авторской работой этого художника, его личным автографом».

Речь — о маттнеровских конструкциях из источника света, зеркал и... собственно света. Непосвященному немудрено принять их за не выключенный и забытый кем-то прибор непонятного назначения. Световой след на стене, хоть и выверен с инженерской тщательностью (сам видел, как это делается), но оставляет ощущение случайного блика. Нечаянного подарка, который мы, наблюдательные, сделали сами себе. И, научившись однажды, действительно можем получать такие сюрпризы от каждой настольной лампы. Так Маттнер дарит авторство каждому, имеющему глаза. Так он при этом заявляет свое собственное право на все, что светится.

Художник не ставит себе задачи что-то там такое «высветить» или кого-то «просветить». Он просто признает за светом право быть самостоятельным объектом: «Падая из ночи в день — колебаться в полумраке, застывать в самое слабое мгновение и становиться свидетельством»...

Андрей ВАСИЛЬЕВ

Марк ШТЕЙНБОК
Фото автора

ТЕПЛО ЗАПОЛЯРНОГО ГОРОДА

По-настоящему оценить такие привычные удобства, как тепло и свет, можно только, если вдруг их лишишься, да еще полярной ночью, когда пурга и ветер или мороз за сорок. Как известно, человек ко всему привыкает, но не к холоду. Представьте себе зимний город на 69-й параллели, который остался бы без тепла и света. Замерзшие квартиры, детские сады, родильные дома, замерший гигант — горно-металлургический комбинат, ради которого этот заполярный город и построен. Не правда ли, сюжет для фильма ужасов? Сюжет, который чуть было не стал реальностью.

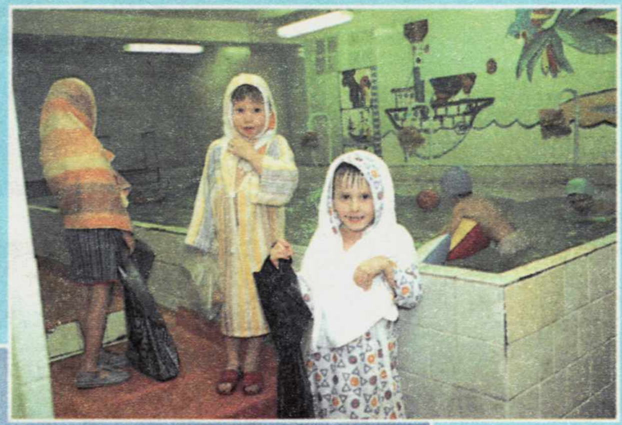
Для Норильска основной источник всей энергии — газ, добываемый из благодатных северных недр. Технологическая схема проста: от месторождения через скважины, газопровод, теплоэлектроцентраль к потребителю. Самый ненадежный элемент этой схемы — газопровод. 14 ноября 1989 года в семь с минутами вечера, когда столбик термометра опустился до −41° С, на газопроводе произошел взрыв.

Так тряхнуло, что вахтовики на Южно-Соленинском месторождении в первый момент решили — землетрясение. Выскочили из домиков — вокруг все горит. В дальнейшем действовали, как потом установила комиссия, по инструкции. Перекрыли скважины, локализовали аварийную часть газопровода, отсекли 250-километровый участок Мессояха — Норильск, который остался цел. Взрыв полностью разрушил одну из трех ниток от Южно-Соленинского до Мессояхи и узел подключения дожимной компрессорной станции, куда стягивались и перекрещивались многочисленные трубы с Южно- и Северо-Соленинского месторождений. В радиусе 300 метров вблизи станции были разбросаны куски искореженных 720-миллиметровых стальных труб — взрыв придал им самые причудливые формы, вывернул наизнанку, распластал, скрутил в спираль, чуть ли не завязал узлом. По счастливой случайности взрыв не добрался до самой станции, добавлявшей к пластовому давлению недостающие атмосферы,— довольно сложному инженерному сооружению. Тогда потери были бы намного крупнее. Обошлось без жертв.

Участок газопровода Мессояха — Норильск, перекрытый со стороны аварии сразу после взрыва, превратился как бы в гигантский баллон с газом, продолжавший снабжать город. Но газа в баллоне с каждым часом становилось все меньше, давление падало, в домах понижалась температура. В Норильске, Талнахе, Кайеркане и Дудинке до минимума сократили мощности промышленных предприятий, было сделано обращение к населению с просьбой об экономии тепла и электроэнергии, срочно переводили теплоэлектроцентрали на дизельное топливо. Аварийный запас солярки был рассчитан на десять дней.

Между тем на Южно-Соленинском месторождении круглосуточно шли восстановительные работы. На помощь рабочим «Норильсктрубопроводстроя» прилетели ремонтники из Уренгоя, из Тюмени прислали мощнейший грузовой вертолет Ми-26, с помощью которого можно было перевозить трубы, трубоукладчики, трактора прямо с включенными движками, что немаловажно на сильном морозе. После того как «героическими усилиями» в обход места ава-

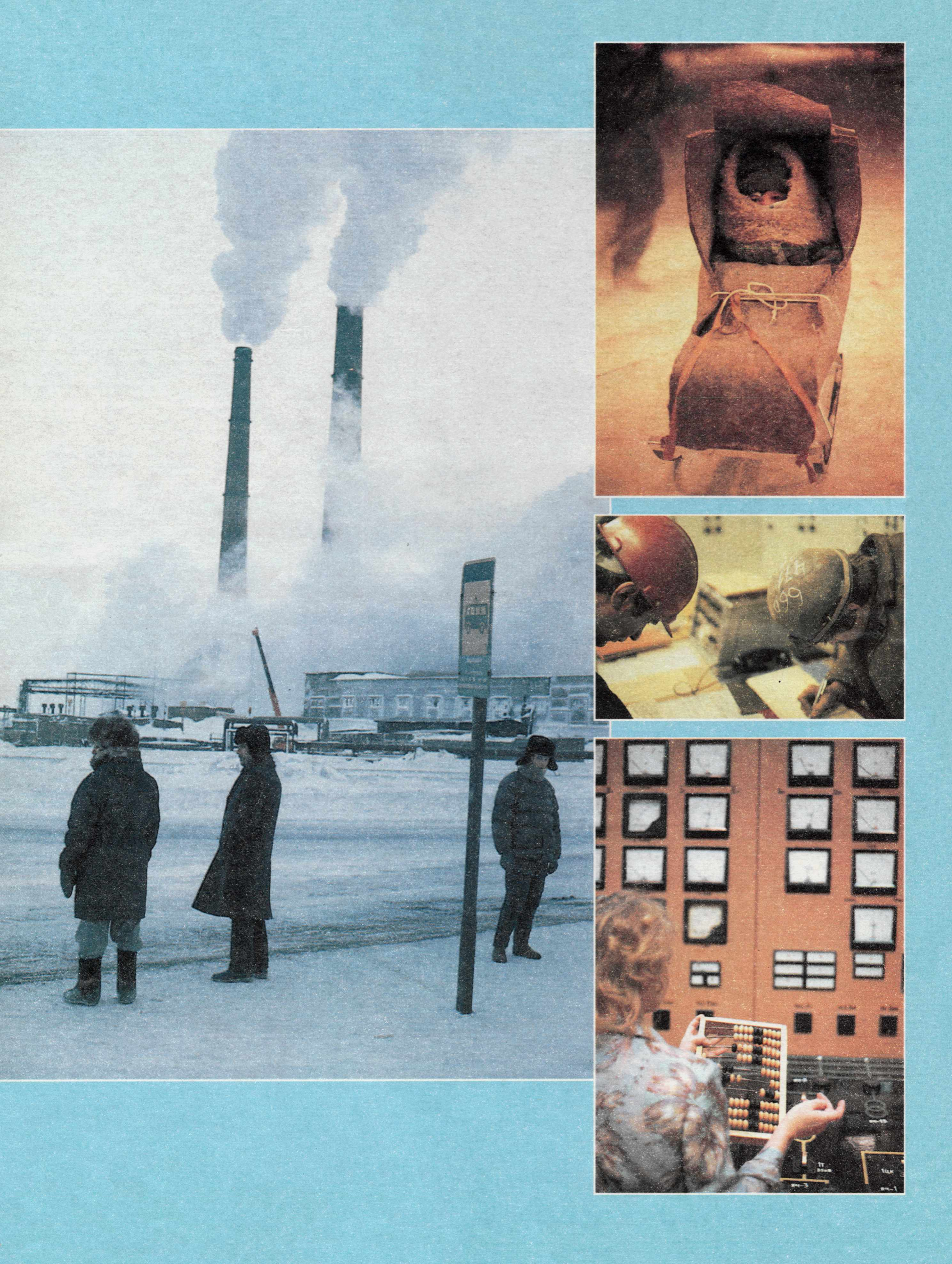

рии по временной схеме поставили две перемычки, оказалось возможным вновь дать газ, сначала, конечно, в небольшом объеме. Температура в домах стала повышаться, ожили приостановленные предприятия. Кризис, можно сказать, миновал.

Теперь немного истории. В 1968 году Норильск посетил Косыгин. Идея перевести город с угля на газ, действительно прогрессивная идея, ему так понравилась, что на строительство газопровода Мессояха — Норильск он дал всего год. Денег, технику, людей не жалели и не считали, строили «в аварийном порядке, методом полевого проектирования», строители работали по горячим чертежам. В ходу была поговорка: «Труба железная, она все выдержит». Через год «первый, единственный в мире» газопровод на свайных основаниях был пущен и, конечно, тут же стал рваться и ломаться. Начали реконструкцию, исправили первые огрехи проектировщиков и строителей. Опять аврал — Мессояхское месторождение вдруг стало выдыхаться, его запасы оказались намного ниже предполагаемых. Пришлось срочно подводить к Мессояхе новый участок газопровода от Южно-Соленинского месторождения. Первую нитку, ту самую, которая сейчас взорвалась, запускали «в ускоренном варианте» в 1972 году. Потом параллельно ей проложили еще две нитки, используя уже более совершенную технологию.

В 1979 году после крупного взрыва «вылетела» первая нитка Мессояха — Норильск. Город оказался в критическом положении, были заморожены дома, детей в детских садах укладывали спать в валенках... Нынешний взрыв опять на первой, самой слабой, нитке уже на участке Южно-Соленинское — Мессояха. Где тонко, там и рвется. Где одна закономерность — рвется при очень низкой температуре, после резкого похолодания. Если кусок проволоки постоянно сгибать и разгибать, он обязательно порвется. Трубы газопровода при изменениях температуры, подобно проволоке, как бы сгибаются и разгибаются. Эту механическую нагрузку принимают на себя в первую очередь специальным образом изогнутые отрезки газопровода, так называемые компенсаторы. Но вот сколько лет компенсаторы могут эксплуатироваться в жестких условиях Таймыра, точно никто не знает. Никто не знает, каков «предел усталости» всего Норильского газопровода, на сколько лет рассчитана его механическая прочность. Неизвестно, сколько новых микротрещин появилось после взрыва, и, самое страшное, нет никакой гарантии, что завтра не случится новой аварии.

Когда через две недели после взрыва я улетал из Норильска, жизнь в городе входила в обычное русло. В шахтах добывали руду, в цехах выплавляли цветные металлы, Ленинский проспект сиял в полярной ночи 10-люксовым светом, вновь работала замечательная городская баня, к батареям отопления нельзя было притронуться. Обычной своей жизнью жил и газопровод, обеспечивая город теплом и светом. Его трубы по всем законам физики отслеживали изменения температуры, сжимались и разжимались. Аэропорт Алыкель был закрыт по метеоусловиям — пурга и штормовой ветер. К вечеру обещали сильное похолодание.

ИМПРОВИЗАЦИЯ И ВДОХНОВЕНИЕ

КОМПОЗИЦИЯ 1977 г.

КОМПОЗИЦИЯ 1981 г.

«Рисовал, писал, надеялся... даже не знал, чего ждал — может быть, этого часа»,— говорил Виктор Зарецкий на своей первой персональной выставке в Киеве в прошлом году.

А между тем уже в 60-е годы он занял почетное место в созвездии замечательных украинских живописцев. Художник смело синтезирует богатый опыт европейского модерна с традиционным украинским народным искусством.

С конца 70-х годов начался новый творческий этап художника. Именно в этот период его палитра обогатилась приемами импрессионизма, своеобразного пуантилизма, а также аппплицирования.

Художник воспринимает творчество как импровизацию, импровизацию вдохновения, его светлых и ярких образов.

Н. ВАСИЛЬЧЕНКО

ЖЕНЩИНЫ С ГИТАРОЙ 1973 г.

ГЕОРГИЙ ПОБЕДОНОСЕЦ 1976 г.

ПОД ЗАЩИТОЙ ГОРЫ

Эрнест ХЕМИНГУЭЙ

В самое пекло, навстречу клубам дыма, с забитыми пылью ноздрями, с пересохшим ртом, тяжело нагруженные, мы вышли из боя к длинному горному кряжу над рекой, где расположились резервные части.

Я сел спиной к откосу неглубокого окопа, чувствуя землю плечами и затылком, укрывшись здесь даже от шальных пуль, и стал смотреть, что делается ниже нас, в ложбине. Там стоял танковый резерв — танки были замаскированы ветками, нарубленными с маслин. Налево от них виднелись штабные машины, размалеванные грязью и тоже в маскировке из веток, а между ними и танками, туда, где в ложбине под горой шла погрузка на санитарные машины, тянулась вниз по ущелью длинная цепь солдат с носилками. Вверх по тропе поднимались интендантские мулы с поклажей из хлеба в мешках и бочонков вина, и на поводу у погонщиков шла вереница мулов с боеприпасами, а рядом с мулами медленно шагали солдаты, несшие пустые носилки.

Правее, пониже изгиба горного кряжа, я увидел вход в пещеру, где работал штаб бригады, а провода связи, протянутые поверху, уходили оттуда по рельефу горы, под защитой которой мы устроились.

Мотоциклисты во всем кожаном, в шлемах то и дело проезжали вверх и вниз по горной тропе или же подталкивали свои машины там, где подъем был слишком крут, и, оставив их у тропы, шли к пещере и ныряли внутрь. У меня на глазах из пещеры вышел рослый венгр, которого я знал, сунул в полевую сумку какие-то бумаги, подошел к своему мотоциклу, пробился с ним сквозь тесно идущих мулов и солдат с носилками, перекинул ногу через седло и в реве мотора умчался вверх через горный кряж, поднимая за собой тучу пыли.

— Это страх,— сказал другой солдат.— Жажда — это страх.

— Нет,— сказал третий.— Со страху всегда жажда. Но в бою она мучает, даже если не страшно.

— В бою всегда страшно,— сказал первый солдат.

— Говори за себя,— сказал второй.

— Это естественно,— сказал первый солдат.

— За себя говори.

— Заткни свою пасть,— сказал первый солдат.— Просто я человек, который говорит правду.

Был яркий апрельский день, и ветер дул так свирепо, что каждый мул, поднимавшийся вверх по ущелью, вздымал клубы пыли, и солдаты с носилками, передние и задние, вздымали клубы пыли, которые свивались между собой, а внизу, в ложбине, длинные космы пыли вырывались из-под санитарных машин, и ветер подхватывал их.

Теперь я был твердо уверен, что в этот день меня уже не убьют, поскольку утром мы сделали свое дело как следует, а в самом начале атаки нас дважды должны были убить, но не убили, и потому во мне и появилась такая уверенность. Первый раз это было, когда мы пошли следом за танками и выбрали место, откуда снимать атаку. Потом оно мне что-то не понравилось, и мы перенесли камеры ярдов на двести левее. Перед тем, как уйти, я отметил то место самым древним способом, какой только существует для отметки мест, а через десять минут туда, где я только что был, ударил шестидюймовый снаряд, и там вообще не осталось ни малейшего следа пребывания человека. Только большая, с ровными краями воронка в земле.

Внизу, в ложбине, где съезжались и забирали раненых санитарные машины, зеленела листва деревьев, обозначавшая речной берег. Там стоял большой дом с красной черепичной кровлей и там стояла выложенная из серого камня мельница, а позади деревьев вокруг того большого дома, на дальнем берегу реки то и дело возникали вспышки огня нашей артиллерии. Она била прямо по нам — сначала двойная вспышка, потом отрывистое, гортанное бах-бах трехдюймовок и взмывающий вверх вой снарядов, несущихся в нашу сторону и пролетающих над нашими головами. Как всегда, артиллерии у нас была нехватка. Там, где следовало бы поставить сорок батарей, стояло всего четыре, и они били сразу только из двух орудий. Атака захлебнулась, прежде чем мы поспели туда.

— Вы русские? — спросил меня испанский солдат.

— Нет, американцы,— сказал я.— Есть у тебя вода?

— Есть, товарищ.— Он подал мне бурдюк свиной кожи.

Солдаты этих резервных частей были солдатами только по названию, да еще потому, что носили военную форму. Их не собирались пускать в дело, они кучками, по нескольку человек, растянулись по этой линии на скате горной гряды, пили, ели, переговаривались между собой или просто сидели в тупом молчании и ждали, что будет. Атаку проводила Интернациональная бригада.

Мы оба выпили воды. Она отдавала асфальтом и свиной щетиной.

— Вино лучше,— сказал солдат.— Я достану вина.

— Да. Но жажду утолять — водой.

— Сильнее такой жажды, как в бою, не бывает. Даже здесь, в резерве, она меня мучает.

В 1968 году в издательстве «Художественная литература» вышло четырехтомное собрание сочинений Эрнеста Хемингуэя, в котором впервые был напечатан по-русски роман «По ком звонит колокол» — одно из крупнейших произведений зарубежной литературы XX века и самый значительный отклик на события гражданской войны в Испании 1936—1939 годов. По инициативе журнала «Интернациональная литература» роман Хемингуэя вскоре по выходе в США был переведен нашими известными переводчиками Н. А. Волжиной и Е. Д. Калашниковой и подготовлен к печати, но столкнулся с упорным сопротивлением цензуры, которое длилось более четверти века.

Формируя «испанский» том сочинений Хемингуэя, редколлегия четырехтомника (Е. Д. Калашникова, К. М. Симонов и пишущий эти строки) исходили из той точки зрения, что все зарисовки, свидетельства, наблюдения Хемингуэя, убежденного антифашиста и активного участника испанских военных событий, даже если они не стопроцентно точны, имеют достаточную историческую и художественную ценность, чтобы стать достоянием читателя.

Тем не менее роман «По ком звонит колокол» вышел с купюрами, а один из испанских очерков Хемингуэя был снят целиком. Этот очерк «Под защитой горы» в переводе Н. А. Волжиной сохранился в моем архиве.

Время действия в очерке — весна 1937 года, когда Хемингуэй с голландским режиссером-документалистом Йорисом Ивенсом и оператором Джоном Ферно снимали фильм «Испанская земля» по сценарию Хемингуэя. Выручка от картины должна была пойти целиком в фонд помощи Испанской республике.

Хемингуэй и Ферно — так начинается этот очерк — только что вернулись со съемки на передовой под Мадридом и толкуют с солдатами из резервной воинской части. Генерал в штабе Интернациональной бригады, беседой с которым завершается очерк,— венгерский политэмигрант, одаренный прозаик, москвич 20—30-х годов Мате Залка, которого и сейчас хорошо помнит старшее поколение наших писателей. Профессиональный военный, он вошел навсегда в историю испанской антифашистской войны как отважный генерал Лукач. С Хемингуэем его связывали взаимная симпатия и боевое содружество. В июне того же года, командуя дивизией интернациональных бойцов, Лукач погиб в жестоких боях под Уэской.

А. СТАРЦЕВ, доктор филологических наук

Потом, спустя два часа, польский офицер, недавно откомандированный из батальона и прикомандированный к штабу, предложил показать нам позиции, только что занятые поляками, и, выйдя из-за складки холма, мы попали под пулеметный огонь, из-под которого пришлось выбираться ползком, уткнувшись подбородком в землю и дыша пылью, и к тому же обнаружили с прискорбием, что никаких позиций в тот день поляки не заняли и даже немного отступили с того рубежа, откуда начинали атаку. И вот теперь, в окопе, я сидел мокрый от пота, голодный, изнывающий от жары и словно выпотрошенный после только что перенесенной опасности.

— Вы правда не из русских? — спросил один молчавший до сих пор солдат.— Сегодня здесь есть русские.

— Да, есть. Но мы не русские.

— У тебя лицо, как у русского.

— Нет,— сказал я.— Ты ошибаешься, товарищ. Лицо у меня действительно чудно́е, но не русское.

— Вон у него, как у русского,— показывая на того, который был со мной и сейчас заряжал камеру.

— Может быть. Но все же он не русский. А ты сам откуда?

— Эстремадура,— горделиво сказал он.

— А в Эстремадуре русские есть? — спросил я.

— Нет,— еще горделивее проговорил он.— В Эстремадуре нет русских, а в России нет эстремадурцев.

— Ты какой политики?

— Я ненавижу всех иностранцев,— сказал он.

— Широкая у тебя политическая платформа.

— Я ненавижу марокканцев, англичан, французов, итальянцев, немцев, северных американцев и русских.

— Именно в таком порядке?

Рисунок Левона ХАЧАТРЯНА.

— Да. Но русских я, может, ненавижу больше всех.

— Интересные у тебя идеи, друг мой,— сказал я.— Ты фашист?

— Нет. Я эстремадурец, и я ненавижу иностранцев.

— Идеи у него редкостные,— сказал другой солдат.— Ты с ним не очень считайся. Вот я, например, люблю иностранцев. Я из Валенсии. Прошу, выпей еще вина.

Я протянул руку и взял у него кружку, все еще чувствуя во рту медный привкус от выпитого раньше. Я посмотрел на эстремадурца. Он был высокий и худой. Лицо у него было осунувшееся и небритое, щеки запавшие. С одеялом на плечах, он выпрямился во весь рост, вне себя от ярости.

— Пригни голову,— сказал я ему.— Тут летает много шальных пуль.

— Я не боюсь пуль, и я ненавижу всех иностранцев,— свирепо проговорил он.

— Пуль бояться не обязательно,— сказал я.— Но когда стоишь в резерве, их надо беречься. Глупо, если тебя ранит, когда этого можно избежать.

— Я ничего не боюсь,— сказал эстремадурец.

— Ты счастливый человек, товарищ.

— Это правда,— сказал тот, у которого была винная кружка.— Ему ничего не страшно, даже aviones.

— Он сумасшедший,— сказал третий солдат.— Самолетов все боятся. Убивают они мало, но страху от них много.

— Нет у меня никакого страха. Ни самолетов, ничего другого я не боюсь,— сказал эстремадурец.— И я ненавижу иностранцев, всех, какие есть.

Вниз по ущелью, шагая рядом с санитарами и как бы не замечая, где он находится, шел высокий человек в форме бойца Интернациональной бригады, со скаткой из одеяла через плечо, подвязанной у пояса. Голову он держал высоко и был похож на лунатика. Человек среднего возраста. Без винтовки. И насколько я мог судить на таком расстоянии, не раненый.

Я следил за тем, как этот человек в одиночку выходит из войны. Не дойдя до штабных машин, он взял левее и, все так же странно запрокинув голову, перешел через гребень горы и скрылся из виду.

Тот, что был со мной, занявшись зарядкой пленки в ручную камеру, не заметил его.

Одиночный снаряд пролетел над гребнем горы и взметнул фонтан земли и черного дыма почти у самого танкового резерва.

Кто-то высунул голову из пещеры, где был штаб бригады, и снова нырнул внутрь. У меня промелькнуло: хорошо бы пойти туда, но я знал, что после неудачной атаки там все будут осатанелые, и мне не захотелось сталкиваться с ними. Если операция проходила успешно, штабные были рады-радешеньки, что ее сняли. Но если дело кончалось неудачей, они так ярились, что оттуда тебя всегда могли препроводить под арест.

— А пусть,— сказал эстремадурец.

Мне этот эстремадурец начинал немного действовать на нервы.

— Еще вином не угостите? — спросил я. Во рту у меня было по-прежнему сухо.

— Пей, друг. Вина много — целые галлоны,— сказал добродушный солдат. Он был небольшого роста, весь грязный, кисти рук увесистые, лицо, заросшее щетиной почти такой же длины, как волосы на его стриженой голове.— Думаешь, начнут обстрел?

— Полагалось бы,— сказал я.— Хотя в этой войне не угадаешь.

— А чем она плоха, эта война? — злобно проговорил эстремадурец.— Чем она тебе не нравится?

— Замолчи ты! — сказал добродушный солдат.— Здесь я за старшего, и эти товарищи — наши гости.

— Тогда не позволяй ему ругать нашу войну,— сказал эстремадурец.— Иностранцам здесь делать нечего, и я не позволю им ругать нашу войну.

— Ты из какого города, товарищ? — спросил я эстремадурца.

— Бадахос,— сказал он.— Я из Бадахоса. Наш Бадахос грабили, обирали, а наших женщин бесчестили — сначала англичане, французы, а теперь и марокканцы. То, что сделали с нами марокканцы, ничуть не хуже того, что творили англичане под командованием Веллингтона. Почитай книжки по истории. Англичане убили мою прабабушку. Англичане сожгли дом, где жили мои родичи.

— Прими мои сожаления,— сказал я.— А почему ты ненавидишь североамериканцев?

— Северные американцы убили моего отца на Кубе, куда его послали по мобилизации *.

— Об этом я тоже сожалею. Искренне сожалею. Поверь мне. А почему ты ненавидишь русских?

— Потому, что они из той страны, где тирания, и мне ненавистны их лица. У тебя лицо, как у русского.

— Не убраться ли нам отсюда? — сказал я тому, который был со мной и не понимал по-испански.— У меня, видишь ли, русское лицо, и это грозит мне неприятностями.

— Я ложусь спать,— сказал он.— Здесь хорошее место. Не говори лишнего, и никаких неприятностей у тебя не будет.

— Я не нравлюсь тут одному товарищу. По-моему, он анархист.

— Ну так смотри, чтобы он тебя не пристрелил. Я ложусь спать.

В эту минуту из ущелья вышли двое в кожаных пальто — один приземистый, плотный, другой среднего роста, оба в кепках, плосколицые, скуластые, с маузерами в деревянных кобурах у бедра — и зашагали к нам.

Тот, что повыше, заговорил со мной по-французски.

— Не видели, не проходил тут один французский товарищ? — спросил он.— Товарищ со скаткой из одеяла через плечо? Товарищ лет сорока пяти — пятидесяти? Не видели вы этого товарища — он шел от линии фронта?

— Нет,— сказал я.— Я не видел этого товарища.

Он присмотрелся ко мне, и я заметил, что глаза у него серо-желтые и немигающие.

— Спасибо, товарищ,— сказал он на своем диковинном французском и быстро заговорил с тем, что был с ним, на непонятном мне языке. Они отошли от нас и поднялись на самую высокую точку горного кряжа, откуда можно было просмотреть все расселины.

— Вот у них настоящие русские лица,— сказал эстремадурец.

— Молчи! — остановил я его. Я следил за теми двумя в кожаных пальто. Они

* Речь идет о военных действиях в Испании в начале XIX столетия французов и затем англичан и об испано-американской войне на Кубе в 1898 году. (Прим. перев.)

стояли под довольно сильным огнем, внимательно, до самой реки, оглядывая пересеченную местность у подошвы горного кряжа.

Но вот один из них увидел то, что ему было нужно, и показал в ту сторону. Они побежали, точно гончие псы, один напрямик, другой — под углом, должно быть, с тем, чтобы перехватить кого-то. До того как скрыться из виду, второй на бегу выхватил маузер из кобуры и вынес его вперед на вытянутой руке.

— А это тебе нравится? — спросил эстремадурец.

— Не больше, чем тебе,— сказал я.

Я услышал отрывистый лай маузеров за гребнем горы. Они дали больше двенадцати выстрелов. Видимо, открыли огонь слишком издалека. После этой пальбы наступила пауза, потом еще один выстрел.

Эстремадурец мрачно посмотрел на меня и ничего не сказал. Я подумал, что если бы сейчас начали артиллерийский обстрел, дело было бы проще. Но обстрела не начали.

Двое в кожаных пальто и в кепках снова пересекли гребень горы, шагая бок о бок, потом пошли вниз к ущелью на согнутых коленях — нелепой походкой двуногих животных, когда им приходится идти вниз по крутизне. Навстречу показался фыркающий, лязгающий танк, и они посторонились, свернув выше по ущелью, чтобы пропустить его.

В тот день танки опять не выполнили своей задачи и с открытыми люками возвращались от линии фронта под защиту горного кряжа; танкисты в кожаных шлемах устремляли неподвижный взгляд прямо перед собой, точно футболисты, которых удалили с поля за трусость.

Оба плосколицых в кожаных пальто стали рядом с нами, пропуская машины.

— Нашли вы товарища, которого искали? — спросил я по-французски того, что повыше.

— Да, товарищ, спасибо,— сказал он и пристально посмотрел на меня.

— Что он говорит? — спросил эстремадурец.

— Он говорит, что они нашли того, кого искали,— пояснил я ему. Эстремадурец промолчал.

Все утро мы пробыли в том месте, откуда вышел пожилой француз. Мы были там в пыли, в дыму, в грохоте, в ранениях у нас на глазах, в смерти, в страхе смерти, в отваге, трусости, в безумии и провале захлебнувшейся атаки. Мы были на том вспаханном поле, которое нельзя было перейти и остаться в живых. Падают и лежат пластом; окапываются, чтобы маленькой кучкой земли защитить голову; утыкаются подбородком в пыль, ждут команды подняться и бегом вверх по склону, куда нельзя взбежать и остаться в живых.

Мы были с теми, кто лежал там и ждал танков, которые так и не подошли; кто лежал и ждал там под вихревым визгом и ревом падающих снарядов, когда осколки металла и земля рушились сверху, точно глыбы подорванной породы, а над головой, точно натянутый полог, пощелкиванье и шепоток пуль. Мы знали, каково тем, кто ждет. Они продвинулись вперед, насколько было возможно. А когда продвинуться дальше и остаться в живых было нельзя, раздалась команда вперед.

Все утро мы пробыли в том месте, откуда вышел пожилой француз. Я понимал, что можно вдруг ясно увидеть бессмысленность гибели в неудачной атаке или вдруг увидеть все происходящее ясно и правильно, как человек прозревает перед смертью; увидеть всю безнадежность, весь идиотизм этого, увидеть все, как оно есть на самом деле,— и тогда просто повернуть назад и уйти, подобно этому французу. Он ушел, наверно, не из трусости, а просто потому, что слишком ясно все увидел и знал, что надо уходить, что ничего другого не остается.

Француз вышел из боя с большим достоинством, и, как человека, я понимал его. Но, как солдата, его изловили те, кто вел наблюдение за полем боя, и смерть, от которой он ушел, настигла его, когда он уже был по ту сторону гребня, в безопасности от пуль и снарядов, и держал путь к реке.

— А это? — сказал мне эстремадурец, кивком показывая на тех двоих из военной полиции.

— Это война,— сказал я.— На войне нужна дисциплина.

— И чтобы жить при такой дисциплине, мы должны умирать?

— Без дисциплины все равно все умрем.

— Есть одна дисциплина, а есть другая,— сказал эстремадурец.— Послушай, что я тебе расскажу. В феврале мы стояли вот тут, где и сейчас стоим, а фашисты наступали. Они вытеснили нас с гор, которые вы, из Интернациональной, хотели занять сегодня и так и не заняли. Мы отступили сюда, к этому кряжу. Потом пришли из Интернациональной и заняли линию обороны впереди нас.

— Это я знаю,— сказал я.

— Но вот этого ты не знаешь,— злобно продолжал эстремадурец.— У нас был один парнишка из моей провинции, он испугался во время бомбежки и прострелил себе руку, чтобы уйти с передовой, потому что ему стало страшно.

Теперь остальные солдаты слушали внимательно. Некоторые кивнули.

— Таким раненым делают перевязку и сразу отправляют обратно на позиции,— продолжал эстремадурец.— Это справедливо.

— Да,— сказал я.— Так и должно быть.

— Так и должно быть,— сказал эстремадурец.— Но у этого парнишки рана была тяжелая, он раздробил себе кость, началось заражение, и руку ему отрезали.

Кое-кто из солдат снова кивнул.

— Расскажи, расскажи все, как было,— сказал один.

— Может, не стоит об этом говорить,— сказал коротко стриженный, небритый, который назвался старшим здесь.

— Я обязан сказать,— ответил ему эстремадурец.

Старший пожал плечами.

— Мне это тоже было не по душе,— сказал он.— Ну что ж, говори. Но слушать про это мне тоже не по душе.

— Этот парнишка пролежал в госпитале с февраля,— сказал эстремадурец.— Некоторые из нас ходили туда к нему. В госпитале его любили, а он старался помогать там всем, чем только может помочь однорукий. Под арест его не брали. Ничего такого не было, что могло бы подготовить человека.

Старший снова подал мне кружку вина — молча. Они все слушали эстремадурца, как слушают рассказчика люди, не умеющие ни читать, ни писать.

— Вчера вечером, когда мы еще не знали, что начинается наступление. Вчера вечером перед заходом солнца, когда мы думали, что сегодняшний день пройдет, как и все другие, этого парнишку провели с низины вверх по горной тропе. Мы занимались стряпней к ужину, и в это время его подвели сюда. Их было всего четверо. Он, Пако, те двое в кожаных пальто и в кепках, которых ты только что сам видел, и офицер из Бригады. Мы видели, как они вчетвером поднимались по тропе, и мы видели, что руки у Пако не были связаны и шел он свободно.

Мы все окружили Пако и сказали: «Здравствуй, Пако. Ну, как живешь, Пако? Как дела, Пако, старый друг Пако?»

Он ответил нам: «Все в порядке. Все хорошо, только вот это».— И показал свою культю.

Пако сказал: «Я поступил глупо и как трус. Я очень жалею, что так поступил. Но я стараюсь, чтобы от меня, и от однорукого, была польза. Я буду делать одной рукой все, что смогу, ради нашего общего дела».

— Да,— перебил эстремадурца один из солдат.— Так он и сказал. Я слышал, как он это сказал.

— Мы поговорили с ним,— продолжал эстремадурец.— И он с нами поговорил. На войне, когда приходят вот такие в кожаных пальто и с пистолетами, всегда жди плохого, так же как и от людей с военными картами и с биноклями. И все-таки мы думали, что Пако привели повидаться с нами, и те, кто не навещал его в госпитале, обрадовались ему, а время, как я уже сказал, шло к ужину, и вечер был ясный и теплый.

— Ветер поднялся только среди ночи,— сказал один солдат.

— Потом,— мрачно продолжал эстремадурец,— один из тех сказал офицеру по-испански: «Где то место?»

«Где то место, где этот Пако ранил себя?» — спросил офицер.

— Ответил ему я,— сказал старший.— Я ему показал. Это немного ниже окопа, где ты сейчас сидишь.

— Вон оно, то место,— сказал другой солдат. Он протянул руку, и я увидел, что это и есть то самое место. Можно было не сомневаться, что это и есть то самое место.

— Тогда один из тех взял Пако за локоть и подвел туда, и так и держал его, а другой стал говорить по-испански. Он говорил по-испански, и все с ошибками. Сначала нам стало смешно, и Пако тоже заулыбался. Всех его слов я не понял, но он говорил, что Пако надо наказать для примера, чтобы самострелов больше не было, и что другие самострельщики будут наказаны так же.

Потом, пока один держал Пако за локоть и вид у Пако был пристыженный, потому что о нем говорят такое, когда он уже давно сам себя пристыдил и во всем раскаялся, другой вынул револьвер и выстрелил Пако в затылок, ни слова ему не сказав. И вообще больше ничего не сказал.

Солдаты утвердительно кивнули.

— Так все и было,— сказал один.— Вон то место, видишь? Он упал ничком. Головой сюда.

Оттуда, где я сидел, это место было мне хорошо видно.

— Его не предупредили, не дали ему подготовиться,— сказал старший.— Это было очень жестоко.

— Вот за это я теперь и ненавижу русских, заодно со всеми другими иностранцами,— сказал эстремадурец.— Насчет иностранцев нам обольщаться нечего. Если ты иностранец, ты уж извини меня. Но я не могу делать между вами различия. Ты ел вместе с нами хлеб, пил вино. А теперь тебе лучше уйти.

— Не надо так говорить,— сказал эстремадурцу тот, кто был за старшего.— Надо соблюдать учтивость.

— Да, нам, пожалуй, лучше уйти,— сказал я.

— Ты не сердишься? — спросил меня старший.— Можешь оставаться здесь, в укрытии, сколько тебе нужно. Ты хочешь пить? Дать тебе еще вина?

— Большое спасибо,— сказал я.— Нам, пожалуй, лучше уйти.

— Ты понимаешь мою ненависть? — спросил меня эстремадурец.

— Я понимаю твою ненависть,— сказал я.

— Вот и хорошо,— сказал он и протянул мне руку.— Попрощаться с тобой за руку я не отказываюсь. И пусть у тебя лично все будет хорошо.

— И у тебя тоже,— сказал я.— У тебя лично и у тебя как испанца.

Я разбудил того — кинооператора, и мы пошли вниз по склону в штаб бригады. Все танки возвращались с линии фронта, и из-за грохота мы едва слышали друг друга.

— И все это время ты разговаривал?

— Слушал.

— Услышал что-нибудь интересное?

— Да, много всего.

— Что же ты теперь намерен делать?

— Вернусь в Мадрид.

— Надо подождать генерала.

— Да,— сказал я.— Обязательно.

Генерал был в ярости, в холодной ярости. Ему приказали предпринять внезапную атаку силами только одной бригады и закончить все к рассвету. А тут нужна была по меньшей мере дивизия. Он ввел в бой три батальона, а один оставил в резерве. Командир танковой части — француз, перед атакой решил выпить для храбрости и так напился, что командовать не мог. Его должны были расстрелять, как только он протрезвеет.

Танки не подошли вовремя, и под конец танкисты отказались наступать, а из трех батальонов два так и не смогли выйти на указанный рубеж. Третий свой рубеж занял, но образовавшийся клин удержать не удалось. Единственно конкретным результатом всего этого были несколько пленных, которых танкистам поручили доставить в штаб, но танкисты убили их. Генералу нечего было показать, кроме поражения, а тут еще и пленные не уцелели.

— Что же мне об этом писать? — спросил я.

— Только то, что будет в официальной сводке командования. Что у вас там в этой длинной фляге — виски?

— Да.

Генерал сделал глоток и старательно облизал губы. Когда-то он был капитаном венгерского кавалерийского полка и когда-то командовал кавалерийским отрядом в Красной Армии, захватил эшелон с золотом в Сибири и удерживал его всю зиму в сорокаградусные морозы. Мы с ним были добрыми друзьями, и он любил выпить, а теперь его уже нет в живых.

— Выбирайтесь отсюда,— сказал он.— Транспорт у вас есть?

— Да.

— Сняли что-нибудь?

— Кое-что. Танки.

— Танки,— вскипел он.— Свиньи. Трусы. Смотрите, чтобы вас не убили. Вы как-никак писатель.

— Я не могу теперь писать.

— Потом напишете. Потом про все можно будет написать. И смотрите, чтобы вас не убили. Главное, чтобы вас не убили. А теперь проваливайте.

Он не смог последовать своему совету, потому что его самого убили два месяца спустя. Но наиболее удивительное, что было за тот день, это как здорово вышла у нас съемка танков. На экране они неудержимо поднимались вверх по склону, преодолевали горные кряжи, точно огромные корабли, и с лязганьем ползли к призрачной победе, которую мы снимали на пленку.

В тот день ближе всех, пожалуй, приобщился к победе француз, вышедший из боя с высоко поднятой головой. Но его победа длилась только до тех пор, пока он прошел всего половину спуска с горы. Он лежал, вытянувшись на склоне, все еще со скаткой из одеяла через плечо, и мы увидели его там, когда шли по ущелью к штабной машине, которая должна была увезти нас в Мадрид.

Перевод с английского Н. ВОЛЖИНОЙ.

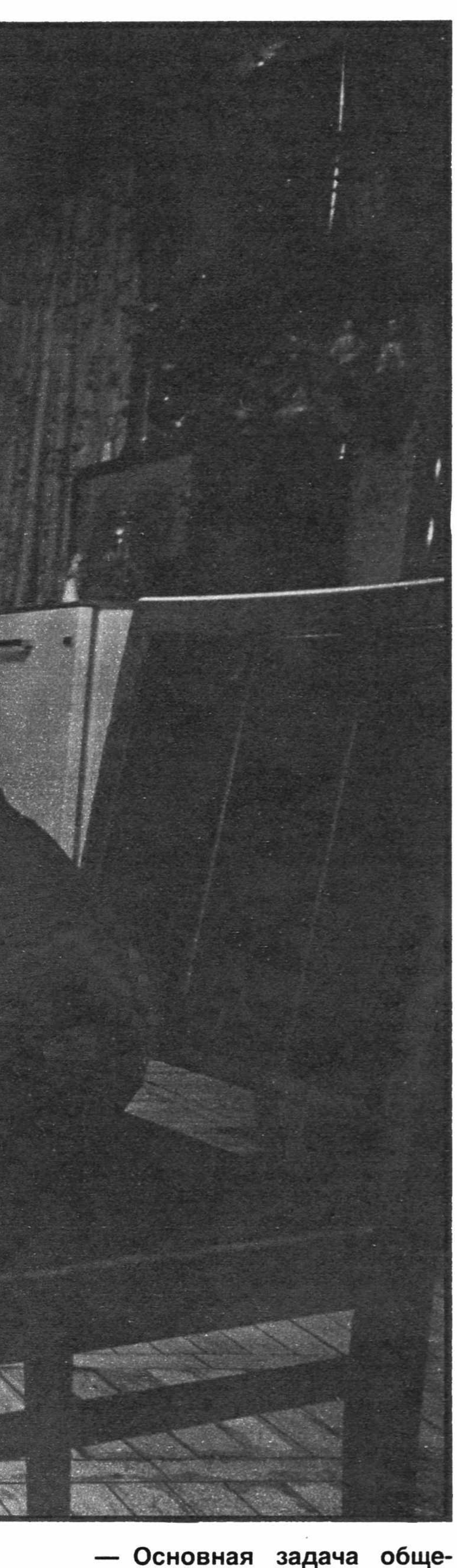
ПОМОЩЬ ОСТАВШИМСЯ В

Фото Павла КРИВЦОВА

НА ЗАСЕДАНИИ ИСПОЛКОМА МОСКОВСКОГО СОВЕТА 9 ЯНВАРЯ БЫЛИ НАКОНЕЦ УТВЕРЖДЕНЫ УСТАВЫ ГОРОДСКОГО ИСТОРИКО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОГО ОБЩЕСТВА «МЕМОРИАЛ» И МОСКОВСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ РЕПРЕССИРОВАННЫХ. ДОЛГИМ БЫЛ ПУТЬ К ОБРЕТЕНИЮ «МЕМОРИАЛОМ» ПРАВ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА. ЖДАЛИ РЕПРЕССИРОВАННЫЕ, НЕМОЩНЫЕ И БОЛЬНЫЕ, С МИЗЕРНЫМ ПОСОБИЕМ ОТ ГОСУДАРСТВА, ЖДАЛИ ВСЕ, КОМУ ДОРОГО ДЕЛО ВОССТАНОВЛЕНИЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ. НЕЗАДОЛГО ДО ЭТОГО ВПЕРВЫЕ ВНЯТНО ПРОЗВУЧАЛО МНЕНИЕ ГОРОДСКОЙ КОМСОМОЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ: «МЕМОРИАЛ» НЕОБХОДИМО ЗАРЕГИСТРИРОВАТЬ. ГОВОРИТ ПЕРВЫЙ СЕКРЕТАРЬ МГК ВЛКСМ ВЯЧЕСЛАВ КОПЬЕВ

ЖИВЫХ

— Основная задача общества — восстановление исторической справедливости в отношении миллионов репрессированных. А ведь среди погибших и пострадавших — добрая половина комсомольцев и молодежи. В сентябре 1989-го на бюро МГК ВЛКСМ мы решили создать рабочую комиссию по реабилитации незаконно репрессированных молодых граждан, а в ноябре были восстановлены комсомольские билеты семерым исключенным в свое время членам Союза, из них троим — по-

смертно. Сегодня мы располагаем еще тридцатью делами на бывших «врагов народа» — комсомольцев.

Мы пытаемся, и, кажется, это выходит неплохо, оказывать содействие «Мемориалу» по всем направлениям — будь то взаимодействие с партийными и государственными структурами или выделение зала для собрания членов общества. Рассматриваем возможность финансовой помощи Объединению репрессированных, попытаемся до того, как это сделает Моссовет, помочь с помещением.

В прошлом году в ноябре в Музее М. И. Калинина открылась и по сей день работает совместная выставка «Коминтерн молодежи: страницы истории». В июне 1990 года в Московском Дворце молодежи на Фрунзенской запланировано проведение экспозиции «Творчество ГУЛАГа». Наладили мы диалог и с комиссией «Мемориала» по выборам в республиканские и местные Советы.

Многих людей, и в том числе молодых, привлекает милосердный «сектор» работы «Мемориала», его историко-просветительская деятельность. Только в прошлом, 1989 году московский «Мемориал» подготовил экспонирование четырех стационарных и около десяти передвижных выставок памяти жертв репрессий, экспозицию об истоках второй мировой войны. Готовятся новая передвижная выставка, экспозиции «Репрессированное детство». Работают научный центр «Мемориала», группа устной истории, собран банк магнитофонных записей. Реализованные от самых разных мероприятий средства идут на поддержание жизни и медицинскую помощь жертвам репрессий: за шесть месяцев прошлого года активисты «Мемориала» раздали более 40 тысяч рублей нуждающимся. Как мне стало известно, сегодня в Московском объединении репрессированных зарегистрировано около 700 человек, на самом деле оставшихся в живых жертв сталинизма гораздо больше. И почти все они нуждаются в помощи — материальной, медицинской и моральной, конечно.

Есть ветераны Отечественной войны, ветераны-афганцы. Настало, я думаю, время и для реальной поддержки жертв сталинской войны с народом.

Записал
Антон АНТОНОВ-ОВСЕЕНКО
(младший)

НИКИТА СЕРГЕЕВИЧ ХРУЩЕВ

ВОСПОМИНАНИЯ

АНТИСЕМИТИЗМ

Потом мы несколько сдержали антисемитизм, но только сдержали, так как, к сожалению, элементы антисемитизма остались.

Сейчас я, как затворник, живу за городом. Общения с людьми у меня почти нет. Общаюсь с теми, которые или меня охраняют, или от меня охраняют. Это мне трудно сейчас определить. Скорее всего от меня охраняют. Они неплохие ребята. Разговариваю я с ними, у них часто проскальзывает этот позорный факт. Видимо, не дается должного разъяснения, а тем более отпора этому позорному явлению.

Почему так происходит? Во-первых, антисемитизм у нас в старое время был на очень высоком уровне. Сколько было погромов! Старое поколение знает Пуришкевича, который держал первенство как черносотенец в Государственной думе.

Сталин тоже разводил эту антисемитскую «бактерию» и не подавал примера, чтобы в корне ее ликвидировать. Сталин, безусловно, сам внутренне был подвержен этому позорному недостатку, который носит название антисемитизма.

А жестокая расправа с заслуженными людьми, которые подняли вопрос о создании еврейского государства на крымских землях? Это неправильное было предложение, но так жестоко расправиться с ними, как расправился Сталин!.. Он мог просто отказать им, разъяснить людям, и этого было бы достаточно. Нет, он физически уничтожил тех, кто активно поддерживал этот документ. Только Жемчужина каким-то чудом выжила и отделалась долголетней высылкой. Безусловно, такая акция возможна была только в результате внутренней деятельности «бациллы» антисемитизма, которая жила в мозгу Сталина. И вот произошла расправа с Михоэлсом, величайшим артистом еврейского театра, человеком большой культуры. Убить его зверски, тайно убить, а потом наградить его убийц и с честью похоронить жертву — это уму непостижимо! Изобразили, что он попал под автомашину и его грузовой машиной убило, а он был подброшен под грузовую машину. Это было артистически разыграно. А кто это сделал? Это Сталин сделал, это по его поручению было сделано.

Так же хотели организовать убийство Литвинова. Когда подняли документы после смерти Сталина, допросили работников МГБ (где-то в архивах должны быть документы), то выяснилось, что Литвинова должны были убить по дороге из Москвы на дачу. Там есть такая извилина на подъезде к его даче, и в этом месте хотели совершить покушение. Я знаю хорошо это место, потому что позже я какое-то время жил на этой даче. К убийству Литвинова двоякое побуждение было. Во-первых, Сталин считал его нечестным человеком, агентом. Он всегда все свои жертвы называл «агентами», «изменниками Родины», «предателями» и «врагами народа». Во-вторых, видимо, принадлежность Литвинова к еврейской нации тоже побуждала его к этому.

Следовательно, если говорить об антисемитизме, Сталин боролся с ним, как секретарь ЦК, как вождь партии и народа, а внутренне и в узком кругу подстрекал к нему. В этих вопросах он был не безупречен.

Еще эпизод.

В каком-то году, я сейчас точно не помню, был создан комитет — «Совинформбюро»*. Он создавался для сбора материалов, конечно, положительных, о нашей стране, о действиях нашей Советской Армии против общего врага — гитлеровской Германии — и распространения этих материалов в западной прессе, главным образом в Америке. Так как в Америке очень влиятельны круги еврейской национальности, поэтому и у нас этот комитет состоял главным образом из евреев, занимавших высокое положение в нашей Советской стране. Возглавлял этот комитет бывший председатель Профинтерна Лозовский. В этот комитет вступил генерал Крейзер — ему, конечно, рекомендовали, чтобы он вступил. В этом комитете состоял и Михоэлс — крупнейший актер еврейского театра, брат философа Митина. В этот комитет, по-моему, входила и жена Молотова — товарищ Жемчужина.

Лозовский не раз ко мне обращался, когда я приезжал в Москву, а другой раз и по телефону звонил с просьбой, чтобы дали пропагандистам материалы о зверствах гитлеровских фашистов на Украине. Я поручал, их готовили за подписью определенных авторов, материалы эти посылались в Америку, где они широко использовались для пропаганды успехов Красной Армии и описания зверств, которые творили немцы на Украине. Деятельность его была положительной. Лозовский человек был очень активный и, бывало, настойчивый до назойливости, буквально вымогал: «Давайте материалы, давайте материалы». Мы были заняты восстановлением хозяйства, и было нам не до этих дел.

Он напирал: «Вы поймите, насколько важно для нас показать лицо нашего общего врага, его зверства, показать процесс восстановления наших городов и сел».

Я думаю, что эта организация была создана по предложению Молотова или, может быть, сам Сталин предложил ее организовать. Она очень активно занималась вопросами пропаганды, и ее деятельность в интересах нашего государства, в интересах нашей политики, в интересах Коммунистической партии считалась очень полезной и необходимой.

Когда освободили Украину, в этом комитете составили документ (я не знаю, кто был инициатором, но, безусловно, инициаторы были в этой группе), в котором предлагалось Крым после выселения оттуда крымских татар сделать Еврейской советской республикой в составе Советского Союза. Обратились они с этим предложением к Сталину. Вот тогда и загорелся сыр-бор. Сталин расценил, что это акция американских сионистов, что этот комитет и его глава — агенты американского сионизма и что они хотят создать еврейское государство в Крыму, чтобы отторгнуть Крым от Советского Союза и, таким образом, утвердить агентуру американского империализма на европейском континенте, в Крыму, и оттуда угрожать Советскому Союзу. Как говорится, дан был простор воображению в этом направлении.

Я помню, мне по этому вопросу звонил Молотов, со мной советовался. Молотов, видимо, в это дело был втянут главным образом через Жемчужину — его жену.

Наиболее активную роль в этом комитете играли его председатель Лозовский и Михоэлс.

Сталин буквально взбесился. Через какое-то время начались аресты. Был арестован Лозовский, а через какое-то время и Жемчужина.

Был дискредитирован Молотов. Все материалы рассылались среди членов ЦК, и там все было использовано, чтобы дискредитировать Жемчужину и тем самым уколоть мужское самолюбие Молотова. Я помню такой грязный документ, где говорилось, что, мол, она была неверна своему мужу, и указывалось, кто были ее любовники. Много гнусности было в этом документе.

Начались гонения на этот комитет, а это уже послужило началом подогревания сильного антисемитизма, потому что состав комитета был еврейским. Сюда же приплеталась выдумка, что евреи хотели создать свое государство и выделиться из Советского Союза. В результате борьба против этого комитета разрасталась шире, и ставился вопрос вообще о еврейской нации и ее месте в нашем социалистическом государстве.

Начались расправы. Я не знаю, сколько людей было арестовано по этому делу. Применялись не только санкции в виде арестов, но и другие методы. Сталин опять начал практиковать тайные убийства.

Например, это достоверно мне известно, Михоэлс — крупнейший, автори-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 5—7.

* Речь идет о Еврейском антифашистском комитете.— *Прим. ред.*

тетнейший человек среди культурного и особенно среди артистического мира — был убит тайно. Я не знаю, по какому поводу он выезжал не то в Смоленск, не то в Минск, или, может быть, его специально вывезли. Одним словом, там нашли его труп. Было инсценировано его убийство, якобы он попал под грузовую машину. В действительности он был убит и выброшен на улицу, где был инсценирован наезд на него машиной. Его похоронили с почестями, которых он заслуживал, и общественность отдала ему должное, но общественность не знала, как был убит этот человек. Его убийца, мне Маленков говорил, был награжден орденом. Вот такие методы.

Долго тянулся следственный процесс этой группы, но в конце концов все закончилось трагически. Председатель этого комитета Лозовский был расстрелян, а Жемчужина и другие были сосланы. Я даже думал, что ее расстреляли, потому что об этом никому не докладывалось и никто в этом не отчитывался. Все было доложено Сталину, а Сталин казнил и миловал лично сам.

О том, что она жива, я узнал после смерти Сталина — тогда Молотов сказал, что Жемчужина жива и находится в ссылке. Все согласились, что надо ее освободить. Берия ее освободил и торжественно вручил Молотову. Он сам рассказывал, как Молотов приехал к нему в Министерство внутренних дел и там он встретился с Жемчужиной. Она была еле жива. Он обнял и приласкал ее. Все это Берия рассказывал с какой-то иронией. Молотову и Жемчужиной он выражал сочувствие и показывал, что это вроде была его инициатива освободить ее.

Вопрос по существу. Нужно ли было создавать еврейскую союзную или автономную республику в составе Российской Федерации или в составе Украины? Я, например, считаю, что раз уже была создана Еврейская автономная область, она и сейчас номинально существует, то вряд ли нужно было это делать в Крыму.

Мы питались тогда рассуждениями Сталина и поддавались его влиянию. Возражение Сталина: шпионаж, потому что Крым — это морская граница, доступная для иностранных судов. Он считал, что никак нельзя этого допустить с точки зрения обороны. Мы всегда стояли на точке зрения, что надо укреплять оборону, а не ослаблять ее.

Собственно, этот вопрос по существу никогда не обсуждался, а только высказывались суждения об осторожности и бдительности, тут была проявлена бдительность Сталиным, и он пресек поползновения мирового сионизма, его попытки создать опору в нашей стране для борьбы против нас. Этой опорой был бы сионизм, на который опирались бы американские империалисты.

Если действительно создать такую республику, то не исключено, что туда могли проникнуть сионисты. В Америке очень развит сионизм, и, безусловно, Америка нащупала бы какие-то возможности оказывать на нас давление. Если встать на эту позицию, то не надо было разрешать создавать такую республику, как оно и было сделано.

Но этот вопрос не обсуждался, и решения никакого не было, а вот аресты были. Арестовывали людей, сыгравших большую роль по сбору материалов и освещению процессов, которые проходили у нас во время войны, вскрытию зверств, совершенных немцами. Это положительная была работа. Все насмарку пошло, и люди были лишены жизни, уничтожены. Это я считаю позором.

После этого возник процесс над евреями на автомобильном заводе имени Сталина. И там искали происки американского империализма через сионистов, работающих на нем. Это, конечно, чистейшая чепуха была. Это результат произвола и абсолютной бесконтрольности Сталина.

Не было органов, которые могли бы контролировать деятельность Сталина. ЦК — это номинальное учреждение, которое ничем не связывало Сталина, и никаких решений этот Комитет не мог выносить, если Сталин не благословлял их. Эта бесконтрольность привела к тому, о чем предупреждал Ленин, когда говорил, что Сталин способен злоупотреблять властью и поэтому нельзя его держать на таком высоком посту, как Генсек. Плоды, которые мы «вкушали», еще раз подтверждали правильность заключения Ленина, сделанного им в последний период своей жизни.

Вот я говорил о гибели Лозовского. 28 марта 1968 года была посвящена ему статья в «Известиях». Там даются биографические данные о товарище Лозовском и даты, когда он родился и когда он умер. Но там так стыдливо умалчивается, как он умер. Там просто какой-то год и 1952 год поставлен. А что же было в 1952 году? Он сквозь землю провалился или на небо улетел? Где он был? Это позорная стыдливость. Я думаю, что автор правдиво хотел рассказать, чтобы эта правдивость предохраняла нас в будущем от повторения той трагедии, которая разразилась над партией, над народами Советского Союза и в результате которой тысячи советских людей погибли и в том числе погиб товарищ Лозовский, но ему не дали. Я думаю, что придет время, когда все это будет раскрыто и будет проведен глубокий анализ того, как все произошло, чтобы подобное больше не могло повториться.

СВЕТЛАНКА

Вернусь к Светланке. Сталин потребовал, чтобы она развелась со своим мужем Морозовым, и она развелась.

Затем Светланка второй раз вышла замуж. Это уже Сталин хотел, чтобы она вышла замуж за сына Жданова, Юрия. Он сейчас ректор Ростовского университета. Я ему симпатизировал — умный, образованный и рассудительный человек. Сталину он нравился, но он не понравился Светланке, и уже после смерти Сталина они разошлись. Мне это было неприятно, я очень переживал. Мне не хотелось слышать, как злословили о ней, что она проявляет непостоянство к мужчинам. Она долгое время жила одиноко, без мужа. У нее осталось двое детей: один — от первого мужа и девочка от Жданова.

Потом уже, в последний год или за год до окончания моей политической деятельности, мне Микоян сказал, что к нему приходила Светланка и просила его совета: она хотела бы выйти замуж за журналиста-индуса.

Микоян сказал, что она его любит, он старше ее, но она давно с ним знакома и он порядочный человек, коммунист.

«Она,— говорит,— просила, чтобы я и тебя спросил, какое твое отношение к этому».

Я был удивлен, почему она спрашивает его и меня: это же ее личное дело.

Я сказал Микояну: «Если она считает, что он достойный человек, пусть выходит замуж. Выбор за ней, а мы здесь ни при чем, мы не вмешиваемся в эти вопросы. То, что он не гражданин Советского Союза,— это не может служить препятствием, если он ей нравится. Пусть она решает сама».

Она вышла за него замуж. Я об этом узнал, когда уже сам был на пенсии. Я был доволен: я хотел, чтобы она както устроилась в своей личной жизни.

Когда я узнал, что он умер и она поехала похоронить его на родине и не вернулась, я был буквально потрясен. Несколько дней я не верил, пока не получил неопровержимых подтверждений.

Книги ее я не читал, но кое-что слушал по радио. Запад передавал выдержки из нее, которые им выгодны. Может быть, эти места и не характерны для всей этой книги, но то, что было передано, по меньшей мере для меня было странным. Как советский человек, выросший в наших условиях, дочь Сталина могла написать такое?!

Она воспитывалась в окружении советских людей, хотя я бы не сказал, что это было окружение Сталина. Я не знаю, что за люди были у нее воспитателями. Я, помню, видел, что там молодая, красивая грузинка была. Как-то случайно промелькнула она. Кто-то сказал, что это воспитательница Светланки. Потом в скором времени она исчезла. Я не знаю, что это за воспитательница, откуда она появилась. Слух был, что это подставное лицо Берия — не то к ней она была подослана, не то к Сталину подставлена. Что она за человек по внутреннему содержанию, по своему мировоззрению, по своей культуре, я не знаю. Так что я не знаю, какое у Светланки было окружение, кроме школы, где она училась хорошо.

Я считаю, что, видимо, это результат надлома психики у молодой женщины. Еще бы — умерла мать, и при каких обстоятельствах. Она, конечно, понимала, что мать умерла в результате взаимоотношений, которые создались между матерью и отцом. И мать не умерла, а покончила жизнь самоубийством, и сплетничали даже, что Сталин ее убил. Я и сейчас не могу сказать, где правда, потому что я две версии знаю. Одна говорит о том, что Сталин ее застрелил, а другая, для меня более вероятная, что она сама застрелилась в результате оскорбления, нанесенного ее женской чести. Конечно, о каком-то варианте она знала и, наверное, переживала. На нее это действовало.

Потом Светланка вышла замуж за Морозова. Развелась. У нее остался сын. Опять вышла замуж и сама уже оставила второго мужа. У нее осталась дочь. Для молодой женщины это ненормально.

С отцом у нее были взаимоотношения сложные. Отец ее любил, но даже свои чувства любви он выражал звероподобными приемами и формами. Это была нежность кошки с мышкой. Это тоже надламливало душу ребенка, потом молодой девушки, потом уже женщины, матери.

Затем смерть отца. Тут вскрылись злоупотребления властью. Это тоже для нее было большое потрясение. Сложившиеся условия, конечно, терзали ее душу и влияли на ее психику. И вот последняя капля, переполнившая чашу,— смерть последнего мужа. Похороны.

О том, что было дальше, мне передавали люди, которые сами пользовались слухами. Почему она не вернулась? Мне передавали такую версию, я называю это версией, потому что достоверно мне ничего не известно. Но, видимо, действительно так и было. После похорон своего мужа она пришла в наше посольство. Бенедиктов там был послом. Я знал Бенедиктова хорошо. Это выдержанный человек.

Она хотела задержаться в Индии на несколько месяцев, а ей Бенедиктов посоветовал немедленно выехать в Советский Союз. Когда советский посол рекомендует гражданину Советского Союза немедленно выехать домой, это сразу настораживает человека. Тем более она знала все повадки, которые у нас на этот счет бывали. Это уже недоверие. Это может кончиться плачевно для лица, которое хотят как можно скорее вернуть на Родину. Это не забота о человеке, это недоверие, это политическое недоверие. Это унизительное, оскорбительное отношение, выбивающее из колеи даже людей уравновешенных. А она не была уравновешенной — это видно и по содержанию ее книги. Она была надломлена, и она сейчас же обратилась за помощью к иностранным державам, пошла к американскому послу.

Так она выехала в Швейцарию, а оттуда в Америку.

Глупый поступок, его нельзя оправдать ничем. Но глупо поступили и с ней. Грубо. Это, я бы сказал, полицейская мера людей, которые должны были проявить такт и уважение к личности, к гражданину Советской страны.

Что бы, по-моему, нужно было сделать? Я убежден, что, если бы с ней так поступили, ничего бы не произошло.

Когда она пришла в посольство и сказала, что ей нужно еще побыть в Индии месяц-два-три, надо было ей сказать: «Светлана Иосифовна, зачем три месяца? Вы возьмите себе визу на год, на два, на три. Можете бессрочную визу взять и живите здесь. Когда захотите, приедете в Советский Союз обратно».

Одним словом, надо было ей дать ей свободу выбора и тем самым ее мо-

рально укрепить. Показать, что к ней с доверием относятся.

Я убежден, что если бы с ней так поступили и даже если бы она имела уже написанный свой, так называемый, труд, она бы его или не опубликовала, или переделала бы. Но с ней поступили таким образом, показали, что она находится под подозрением, а она умная женщина и поняла это. Когда понуждали ее, чтобы она немедленно уехала на свою Родину, ей оказали политическое недоверие. Это переполнило чашу, и она осталась, она бросилась в омут эмигрантской жизни. Она лишила себя Родины, она рассталась со своими детьми: сыном, дочерью, со своими друзьями. Очень печально, очень печально... Мне очень жаль Светланку. Сейчас я ее машинально называю так, хотя она давно уже не Светланка, а Светлана Иосифовна. Так кончилась ее карьера советского человека. Жаль, очень жаль.

Почему я считаю, что нужно было с ней поступить так? У меня есть тому примеры. Когда я возглавлял правительство, молодой пианист Ашкенази получил премию на конкурсе имени Чайковского. Он был женат на женщине, которая училась у нас в консерватории, англичанке. У них был ребенок. Они выехали в Англию. Там живут родители этой англичанки. Мне говорили, что она родом из другой страны, но английская подданная. Ашкенази — хороший пианист. Я слушал его и поздравлял, когда ему была присуждена премия. И теперь я его слушаю по радио.

Он пришел в наше посольство в Лондоне и рассказал, что вот такой у него случай — жена отказывается ехать в Советский Союз, а он ее очень любит, и спросил, как ему быть. Посол сейчас же сообщил в Москву. Мне доложил Громыко, что получена такая телеграмма от нашего посла.

Я посоветовался с товарищами и предложил: «Давайте дадим ему паспорт. Пусть он возьмет паспорт на любой срок. Он сможет с этим паспортом всегда приехать в Советский Союз, когда захочет. Это единственная возможность. Если мы будем добиваться, чтобы он вернулся, он, видимо, не вернется. Он не антисоветский человек, но мы его сделаем антисоветским человеком, потому что раз он не выполнит нашей воли, он противопоставит себя правительству Советского Союза. Сейчас же найдутся люди, найдутся комментаторы и толкователи, которые начнут обрабатывать его в антисоветском духе. Зачем нам плодить таких людей? Что случится, если он будет жить в Лондоне и будет приезжать сюда давать концерты? Он же музыкант. Человек свободной профессии. Он у нас будет выступать с концертами, и он будет гражданином Советского Союза».

Все согласились. Так мы и сделали. И мне приятно, когда я сейчас включаю радио, слушать, если объявляют, что выступает пианист Ашкенази в Москве. Мне приятно, что мы сохранили честное имя крупнейшего пианиста за своей страной, за Советским Союзом и не разрушили семейную жизнь.

Может быть, когда-то придет время, и они захотят приехать и обосноваться в Москве. Но может и так случиться, что он обоснуется в Лондоне. Этого я не исключаю. Ну, что же.

Я считаю, что настала пора, когда надо подумать и предоставить возможность гражданину Советского Союза жить, где он хочет. Если он хочет выехать, временно выехать в какую-либо страну, то, пожалуйста, надо предоставить ему эту возможность. Невероятно после 50 лет Советской власти держать рай под замком.

Мы, коммунисты, считаем, что капиталистический строй — это проклятие, в котором люди труда обрекаются на капиталистическое рабство. Мы строим социализм и во многом преуспели в этом строительстве, а дальше еще больше преуспеем. Наш строй, безусловно, самый прогрессивный на данном этапе развития человечества. А значит, если сравнивать по-библейски,— это рай для человека.

Рай не в том смысле, когда все сыплется из рога изобилия, а ты только подставляй рот. Нет, такого рая еще нет и когда он будет, я даже не знаю. Но все, так сказать, оценивается относительно. Поэтому в отношении капиталистического мира мы стоим на правильных позициях, на этих позициях мы трудимся, многое сделали и создали условия для еще больших успехов.

Как же мы сами себе противоречим? Строим хорошую жизнь и, чтобы удержать людей в хорошей жизни, держим под семью замками границу!

Другой раз не враги, а наши советские люди — зубоскалы говорят: «Что же, в рай дубинкой гоните?»

Эти аргументы применялись, когда принудительным порядком проводилась коллективизация и другие акции. Я считаю, что пора снять эти обвинения и лишить аргументов врагов социализма. Что же мы держим границу под замком и боимся, не доверяем людям, строителям социализма? Надо показать, что они являются вольными людьми, вольными строителями и они строят социализм в результате своих убеждений, а не в результате принуждения или условий, когда им, как говорится, податься некуда. Это, я считаю, позорит нас, и пришло время ликвидировать этот позор.

Скажем, если примеры брать, Югославия не богаче нас живет. Я, когда последний раз был в Югославии, беседовал с товарищем Тито, и об этих беседах с удовольствием сейчас вспоминаю.

Я его расспрашивал: «Как у вас граница?»

Он говорит: «Граница такая — подъезжает человек, говорит, куда едет, и никакой проверки. Он выполняет элементарные формальности, поднимается шлагбаум, и машина проезжает в Югославию или выезжает. Это относится к людям, которые приезжают из других стран в Югославию, и так же свободно выезжает за границу каждый югослав».

Он говорил: «У нас очень много выезжает шахтеров, которые едут работать в Западную Германию. Говорят — поеду на машину заработать».

Ну и что же Югославия? Ее строй потрясен? Как бы ни говорили о Югославии, а Югославия является социалистической страной, несмотря на теоретические потуги наших ученых.

Когда я поставил вопрос о том, чтобы восстановить добрые отношения с Югославией, то необходимость этого никак не мог понять Суслов, и он старался доказать, что в Югославии нет социализма, что это не социалистическая страна.

Я говорю: «Пожалуйста, давайте проанализируем. Создадим комиссию, пусть она изучит по элементам, какие признаки существуют в каждой стране, которая является капиталистической, и признаки для страны, которую мы называем социалистической».

Такая комиссия была создана. Она представила нам такой документ. Я сам был убежден, но я хотел, чтобы это была авторитетная комиссия, которая все проанализировала бы. Такой документ есть в Центральном Комитете, и в нем говорится о том, что у Югославии все признаки страны социализма, на этих основах построено югославское социалистическое государство.

Открыть границу возможно не только теоретически, в чем я не сомневаюсь. Если бы это было невозможно, то какая же тогда свобода? Могут сказать, что, мол, у нас классовый состав общества. Но это относилось к какому-то периоду нашего существования. Сейчас, через 50 лет после того, как ликвидированы враждебные классы, эти аргументы, как говорится, для дураков. Для мыслящих людей это позорная аргументация.

Ну, а если бы мы так поступили, а Светланка бы не вернулась? Ну что ж, жалко было бы, но ничего не сделаешь. Но она же не вернулась при существующем порядке выдачи виз.

Еще эпизод из области наследия, которое лежит цепями на сознании руководителей Советского государства. Наша балерина № 1, лучшая балерина не только Советского Союза, но и мирового балетного искусства — Майя Плисецкая. Когда выезжал театр, ее всегда исключали из списков. Мне тоже докладывали, что ей нельзя доверять, что она может не вернуться. Ну, я ее не знал, и я с ней никогда не разговаривал лично. Я ее настроений не знал. Конечно, было бы неприятно, если бы такая балерина, как Плисецкая, вдруг оставила бы Советский Союз. Это была бы демонстрация и очень болезненный укол.

Я помню один раз, когда готовилась к выезду за границу балетная группа, я получил, как секретарь ЦК, письмо от Майи Плисецкой. Это было довольно большое и искреннее письмо. Она написала, что она патриот и что ее обижает и оскорбляет недоверие, которое ей выражается. Там были заверения в ее честности. Встал вопрос, как быть. Я размножил ее письмо, и все члены Президиума его прочитали. Как быть? Я предложил выпустить ее. Были сомнения, что она может не вернуться. Я тогда говорю:

«Может. Я ее не знаю, но она говорит, что этого не может быть. Я ей верю. Нельзя без доверия жить. Если она нечестно написала, а написала, чтобы вырваться, ну что же, конечно, будет большая потеря для нас и неприятная потеря. Переживем как-то».

Поехала. Я был вознагражден, не знаю, во сколько крат, когда она с таким блеском выступила за границей и вернулась. Она приумножила славу советского балетного искусства, советской культуры. Это награда за труды, вложенные в строительство нового, социалистического общества.

А если бы мы продолжали ее «не пущать», держать крепко на замке? Мы бы просто искалечили ее характер и сделали бы даже из нее антисоветского человека. Потому что самое хрупкое — это психика человека, ее надо оберегать, чтобы не надломить! Неосторожный шаг может вывести из равновесия, и это роковой шаг в жизни человека.

Я горд за правильное свое решение, и мне приятно за Майю, что она правильно оценила этот шаг доверия к ней.

Другой аналогичный случай. Известный пианист Рихтер.

Тоже вопрос выезда за границу. Мне докладывают, что есть возражения. По-моему, товарищ Фурцева мне докладывала, что госбезопасность возражает. Какие основания к возражению? У него, мол, в Западной Германии живет мать, он может поехать к матери, и неизвестно, вернется он или не вернется.

Потеря такого крупного музыканта, как Рихтер,— это не только потеря одного гражданина Советского Союза. Этот пианист в музыкальном мире — человек № 1. Что же делать?

Я говорю: «Знаете что, пусть он едет».

Были мысли потребовать от него, чтобы он не заезжал в Германию.

Я сказал: «Если он выедет за пределы наших границ с вырванным у него обязательством не заезжать в Западную Германию и не встречаться с матерью, я не знаю, что глупее может быть. Наоборот, надо посоветовать ему: «Вы не видели мать столько лет, поезжайте повидаться с ней». Надо, чтобы он не чувствовал, что мы против этого».

Он выехал и действительно поехал в Западную Германию. Встречался с матерью.

Мне передавали люди, что у него были плохие отношения с матерью. Как мне говорили, мать чуть ли не бросила его и уехала, когда немцы оккупировали Украину. Она жила, кажется, в Одессе тогда.

Он вернулся. Потом он ездил по Америке, давал концерты. Там ему подарили рояль.

Тогда ко мне Фурцева опять пришла и говорит: «Как быть? По нашим законам, чтобы перевезти рояль через границу, надо заплатить большую пошлину. Собственно, Рихтер даже не в состоянии будет, видимо, заплатить».

Я говорю: «Передайте от меня тем, кто занимается на границе пошлинами, что надо оформить все так, чтобы пошлину с него не брали. Раз он получил в виде премии в Америке рояль, то не Советскому правительству ставить препятствия для владения этим подарком. Если мы его лишим этого подарка, то у него останется осадок, огорчение. Для музыканта иметь хороший инструмент — это большая радость. Не лишайте его этой радости. Он заслуживает этого, большего заслуживает».

Фурцева была довольна, что так решен вопрос. Сейчас Рихтер выступает, разъезжает, и я не знаю, существует ли вопрос в связи с его честностью в отношении нашего строя, нашего государства.

Могут ли быть случаи, когда наше доверие будет обмануто? Могут. Среди 230 миллионов, конечно, найдется и чистое, и нечистое. Ну, нечистое уйдет на поверхность, как всякое легкое вещество, которое на воде плавает, и оно волнами будет отбито от наших берегов. Пусть себе плывет. Пусть дерьмо плывет. Могут принять такое решение и люди, которых нельзя назвать дерьмом. Они проявят какое-то временное колебание, а некоторые просто захотят попробовать капиталистический ад — в каких-то проявлениях он является еще привлекательным.

Нельзя получить власть, построить частокол, и не изволь подходить даже, а не только переходить этот частокол. Нельзя.

Посмотрите на Ленина. Мы даже врагов Советского Союза в первый год революции сами высылали, а для желающих выехать были открыты все возможности: пожалуйста, берите чемоданы и уезжайте. Уезжали. Я помню, в 1919 году я был в армии и служил в Курске. Тогда многие эмигрировали на Украину, которая была оккупирована немцами. Тогда в красноармейском устном вестнике всякие анекдоты рассказывали, как переходили эту границу, как скрывали ценности, какие люди находили потайные места, когда хотели сохранить небольшие по объему, но очень ценные вещи. Может, это правда, а может, правда, сдобренная солдатскими, молодежными такими выдумками. Но сам факт был. Люди уезжали открыто. Теперь, через 50 лет, мы должны построить такие отношения, чтобы в каждом человеке не видеть невозвращенца. Я считаю, что стоять на такой позиции — это позорить нашу идею, позорить наше учение марксистско-ленинское, наш советский строй. Поэтому я против этого.

То, что этот метод был применен к Светланке, меня очень огорчает. Я даже думаю, что сейчас еще не все потеряно, что она еще может вернуться, может еще окрепнуть у нее мысль вернуться к своим детям. Пусть бы она имела эту возможность, знала, что если она захочет, то она может вернуться, и ей не будет поставлена даже в укор ее слабость, которую она проявила, уехав в Соединенные Штаты Америки.

Вот я начал говорить о своих соображениях, основанных на наблюдении Сталина, его грубости, и взял в пример Светланку. Потом увлекся и высказал свое отношение к последнему поступку Светланки. Я осуждаю Светланку за то, что она проявила слабость и приняла неразумное решение. Но я осуждаю и тех, кто не подал ей руку, чтобы помочь ей найти правильное решение, и своими поступками, своими шагами толкнул ее на неверный, непоправимый шаг. Я считаю, что любое действие если приложить усилия, еще можно поправить, что-то сделать, чтобы исправить допущенную ошибку.

Трудно поверить, что в нынешнем году столетний юбилей Б. Л. Пастернака. Настолько современен язык его поэзии, кажется, совершенно не подверженной коррозии лет.

С годами растет интерес к личности поэта. В нашем журнале (№ 1. 1990 г.) были опубликованы неизвестные читателям письма Пастернака Зинаиде Николаевне Нейгауз (публикация Н. А. Пастернак; к сожалению, в примечание вкралась досадная неточность — имя первой жены поэта Евгения *Владимировна*). Читая эти письма, понимаешь, что стереотипные представления о жизни и переживаниях поэта всегда неверны. Тем не менее стереотипы, сложившиеся или навязанные, во многом еще определяют читательское восприятие творчества Пастернака...

К 100-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
Б. Л. ПАСТЕРНАКА

Олег
ХЛЕБНИКОВ

НЕУСТАВНОЙ КЛАССИК

«Кто ваши любимые писатели?» — спросила тележурналистка из программы «Взгляд» министра обороны СССР. «Пушкин, Лермонтов...» — последовал ответ. «А из советских?» «Маяковский, Горький... (и после небольшой паузы) Карпов». Министр ответил безошибочно. Не придерешься. В собственном, неуставном отношении к литературе не заподозришь.

Пожалуй, даже Толстой с его идеей непротивления злу, будь он упомянут столь ответственным человеком, испортил бы идеологически безупречную картину. А так, все получилось правильно: любишь Россию — должен любить Пушкина и Лермонтова, всей душой за Советскую власть — Маяковского и Горького (публикацию «Несвоевременных мыслей» в «Литературном обозрении» можно и не заметить), являешься военачальником — кого и читать, как не автора «Полководца» и первого секретаря правления СП СССР?

Такова самая вершина официального литературного Олимпа. Обратите внимание, как много на ней поэтов. Хотя официальных лиц в особом пристрастии к стихам трудно заподозрить. Но канон есть канон — в государственных интересах он должен быть незыблем.

А что же «простые советские» читатели, не обязанные каждым своим мнением защищать державные интересы? Для них, пожалуй, решающее значение имеют не утвержденные каноны, а сложившиеся (или старательно навязанные) стереотипы. Возможно, это следствие режима, в условиях которого все мы воспитывались, возможно, более глубинных особенностей нашей психологии, но так или иначе стереотипы определяют восприятие большинства читателей и оценки большинства критиков.

Достаточно посмотреть на так называемые «обоймы», которые наши критики любят выстраивать. Писатель, как бы он ни менялся, прогрессировал или деградировал, попав однажды в «свою обойму», рискует до конца жизни, а иногда и после смерти, из нее не вырваться (но зато легко выпадает, совершив «крамольный», с точки зрения властей предержащих, поступок).

Александр Межиров рассказывает, как вскоре после войны испытал сильный душевный кризис и несколько лет не писал — тем не менее его, автора стихотворения «Коммунисты, вперед!..», продолжали усердно включать во все «поминальники» «активно работающих поэтов-фронтовиков»...

Что же касается «творческого поведения» (излюбленное выражение Михаила Пришвина), оно практически не влияет на место, отведенное тому или иному литератору в официозной классификации. Безусловно, это связано с общественно-политической ситуацией. Основная идея казарменного социализма (даже развинченного), конечно, не «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», а куда проще и выполнимей — «Всяк сверчок, знай свой шесток!» — в данном случае: свой чин, каким бы видом деятельности ты ни занимался,— и соответствующее этому чину место в казарме. Без догм и стереотипов такая система работать не может. Впрочем, стереотипы иногда меняются...

Удивительный пример доминанты стереотипов — при их постоянной смене — отношение к творчеству Б. Л. Пастернака. Достаточно проследить только то, что свежо в памяти,— посмертную судьбу поэта.

На протяжении «оттепельных» шестидесятых Пастернак, как многие помнят, считался не только «несоветским», но еще и «камерным, эстетским» автором, поэтом для поэтов. Клеем, прочно державшим этот ярлык, была относительно малая известность Пастернака в непомерно разросшемся кругу любителей поэзии. Любители внимали молодым и дерзким «эстрадникам», решавшим в то время в своих стихах не столько поэтические, сколько политические, митинговые, можно даже сказать, телевизионные задачи. Возможно, кому-то на этом фоне вполне искренне казалось, что Б. Пастернак занимается «чистым искусством». И это несмотря на то, что именно Пастернак впустил в стихи перенаселенный самыми обыденными реалиями мир, сделал его доступным поэзии!.. Стереотип сильнее очевидного, мы видим то, что заранее настроены увидеть.

Но вот оборвались до срока шестидесятые с их надеждами и иллюзиями, с их «догоним и перегоним Америку», «через двадцать лет построим коммунизм». Власти слишком буквально поняли не читанного ими опального философа: «Россию надо подморозить» — и успешно воплотили в жизнь свое понимание.

Тем не менее для посмертной судьбы Пастернака это было, пожалуй, счастливое время. Хотя книги его по-прежнему выходили с изъятиями и оговорками-послесловиями, остававшаяся на имени печать полузапрета — в обстановке общественного отрезвления и скепсиса — делала его все более популярным. Как известно, запретный плод сладок, а человек слаб... Интересно было бы подсчитать, сколько людей, далеких от поэзии, купило тогда, в семидесятые, том Пастернака из «Библиотеки поэта» (1965 г.) — на черном рынке, за немалые по тем временам деньги... И еще, дополнительную «крамольную» привлекательность этой книге придавало предисловие Андрея Синявского.

А по классификации официального литературоведения Пастернак пребывал не то чтобы на задворках литературы соцреализма, скорее где-то за высокой кирпичной стеной, призванной на

века отделить его от трех китов русской советской поэзии — Блока, Маяковского и Есенина. Этот навязанный стереотип въелся в массовое сознание настолько глубоко, что на уровне учительниц литературы, преподавателей педвузов, руководителей провинциальных литературных объединений и, конечно же, конъюнктурных писателей считалось даже: если ты любишь поэзию Пастернака, значит, стоишь на бесперспективном и опасном пути, в стороне от столбовой дороги отечественной поэзии. Куда благонадежнее было любить Маяковского или Есенина, в крайнем случае — Блока.

Между тем Маяковского, как известно, сам Пастернак боготворил, какое-то время ходил в его соратниках и продолжателях. А попробуйте найти поэтов более близких по ощущению природы, чем Пастернак и Есенин! И, наконец, не блоковская ли это метель врывается в стихи Пастернака — те самые, в которых негасимо горит пушкинская свеча?..

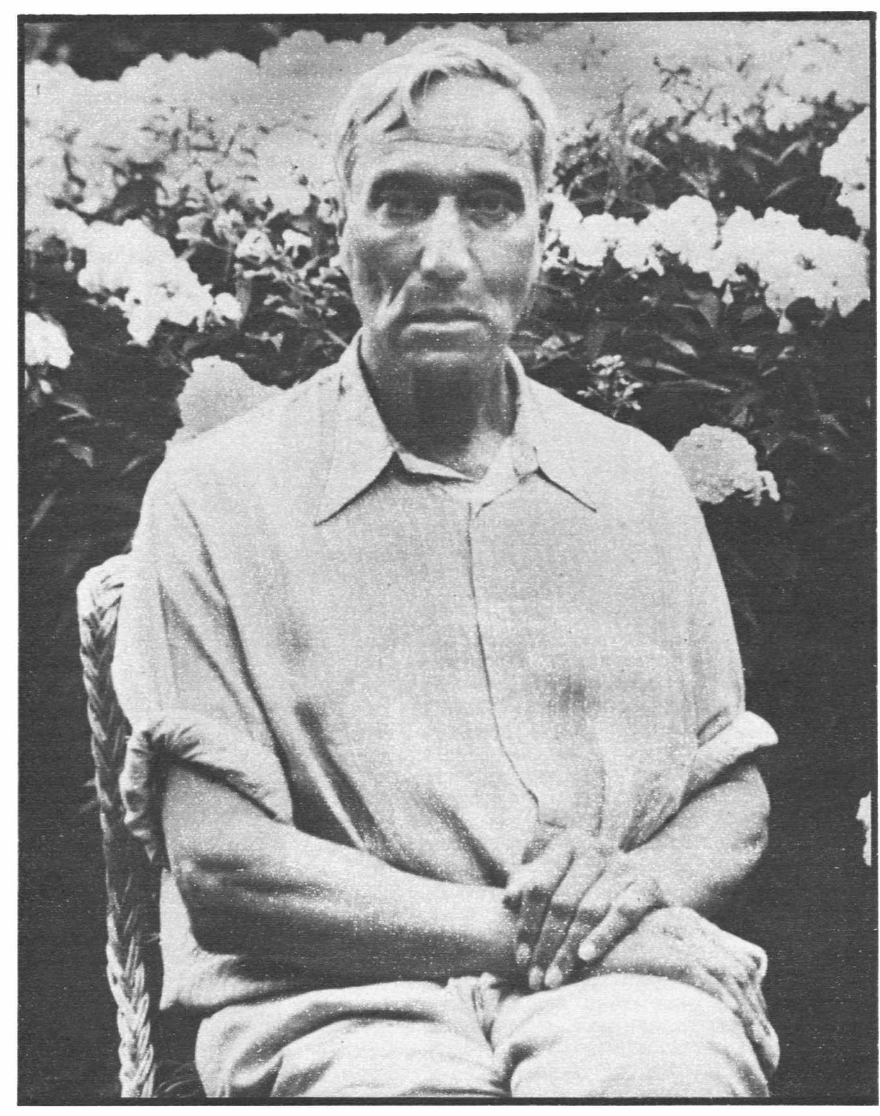
На официальный Парнас Пастернак, однако, допущен не был. Так же, как Мандельштам, Ходасевич, Ахматова и Цветаева — поэты, каждый из которых составил бы гордость любой литературы. Эти пятеро «не проходили» — несмотря на «Девятьсот пятый год» или, скажем, «Мужество» — прежде всего по анкете: либо по пятой ее графе, либо по одной из первых: «пол» — как ни удивительно (последнее невольно выдал Ю. Кузнецов в своей статье «против Ахматовой» — «Литературная учеба» № 6, 1985 г.).

В результате фрондерствующая интеллигенция воздвигла свой, «теневой» Парнас, на котором не нашлось места уже Маяковскому. И до сих пор в нашем представлении серебряный век русской поэзии остается как бы раздвоенным. Только немногие, свободные от предрассудков истинные любители поэзии способны соединить в своем восприятии все его ветви в единое дерево.

Несмотря на искусственно воздвигнутые стены между поэтами, несмотря на политизированное деление их по ранжиру — а может быть, как раз благодаря ему,— к концу семидесятых имя Пастернака вошло даже в некий «джентльменский набор» масс-культуры. Среди чиновников и нуворишей считалось престижным держать синий пастернаковский том на видном месте в своих квартирах — естественно, в прекрасном состоянии, нечитанным. Эстрадные звезды начали исполнять беспомощные песенки на его наиболее известные стихи. А в почте популярных изданий появились письма с просьбой опубликовать Пастернака. Помню фразу из одного такого письма: «пожалуйста, напечатайте что-нибудь Пастернака и Эдуарда Асадова...» Думаю, такие письма были следствием еще одного стереотипа, возникшего где-то на окраине официальной литпропаганды: Маяковский писал о советском паспорте, а вот Пастернак (так же, как Асадов!) о любви...

Боюсь, что сейчас мы присутствуем при рождении нового стереотипа восприятия этого поразительного явления культуры, имя которому — Пастернак. Постараюсь объяснить свои опасения.

Наконец-то у нас — отдельной книгой и в миллионном журнале — опубликован роман «Доктор Живаго». В огромном количестве статей он проанализирован или упомянут. Наконец-то предана гласности история исключения Пастернака из Союза писателей за публикацию этого романа на Западе, даже напечатана стенограмма печально знаменитого писательского собрания. Все это очень хорошо. Но чаще и чаще приходит мысль о тех, кто только сейчас начинает читать серьезную литературу (это касается и молодых, и «проснувшихся»). Не будет ли для них Пастернак автором прежде всего (не дай Бог — только!) «Доктора Живаго»? Поплатился-то он именно за свой роман, а у нас в обществе искаженно-христианских представлений пророком склонны считать — и соответственно прислушиваться к слову — только того, кто очевидно и всерьез пострадал. (Кстати, что-то подобное может произойти и с Ахматовой — ее «Реквием» прекрасен, но вряд ли является вершиной ахматовского творчества, как уже начинают утверждать.)

В 1957 году чешский поэт Э. Фринта посетил опального Б. Л. Пастернака в Переделкине. Здесь и была сделана эта фотография, которая публикуется впервые. Выражаем благодарность Светлане Михловой, приславшей ее в редакцию.

К тому же «Доктор Живаго» — проза, то есть более простой для читательского усвоения в сравнении со стихами род литературы. Сейчас не шестидесятые годы, поэтического бума явно не наблюдается, а «раскультуривание» интеллигенции за последние 60—70 лет привело к тому, что язык поэзии становился все менее понятным читателям.

Между тем «Доктор Живаго», на мой взгляд, не главная книга Пастернака. Замечателен этот роман прежде всего как проза поэта, об этом свидетельствуют и все лучшие его страницы, как правило, не связанные с фабулой.

Если же судить по некоторым критическим статьям, по недавним полуинтеллигентским «московским» разговорам, начинает казаться, что появилась категория людей, которым нужно доказывать, что Пастернак не только до последней своей клеточки, но и прежде всего — поэт. Великий поэт. Что подвиг его жизни не сводится к передаче «Живаго» для публикации за границу. Что подвиг этот явлен во всем полном собрании сочинений поэта, так и не изданном до сих пор на родине, и главным образом — в стихах. Потому что самое значительное, что удалось совершить Пастернаку,— это написать сотни удивительных, великих стихотворений...

Быть поэтом — и счастье, и несчастье в любое время и в любой стране. В России двадцатого века — это трагедия. Сам Пастернак не любил слово «поэт». Существует мнение, что он совершенно не интересовался стихами как таковыми и, в частности, не умилялся, видя «племя младое, незнакомое» с тетрадкой в потных ладонях. Более того, был высокомерен с начинающими.

Лучше всего свою позицию Пастернак объяснил сам в письме молодому поэту, ныне известному переводчику Марку *Германовичу* Ватагину. Это письмо до сих пор не публиковалось.

«ВАТАГИНУ М. Г.

15 дек. 1955

Милый Марк Григорьевич

(Отчество Ваше восстанавливаю по догадке из инициала, извините если ошибся). Я все время очень занят, совсем не так, гораздо больше, чем себе представляют. Сын был прав, что отсоветовал Вам заходить ко мне, он не прав был, что согласился взять на просмотр стихи.

Когда мои читатели и почитатели обращаются ко мне с просьбами, подобными Вашей, я с сожалением или раздражением устанавливаю, что значит они в недостаточной степени читатели и почитатели мои, потому что не поняли во мне главного: что я «стихов вообще» не люблю, в поэзии, как ее принято понимать, не разбираюсь, что я не судья, не ценитель в этой области.

Я бы не мог сказать, как Маяковский,— побольше поэтов и разных, мне это совершенно не нужно. В согласии с моим пониманием этой стороны жизни мне хотелось бы, чтобы не только их было как можно меньше, но чтобы по возможности был один, очень большой, а стихотворчества или даже поэзии, как вида занятия, пусть даже «боговдохновенного», многих или для многих не существовало.

Вы спрашиваете, есть ли у Вас основания мечтать о поступлении в Литинститут. Избави бог Вас думать об этом учебном заведении с основаниями или без оных. Если у Вас отвращение к истинным наукам, математике, физике, химии и Вы чувствуете тягу к предметам словесного цикла, то тогда во всяком случае посвятите себя изучению истории, это нечто осязательное, это даст Вам знания и воспитает, хотя историю сильно фальсифицируют сейчас, но Вы сумеете отделить подлинное от подделки. Вот Вам прямой, твердый, уверенный ответ на Ваш вопрос.

Если Вы разделите людей на партийных и беспартийных, мужчин и женщин, мерзавцев и порядочных — это все еще не такие различные категории, не такие противоположности, как отношение между мною и противоположным мне миром, в котором любят, ценят, понимают, смакуют и обсуждают стихи, пишут их и читают. Это мир мне полярный и враждебный и ту же ноту враждебности вызывает во мне Ваша просьба, Ваша поддержка царящего предрассудка, Ваше участие в общем заблуждении.

Как же непоследовательна в таком случае моя деятельность — скажете Вы,— но я никогда не утверждал себя «поэтом» (это слово очень годится на обертки к туалетному мылу и в русской практике я не люблю его), я много думал, писал прозу и занимаюсь ей, я многим занимался в жизни и до такой степени был противником образования секции поэтов при союзе писателей, что даже спорил по этому вопросу с Горьким. Но оставим лучше меня, я скажу Вам, что думаю, по-другому.

Даже в случае совершенно бессмертных, божественных текстов, как, например, Пушкинские, всего важнее отбор, окончательно утвердивший эту данную строчку или страницу из сотни иных, возможных. Этот отбор производит не вкус, не гений автора, а тайная побочная, никогда в начале не известная, всегда с опозданием распознаваемая сила, видимостью безусловности сковывающая произвол автора, без чего он запутался бы в безмерной свободе своих возможностей.

В одном случае это трагический задаток, присутствие меланхолической силы, впоследствии сказывающейся в виде преждевременного самоубийства, в другом — черта предвидения, раскрывающаяся потом посмертной победой, иногда только через сто лет, как было со Стендалем.

Но во всех случаях именно этой стороной своего существования, обусловившей тексты, но не в них заключенной, разделяет автор жизнь поколения, участвует в семейной хронике века, а это самое важное, его место в истории, этим именно велик он и его творчество.

Я просмотрел то, что Вы мне передали. Бог и природа не обидели Вас. Ваша тяга к художественному выражению не заблуждение. Некоторые попытки Вам удались. Элегическая нота Ваша располагает к Вам, в Вашу пользу. Больше ничего я на эту тему сказать не могу, не потому что Вы недостаточно одарены, а потому что вера в то, что в мире существуют стихи, что к писанию их приводят способности, и прочая и прочая,— знахарство и алхимия. Вы напрасно (и меня это удивляет) обратились ко мне. Обратитесь к алхимикам. Их множество.

А Вам желаю всего лучшего, удачи и счастья в Вашем общем развитии. Допущения, что есть какие-то стези стихописательства, на которые вступают с отрочества,— представления, уродующие образ молодости, и только общее уродство современных понятий мешает это видеть.

Ваш Б. Пастернак

Ваши стихи передам Чуковским. Я ничего не храню у себя».

Возможно, в письме есть очень жесткие слова. Но это именно тот случай, когда, наверно, и нельзя по-другому. Зачем нужны средние «умелые» поэты? Хотя поэзия и ремесло отчасти («Ремесленник, я знаю ремесло» — М. Цветаева), но все-таки не такое, как изготовление башмаков: средние по качеству башмаки могут пригодиться многим (и таких-то у нас нехватка), средние стихи, «стихи вообще» — всерьез нико-

му. Словом, Пастернак предельно внимательно и доброжелательно отнесся к своему молодому корреспонденту — потому что предельно честен с ним.

Так же нелукав и откровенен был он и с другими почитателями-стихотворцами. Вот еще одно неопубликованное письмо Пастернака, сохраненное писателем Владимиром Приходько и присланное в редакцию с кратким комментарием:

«Это письмо было написано 18 февраля 1959 г., в самый тяжкий период жизни Б. Л. Пастернака, когда он «пропал, как зверь в загоне» за то, что «весь мир заставил плакать над красой земли моей». Вскорости в Москву прибывал премьер-министр Великобритании Макмиллан: встречу Пастернака с кем-либо из официальных англичан сочли «нежелательной», ему предложено было уехать; и он, не желая усугублять свое положение, решил воспользоваться приглашением Н. А. Табидзе в Тбилиси. В этот момент и получил поэт письмо из Львова (возможно, имеется в архиве Пастернака), посланное Олегом Гончаровым, 1937 (?) г. р., геологом по профессии и пылким стихолюбом, моим товарищем. «Близкая приятельница», противившаяся отъезду,— Ольга Ивинская. 20 февраля Пастернак улетел в Тбилиси.

Олег, о судьбе которого мне ничего не известно, подарил пастернаковское письмо мне: «У тебя не потеряется». Я счастлив, что письмо уцелело».

Оно перед вами:

«г. Львов. Ул. Чернышевского 25/15. Олегу Гончарову.

18 февраля 1959.

Спасибо, дорогой мой Олег Гончаров! Если бы Вы знали, как были сегодня впору, как кстати были Ваши любящие строки! Я не могу сказать, чтобы я никогда не слышал слов ободрения, ласки, признания. Но так запутано мое положение, столько перекрестных, сталкивающихся страданий вокруг меня! Мне надо, по посторонним причинам, против воли, временно уехать, и этого не хочет одна близкая моя приятельница, которая знает, как много она для меня составляет, и могла бы быть уверена во мне, но которую огорчает эта необходимость временного отъезда, и которая хотела бы отговорить меня от него.

И весь день мне тяжело на сердце, точно в ожидании казни или какой-нибудь потери. И вот подали мне Ваш конверт. Ну вот, думаю, прочту что-нибудь вроде «Иуды», или «продали Родину», или что-нибудь другое в духе этого казенного негодования.

И когда я стал читать Ваше письмо, весь день сдерживаемые слезы грусти и сожаления хлынули у меня градом, я зарыдал, читая Ваши золотые слова, полные доброты. Да воздаст Вам Бог счастьем за них. Я обнимаю Вас.

Ваш Б. Пастернак».

В этом письме удивительно прежде всего то, что оно вообще было написано. В столь тяжелый момент жизни (за год с небольшим до кончины), исключенный из Союза писателей (очевидно, и в Устав СП поэт не умещался) Пастернак имел полное право не найти времени и сил ответить даже на «любящие строки» неизвестного ему молодого человека.

Так что и этот стереотип «невнимательного к молодым метра» разрушается. Так же легко, как и все остальные. Стоит только непредвзято прочитать Пастернака. Видящими глазами.

И еще об одном хочется сказать в заключение: читая стихи Пастернака, не стоит бояться воздать ему «не по чину».

...Я в гроб сойду и в третий день
восстану,
И, как сплавляют по реке плоты,
Ко мне на суд, как баржи каравана,
Столетья поплывут из темноты.

■

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ ЭПОХИ ГЛАСНОСТИ

ИЗ ОПЫТА РЕДАКТОРА ОБЛАСТНОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ГАЗЕТЫ

Три с половиной года ломаю голову над вопросом: нужна молодежная газета нашему областному руководству или не нужна? Невеселый получается ответ.

Редактором газеты «Комсомолец Удмуртии» я стал в мае 86-го. Почему жребий пал именно на меня, когда в тиши неведомых кабинетов обсуждались возможные кандидатуры? Думаю, опытных товарищей-кадровиков подвели мои анкетные данные.

Но мой опыт лишний раз подтверждает, что человек с чистой анкетой может исподтишка страстно желать подпортить ее хоть какой-нибудь пустяковиной. Скажем, двумя партийными выговорами, один из которых — «строгач с занесением». Как тогда действовать тем, кто его сам же по бумагам и подбирал, сам и утверждал, и напутствовал?

В апреле 87-го, когда всем сознательным ижевчанам следовало наплевать, что они живут в городе имени маршала Устинова, «Комсомолец» чуть было не опубликовал десяток-другой писем несознательных граждан, которые с переименованием родного города были в корне не согласны. Пришлось по-отечески строго уговаривать руководство газеты снять отматрицированный уже материал. А вдруг народ выйдет на улицы? А если не отменят решение незабвенного Черненко?

Тем не менее уговорить не удалось.

Но выход был найден. Услужливый секретариат ОК ВЛКСМ, собравшийся в пожарном порядке, отклонил публикацию с формулировкой: «Считать нецелесообразной» (или «преждевременной» — точно уже не помню). Абсурдность этого бюрократического фразеологизма, равно как и наша правота, выявилась довольно скоро. Не прошло и трех месяцев, как вернулся на карту страны Ижевск, и никаких уличных столкновений не произошло.

Вот тогда и родилась у меня идея собирать материал для Фразеологического словаря эпохи гласности. И стал он пополняться почти ежеквартально. Уже в августе все того же 87-го сотрудник газеты Л. Роднов статьей «Только для избранных» настолько вывел из равновесия бюро обкома ВЛКСМ, что нам было предложено рассмотреть вопрос о «целесообразности его (то есть Л. Роднова.— *С. Г.*) использования» в газете. Так как ни я, ни кто-либо другой в редакции никогда никого «использовать» не собирался, то и вопрос о «целесообразности» (блеск, что за слово!) как-то сам собой отпал. Один из самых опытных журналистов «Комсомольца», Л. Роднов, продолжает трудиться, а его статью о привилегиях должностных лиц до сих пор вспоминают читатели на встречах с редакцией.

Итак, словарь быстро пополнялся.

Однажды на встрече с журналистами республики первый секретарь ОК КПСС П. С. Грищенко назвал работников нашей редакции «полусумасшедшими». Ну, это уж совсем грубо, подумалось мне. Это не годится для моего Фразеологического словаря. Оставалось извлечь урок, ибо обнаружился главный источник нервозной обстановки вокруг газеты.

Но и это были еще цветочки. Ягодки же мне довелось собирать осенью этого года.

На севере Удмуртии находится благословенный город Глазов, и там промышленность производит что-то такое, о чем история умалчивает. Совсем недавно газеты открыли в Глазове новое предприятие — Чепецкий механический завод, о котором раньше в печати ничего не было слышно. Как не принято было громко говорить и об экологической обстановке в этом забытом Госкомприродой и Совминном городе, между тем как рядовые граждане регулярно помнили о своем единении с природой: порой не нужно никаких точных приборов, достаточно вдохнуть поглубже и убедиться, что пахнет не пицундской сосной. Хотя приборы, конечно же, нужны. Без их беспристрастных показаний трудно понять, почему каждый четвертый глазовчанин умирает от рака, а каждый второй — от сердечно-сосудистых заболеваний. Даже заниженная статотчетность показывает, что суммарный годовой выброс в атмосферу г. Глазова загрязняющих веществ составляет 120 тысяч тонн, то есть по 1,2 тонны на каждого жителя. Это в два раза больше, чем в Ижевске, и вчетверо — чем в среднем по стране.

В этих условиях неизбежно должно было возникнуть общественное экологическое движение. И оно появилось. Глазовский «Экосоюз» объединил представителей всех слоев трудящихся города. При этом благородство целей и деятельность союза вызвали почему-то глухое раздражение некоторых официальных структур. Прежде всего горкома партии во главе с его тогдашним секретарем М. Козловым.

Редактор объединенной газеты «Красное знамя» А. Деньгин, которого М. Козлов всячески поддерживал до экологических публикаций, «вдруг» оказался не у дел. Подвергнутый резкой критике, он вынужден был уйти из газеты «по собственному желанию».

Лидеры «Экосоюза», чувствуя и свою вину за неожиданный поворот в судьбе редактора, вызвали его на откровенный разговор. Беседа имела продолжение: факты, сообщенные А. Деньгиным, его видение ситуации не могли остаться под спудом. Так появилось открытое письмо читателям нашей газеты, которое мы опубликовали под заголовком «Почему ушел редактор?» в подборке с другими материалами на тему экологии в Глазове.

Что тут началось!

А впрочем, что тут такое особенное началось? Ну, было два-три сердитых звонка из глазовских горкомов партии и комсомола, ну, создали парочку комиссий для «проверки сигнала» (одна из них — обкомовская), ну, организовали депутатский запрос на имя первого секретаря ОК КПСС, в котором публикацию назвали «очередной фальшивкой».

Запрос депутатов Верховного Совета УАССР из г. Глазова мы поставили в номер без комментариев. Редакция надеялась, что содержащиеся в нем призывы к наказанию и крайние формулировки самоценны и будут восприняты как надо. Депутаты писали: «...когда наконец прекратится травля, организованная группой членов Экологического союза, громко именующих себя общественностью города, через газету «Комсомолец Удмуртии» нашего товарища...— Козлова М. В.?» Просто диву даешься, из каких глубин общественного сознания всплывают подобные формулировки! И спрашиваешь себя: да могут ли отличить уважаемые депутаты организованную травлю от аргументированной критики? Причем критики не личности, а позиции, занятой М. Козловым по отношению к строительству нового предприятия — филиала опытного производства (ФОП) столичного НИИ. А вот как депутаты расправлялись со мной: «Мы считаем, что редактор газеты тов. Гулин перешагнул все ступени вседозволенности и безнаказанности, поливая грязью партийных и советских работников через газету, которую он редактирует».

Кстати, газету, естественно, заинтересовало, как родилась идея этого документа. Вязальщица, чья фамилия стояла в запросе первой, пояснила корреспонденту: «Вообще-то я не читаю и не выписываю «Комсомолец Удмуртии». Но тут ко мне подошел секретарь нашей партийной организации: «Видела?» Я прочла. Решила поговорить с другими депутатами... Мы объединились и написали запрос». Вот так.

Повторяю, редакция надеялась на адекватную реакцию со стороны обкома. И «реакция» последовала: бюро обкома КПСС отметило, что депутаты «справедливо поставили вопрос о необъективности статьи»...

Редколлегия «Комсомольца Удмуртии», печатая статью, преследовала одну цель: еще раз поставить вопросы экологии в Глазове, целесообразности строительства нового предприятия, необходимости общегородского референдума. От этих вопросов бюро ушло в сторону. Разговор фактически был сведен к разгрому работы «Комсомольца Удмуртии». А потом мнение членов бюро уместили в чеканные формулы официального сообщения. Приведу из него некоторые фразеологизмы, которые я сразу выписал себе для словаря: «оскорбительные намеки», «дезинформация читателей», «язвительно-оскорбительная манера», «справедливое возмущение многих трудящихся»... Продолжать или и так узнаваемо? Ну вот еще, последнее, из текста постановления: «безосновательное очернительство руководящих органов республики».

Бесспорно, и половины этих ярлыков лет пять назад хватило бы, чтобы разогнать всю редакцию и основательно наказать обком комсомола (часть эпитетов относится к нему). Но объясните мне, пожалуйста: что означает «безосновательное очернительство»? Неужели очернительство требует каких-то оснований?

Вот я и думаю: нужна ли молодежная газета обкому партии? Наша — нашему — явно кость в горле. Иначе хоть один из членов обкома поинтересовался бы у нас: неужели мы тут все такие? Очернители? А раз никто ничего не спросил о нашей позиции, не пытался защитить газету на пленуме, редколлегия приняла текст заявления, которое, к сожалению, не было опубликовано в партийной печати. Впрочем, мы особо и не надеялись: накануне П. Грищенко прямо мне заявил, что никто наше особое мнение печатать не будет. Тогда мы посчитали себя вправе поместить заявление в «Комсомольце Удмуртии». Цитирую:

«К сожалению, участились факты, когда критикуемые, минуя редакцию, апеллируют в обком КПСС... Видимо, эти обращения и приравниваются к «возмущению многих трудящихся республики». Официально заявляем, что ни в архиве редакции, ни в текущей почте нет писем, в которых бы трудящиеся протестовали против затрагиваемых редакцией тем... С тех пор как Гулин был назначен редактором газеты «Комсомолец Удмуртии», со стороны ОК КПСС не прекращается давление на редактора и коллектив газеты. На бюро ОК КПСС поднимался вопрос и о том, чтобы сменить полностью весь состав редакции... ОК КПСС совершенно игнорирует резолюцию VII пленума ОК ВЛКСМ «О газете «Комсомолец Удмуртии», принципах взаимодействия ОК ВЛКСМ и редакции». Поэтому решение бюро ОК КПСС мы рассматриваем как командно-административный и силовой метод воздействия на редактора и коллектив в целом».

Да, чуть было не забыл. Экспертиза Госкомприроды УАССР сочла недопустимым строительство ФОПа на территории г. Глазова. Бывший первый секретарь горкома партии М. Козлов избран на недавнем пленуме ОК КПСС секретарем обкома...

Сергей ГУЛИН

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ДИАГНОЗ

ТОТАЛИТАРИЗМ НЕ ТОЛЬКО ЖЕСТОК, НО И ТРУСЛИВ — В ЭТОМ ЕЩЕ РАЗ УБЕДИЛИ СОБЫТИЯ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ. НА ФОНЕ БУРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ, КОТОРАЯ ТАМ ПРОИСХОДИТ, КАК-ТО НЕ ХОЧЕТСЯ ВСПОМИНАТЬ, ЧТО АВТОРИТАРНЫЙ РЕЖИМ — НЕ ЧЕШСКОЕ, НЕ ВЕНГЕРСКОЕ, НЕ РУМЫНСКОЕ ИЗОБРЕТЕНИЕ. МЫ ПРИВЕТСТВУЕМ ЭТУ РЕВОЛЮЦИЮ ИСКРЕННЕ, НО С ТАКИМ ВИДОМ, СЛОВНО БЫ САМИ НЕ НАВЯЗЫВАЛИ СОСЕДЯМ ГОСУДАРСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО, ОСНОВАННОЕ НА НАСИЛИИ И РЕПРЕССИЯХ ПРОТИВ ИНАКОМЫСЛЯЩИХ. БУДТО ЭТО НЕ У НАС ВПЕРВЫЕ ПОЯВИЛСЯ ИЗОЩРЕННЫЙ АППАРАТ ПОДАВЛЕНИЯ. РАЗДУТЫЕ СВЕРХ ВСЯКОЙ МЕРЫ ШТАТЫ ОРГАНОВ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ ОБХОДЯТСЯ НАМ С КАЖДЫМ ГОДОМ ВСЕ ДОРОЖЕ. ПЕРЕМЕНЫ ОТ ЭТОГО НЕ ИДУТ БЫСТРЕЕ, ЛЮДИ НЕ СТАНОВЯТСЯ СЧАСТЛИВЕЕ. И ЧЕМ АКТИВНЕЕ РАЗВОРАЧИВАЕТСЯ БОРЬБА СИЛ ДЕМОКРАТИИ ЗА ВЛАСТЬ, ТЕМ СИЛЬНЕЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ АДМИНИСТРАТИВНО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ МАШИНЫ.

Анатолий ГОЛОВКОВ

«...нужна чистка террористическая: суд на месте и расстрел безоговорочно».

В. И. Ленин. Апрель 1921 г.

Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства.

Всеобщая Декларация прав человека. Ст. 1.

СКАНДАЛ В БЛАГОРОДНОМ СЕМЕЙСТВЕ

С чего же начать эту странную и несколько запутанную историю? Может быть, с писем, которые поступили в «Огонек» почти одновременно, от бывших офицеров госбезопасности? Процитирую одно из них:

«Дорогая редакция! Обратиться к вам меня вынуждает страх. Да, именно страх, но не за себя лично, а за наше общество, за простых советских людей, которые могут вновь испытать на себе произвол и беззаконие тридцатых годов... Я прослужил в органах всего пять лет, но за это время понял и убедился: в Ростовском УКГБ и выше процветают произвол, травля честных и принципиальных сотрудников, расправа за критику, злоупотребления руководства и откровенные фальсификации... Всех, кто вскрывал недостатки в нашем отделе, подвергли преследованиям и уволили из КГБ. Я был вынужден прибегнуть к крайней мере протеста, голодовке, против откровенного произвола и шантажа, организованного в отношении меня...»

Эти строки подписал А. Нестеров. Подобные же мотивы — в двух других письмах бывших офицеров госбезопасности, изгнанных из Ростовского УКГБ,— М. П. Швецова, В. В. Клименко.

Здание управления госбезопасности по Ростовской области располагается на улице Энгельса, 31. Вполне тихий дом. Трудящиеся Ростова привыкли: ловят себе шпионов и пусть ловят — у «чекистов Дона» тоже холодная голова, чистые руки и горячее сердце.

Ростовское УКГБ всегда предпочитало помалкивать о происходящем внутри своего «департамента» — такова традиция. Однако же скандал, разразившийся на Энгельса, 31, был столь оглушителен, что вышел из-под оков секретности, поползли слухи... А дело было так.

17 ноября 1985 года по приговору военного трибунала Северо-Кавказского военного округа был расстрелян Александр Хвостиков. В отличие от других офицеров 5-го отдела Хвостиков специализировался по весьма щепетильному делу: он выискивал «враждебно настроенный элемент» в религиозной среде. Внимательно слушал проповеди. В общем-то начальство вполне устроило, если б эти проповеди велись в духе научного коммунизма. Но у Евангелия, к досаде правоохранительных органов, серьезные разногласия с трудами классиков марксизма. Да и написаны эти книги, по правде говоря, в разное время.

Многолетнее пребывание в православных храмах не оказало на офицера госбезопасности положительного влияния, он не стал добрее и даже честнее.

«Хвостиков, — говорится в частном определении судебного заседания,— **...проводя контрразведывательную работу по линии Русской православной церкви, неоднократно, путем вымогательства, получал взятки от священнослужителей и церковников Ростовской епархии за выполнение различного рода действий в интересах взяткодателей. Всего за указанные годы Хвостиков получил взятку на общую сумму 142 тысячи рублей».**

К чему же, спрашивается, понадобились такие деньжищи? Машины были, дачи не выстроил. Жена покойного в объяснении написала, что взятки домой не попадали, но «Саша периодически закупал дефицитные продукты питания и говорил, что они предназначены для его руководства».

В деяниях своих обвиняемый признался следствию полностью, и возможно потому, что, как утверждают некоторые очевидцы, до последнего дня

Хвостикову обещали сохранить жизнь. Даже после вынесения приговора заявил: «Все равно один к стенке не встану, придется пригласить двух-трех руководителей».

Никто уже не узнает, что думал чекист-взяточник в ожидании казни о своих бывших коллегах и начальниках. Утешал ли себя злорадно, что следы неизбежно потянутся к некоторым сослуживцам, принимавшим от него дорогостоящие подарки?

Руководство КГБ Союза ССР было отлично осведомлено обо всем, что делается на «дочерних предприятиях», ибо информация и есть одна из целей, ради которой трудятся не покладая рук тысячи бойцов невидимого фронта. Разумеется, оно, руководство, не могло не отреагировать на ЧП с Хвостиковым, хотя и не слишком спешило. Ибо в Ростовском управлении и без этой истории творилось, признаться, черт знает что...

То деньги перерасходуют, то бензин налево толкнут, то целый год продержат в своем следственном изоляторе советских граждан, а граждане, оказывается, не виноваты вовсе, и дело против них сфабриковано; то импортной аппаратурой начинают спекулировать... Но это еще ничего, это цветочки. А вот когда из кабинета следователя, где он только что беседовал с гражданином буржуазного государства, исчезают кое-какие документы или когда в здание проникает неизвестный, вскрывает сейф, в котором хранятся наблюдательные дела всех отделов управления... Это уж извините! Это чересчур!

Отреагировали. Начальника управления генерала Хлесткова спровадили на пенсию. Одного зама услали в Волгоград, другого полковника — еще дальше. Логично? Не очень. Не стоило бы в столь противоречивое время разбазаривать «золотой фонд», как называют в КГБ бывших партийных работников, их талант мог бы и в Ростове-на-Дону пригодиться.

В общем, разобрались. Но до этого, как позже выяснилось, допустили прокол. Уволили в запас десяток офицеров — с виду как бы под горячую руку,— которые верой и правдой служили Комитету, боготворили Комитет, были готовы шагать за Комитет в огонь и в воду, разбиться в доску ради Дела. А «золотофондцев» пригрели. Просто возмутительно.

Некоторые офицеры, узнав об увольнении, восприняли новость хотя и не без удивления, но спокойно: впереди светилась пенсия. Да и изрядно надоела уже беспокойная служба, где, как говаривают ростовские чекисты, «словно на корабле в шторм: тошнит, а плыть надо». Однако другие были немало озадачены — вроде и возраст еще не подошел, и столько замечательных разработок можно было бы провести в интересах Дела. Начальники в Ростове и в Москве явно «осуществляли непонятные кадровые перемещения вне логики и интересов контрразведки». И произошло то, что, наверное, не знало прецедента за всю славную историю органов: отлученные от любимой работы, «бывшие» объединились для борьбы с «мафией в чекистской среде».

Прошедшие суровую школу кастовой борьбы за выживание, они не дают спокойного житья Ростовскому управлению и КГБ СССР. Да, решительно не видно выхода из положения. Потому что если выполнить требование жалобщиков, расследовать до конца хотя бы один указываемый ими факт, потянуть всего за одну ниточку... Да и без этого хватает работы Комитету, времена в державе настали сложные, суровые времена, тут уж не до внутренних распрей.

ЭФФЕКТ БУЛЬДОЗЕРА

Он пришел в редакцию и сказал, понаблюдав за суетой: «Понимаю, вам, наверное, надоели посетители. Но меня-то вам будет послушать интересно». Выглянул за окно, покосился на телефон, бесшумно прикрыл двери и представился: «Швецов Михаил Павлович, бывший капитан госбезопасности».

И в самом деле интересно.

Михаил Павлович, в те годы просто Миша, учился заочно в Московском институте связи, когда ему на сессии попались в руки листовки. Листовки были направлены явно на подрыв государственного строя, в них говорилось, что стране нужна многопартийная структура. И Миша по-честному передал их в милицию. Вспомнили о нем через год, предложили перейти на службу в органы. Служил он на периферии, в Ростовской области, три года — в аппарате управления, затем Швецова арестовала милиция, якобы за «незаконное ношение и хранение оружия». Заочно его исключили из партии, три с половиной месяца продержали под арестом, потом освободили. А в начале 1990 года дело и вовсе закрыли. Ну как тут не обидеться на козни бывших сослуживцев? Начал Михаил Павлович трепать нервы начальникам КГБ, а Комитет, в свою очередь, за ним, Нестеровым и Клименко приставил постоянное негласное наблюдение.

Просто какая-то некрасивая история.

— За вами и сейчас продолжают следить? — спросил я его, ловя себя на том, что вопросик-то наивный.

— А как же! — сказал Швецов.— Наблюдают.

Я вежливо помолчал.

— Вы, видно, совсем ничего не знаете о том, как строится чекистская работа,— поддержал разговор Михаил Павлович.

Я и на самом деле почувствовал неловкость и чуть было не пустился извиняться перед Швецовым за крайнюю необразованность в области слежки. Но думаю, что большинство читателей «Огонька» тоже мало что смыслит в этом деле.

Откуда нам с вами знать, что, как поведал в приватной беседе Михаил Павлович, страна наша в бытность его службы в Ростовском управлении имела весьма хитроумную и разветвленную сеть «информаторов» — от офицеров в штатском, занимающих посты в больших и малых учреждениях, до разного рода внештатных сотрудников, доверенных лиц, наконец, платных и бесплатных агентов, работающих на органы госбезопасности?

И все это ради того, чтобы члены брежневско-сусловского Политбюро совершенно точно знали, о чем думали мы в эти тяжкие годы, что читали, с кем дружили, какие такие песенки пели, что за виды имели на враждебное капиталистическое окружение и не было ли у нас намерения «предать Родину», чтобы остаться там навеки. У всех была работа. Чтобы сотрудники КГБ могли завербовать побольше осведомителей, осведомители — «эффективно» подслушивать, подсматривать, заводить под рюмочку провокационные разговоры, трудящиеся — бояться стукачей и, помалкивая, строить светлое здание коммунизма. А коррумпированный паноптикум мог бы точно знать, что мудро руководимый им народ («новая историческая общность») вполне доволен и даже не очень сердится, если чуточку завышают цены на водку.

Так неторопливо текла эта замечательная жизнь на протяжении двух десятилетий, и многие были чрезвычайно довольны друг другом. По крайней мере никому и в голову не приходило в полусотне метров от Кремля собирать многотысячный митинг. Никто не порывался бастовать, объявлять голодовки, выпускать свои газеты и журналы с карикатурами на вождей.

Разговорились мы с Михаилом Павловичем о вербовке осведомителей, и пришлось выслушать горькие его слова о том, сколь трудная и неблагодарная эта работа.

— Внушить человеку романтические представления о наших органах было нетрудно,— говорил Швецов.— Но что получалось... Ему талдычишь о врагах, он ждет выхода на противника, а тут начинается: «Возьми сведения на Иванова, Петрова...» А Петров, допустим, его старый школьный друг... Или только-только наладишь, бывало, агентуру в каком-нибудь институте, парни начинают работать, ничего не зная друг о друге. А тут один шустрый возьми да вычисли остальных, да организуй самодеятельную резидентуру. Его управление отшивает, потому что налицо факт групповой расшифровки, а он напирает, требует, в Москву пишет: почему, мол, от меня отказываетесь, я же со всей душой... Так что вербовочный процесс — это и борьба мотивов внутри личности, и ломка стереотипов...

— ...от постыдного «стучать» до романтического «выполнять патриотический долг»?

— Именно! Новичок всегда колеблется. Но когда его обкатывают на сборе компромата, он уже связан и выполнением поручений, и подпиской. Впрочем, мало кто знал, что подписка ни к чему не обязывала, юридически она недействительна. Людей старались привлечь к сотрудничеству на идейной основе, некоторым, чаще всего из враждебно-негативной среды, платили.

— И сколько же завербованных, на ваш взгляд, было в Ростове? — полюбопытствовал я.

— Огромное число. Еще в тридцатых годах было перевербовано полстраны, уже даже расстреливать начали... Правда, старые осведомители, те, кто выжил, исключаются с учета по возрасту. Знал я одного такого агента. Звали его как-то вроде «Кормелюк». Воевал на стороне украинского повстанческого движения, занимал крупный чин, казнил коммунистов. Потом попался на очередной операции, захватили его. Предложили: или к стенке, или работай на нас. Сначала дали ему вооруженный отряд, и его же руками начали уничтожать повстанцев. Он лично отправил на тот свет более трехсот человек.

— Откуда такие подробности?

— Ну, на каждого личное дело есть...

Так мы беседовали с Михаилом Павловичем, а за окнами редакции, над будущим правовым государством шел девственный снег.

ШАГ ВЛЕВО, ШАГ ВПРАВО...

Почему снятся сны о том, чего с тобою не было, земляк мой и брат? Откуда (ведь знакомая же!) тяжесть на душе, что-то вроде легкой депрессии, когда видишь некоторые лица на городском бульваре? Вот они греются на солнышке, рядом, на одной скамье, и молчат... Старый большевик, стрелявший в восемнадцатом по «гнилой интеллигенции», а потом прошедший сталинские лагеря, смотрит исподлобья на памятник Грибоедову, массирует сердце; его жена, вынужденная до «оттепели» скрывать инородство; бывший вертухай, от которого по сей день разит псиной и барачной плесенью; старик, задремавший над газетой, ностальгически вспоминающий воинственные марши, веселящий душу размах кумача, молодость, похожую на электрические контуры иллюминации с привкусом пороха и крови...

В каких архивах искать теперь первопричины жестокой подозрительности, оболванивания народа на протяжении семи десятков лет?.. Чем дальше перестройка, чем шире борьба за новую власть, которая должна будет вроде бы избавить нас от скепсиса и пустеющих прилавков, тем упорнее молчание обладателей «секретных сундуков». Может, в них — самая главная тайна, та, которую гайдаровский Мальчиш-Кибальчиш не выдал проклятому Буржуину? Что там партийные вожди! Мы сами шли ко всему этому, разрушив храмы, оболгав историю, извратив нормальные человеческие отношения до такой патологии, до такого уродства, что неизвестно, когда теперь от этого сумеем избавиться.

Швецов положил передо мною пухлую стопку документов, многие из которых никогда не приходилось видеть раньше. Чтение отняло много часов. Можно было бы порадоваться профессиональной удаче — ведь не часто в руки журналиста попадает такое. И я поначалу вооружился фломастером, намереваясь широко процитировать избранные места из донесений, рапортов, переписки с Лубянкой, где взаимные упреки наслаиваются друг на друга.

Увлекательное чтиво! Куда там «совершенно секретным» кооперативным изданиям! Из казенных строчек сквозило не придуманное — реальное сожаление об упущенной расправе над таким-то, обливался несусветной грязью такой-то, увильнувший от наказания и повышенный в звании. Торчали уши давней обиды на таких-то, поблескивали кровавые лужи несостоявшейся мести такому-то. И тоска по бывшей имперской мощи, когда «все эти демократы попрыгали бы», звучала так явственно, что не требовалось никаких объяснений.

«Когда мы были молоды, как теперь говорят, даже в худшие времена, для нас оставалась святыней мораль Дзержинского».

...Недавний автор «Огонька», полковник КГБ в отставке Карпович, напугавший чекистскую среду своей исповедью «Стыдно молчать», кажется невинным рождественским дедушкой по сравнению с бывшими начальниками Управления КГБ по Ростовской области.

И вдруг стало ясно, настолько ясно, что полегчало на душе: склока внутри самого закрытого ведомства СССР мало кому интересна! Сама по себе она, увы, не имеет значения, как бы ни сердились на меня за такие слова бывшие офицеры госбезопасности М. Швецов, А. Нестеров, В. Клименко. Не претендую на оценку праведности их гнева в отношении бывшего начальства, но между причиной и следствием забрезжил разрыв совсем иного порядка, чем просто служебный конфликт. И вправду подумать: повесть о том, как, допустим, майор КГБ Иван Иванович поссорился с полковником КГБ Иваном Никифоровичем, выглядит сегодня дико, нелепо, даже кощунственно по сравнению с результатами совместного их труда времен «безупречной службы».

Какие подробности о деятельности Ростовского управления госбезопасности вам больше по нутру, читатель? Может быть, вас позабавит историйка о том, как в одном из верхнедонских районов засекли «подпольную типографию», нашумели об этом на всю область, а потом оказалось, что на пленке записан теленок, жующий сено в стойле и постукивающий при этом копытцами?.. А может, вас больше заинтересуют традиции взаимной дезинформации между УКГБ и обкомом партии?.. Или вам нужен отчет о том, как вдруг в конце 70-х — начале 80-х годов более чем вдвое увеличили штаты сотрудников Ростовского УКГБ, и это в области, где с пятидесятых годов не было ни одного разоблачения агентуры противника?.. Или техника зажима партийной критики с помощью КГБ?

Впрочем, об этом пусть лучше сам Михаил Павлович расскажет:

— Если появлялось подозрение, что коммунист, допустим, желает выступить с критикой на областной партконференции, за ним сразу же начинали следить: с кем дружит, с кем выпивает, имеет ли внебрачные связи, был ли ранее кто-то судим в его семье... А судимые всегда найдутся — не послевоенных, так тридцатых годов... Можно было также выслать правдоискателя в командировку: откажется — начнутся неприятности по службе. Или срочно отправить на военные сборы... Провокацию устроить с помощью милиции да упрятать суток на пятнадцать... В общем, мы могли еще в недавнее время с нуля спровоцировать любую ситуацию, сфабриковать дело...

— Существуют ли,— спросил я его,—

в среде офицеров госбезопасности опасения, что когда-нибудь им придется отвечать за неконституционные методы работы, за нарушение закона?

— У думающей части чекистов такие опасения есть. Но органы тщательно подбирают сотрудников. Зачитывали нам приказы Комитета: «Партия... под руководством партии...» Однако КГБ являло собой весьма обособленную секту и очень болезненно воспринимало покушения на свои права. А чем мы, по существу, занимались? Создавали видимость «глубинной» работы мелочной информацией с мест? Ростовское управление занималось уничтожением материалов по профилактике советских граждан, по отказам в выезде за рубеж. Через профилактику ранее прошло очень много диссидентов. Практически фабриковались дела «против негативно-враждебного элемента». Конечно, такие материалы лучше заблаговременно уничтожить: времена-то переменились!

— И все то, о чем вы рассказываете, не является служебной тайной?

— Тайной? Никаких секретов я не разглашаю, иначе снова арестовали бы. А так просто пасут... А в чем секрет? Разве, например, общественность не догадывается, что, когда Андрея Дмитриевича Сахарова выслали в Горький, Ростовское УКГБ — и не только Ростовское! — обязали организовать письма в Президиум Верховного Совета СССР с одобрением этой акции «от имени народа»?.. Или впервые слышит о насаждавшемся тотальном доносительстве?.. О преследовании инакомыслящих?.. Боюсь, что все это не только в прошлом. Иначе кто, по-вашему, обеспечивал «бурные аплодисменты» на митинге, организованном Ленинградским обкомом партии в минувшем декабре?..

Слушая Швецова, я вспоминал недавние телерепортажи из ГДР, где после свержения режима Хонеккера молодежь с каким-то сладострастием громила здание госбезопасности в Восточном Берлине, жгла бумаги... Не случайно ли теперь и у нас норовят замести следы былых преступлений? Убежден, что нужно возвысить голос разума против этого. Архивы должны быть сохранены не только для историков — для всех нас, как один из главных уроков на будущее. Потомки наши обязаны знать, каким бывает общество под гнетом страха и подозрительности...

— И все-таки не вызвано ли ваше противостояние Ростовскому управлению неким продолжением аппаратных игр? — спросил я Михаила Павловича.

— По правилам аппаратной игры я после увольнения должен бы успокоиться, лечь на дно, пойти на уступки. Два года они наблюдали, как я копаю все глубже. Потом вызвали, предложили вакансию в системе МВД. Сказали, что разница в окладах всего червонец. Но пусть, дескать, меня это не волнует, скоро повысят... Если б я купился, пришлось бы снова работать на КГБ. Тогда уже не дернешься. Позовут, покажут кое-что из твоего досье, напомнят: «Ты — нас, мы — тебя. Подумай!»

...Куда ж теперь идти бывшим офицерам госбезопасности и оправдает ли цель средства? Швецов устал. «Родное управление» травило его классически. Он еще служил, когда завербовали жену, заставляли доносить на мужа «в интересах семьи». И она доносила. Ей говорили: «Зная связи Михаила Павловича, нам с вами еще не поздно наставить его на правильный путь...»

«Девчонка она,— защищал жену Швецов, когда зашла об этом речь.— Жизненного опыта никакого, в комсомоле пообтерлась, прошла некоторую аппаратную закалку... Развелись мы с ней». «Не хочу об этом больше говорить»,— сказал он напоследок. И отвернулся.

Документы

Из запроса народного депутата СССР В. Н. Зубкова члену Политбюро ЦК КПСС, председателю КГБ СССР В. А. Крючкову:

...Моя депутатская проверка, включающая беседы с незаинтересованными чекистами УКГБ и иными лицами, подтверждает правдивость заявительских материалов и требует, на мой взгляд, самой тщательной проверки и изучения под Вашим непосредственным контролем. Просил бы Вас лично принять и выслушать бывших сотрудников УКГБ по Ростовской области В. Клименко, А. Нестерова, М. Швецова, располагающих, как я считаю, заслуживающей Вашего внимания информацией...

КГБ СССР. Управление кадров. Т. Швецову М. П. № 14/2/3 — 1542

Михаил Павлович! Ваше заявление на имя народного депутата СССР тов. Зубкова В. Н. рассмотрено Комитетом госбезопасности СССР. В представленных вами материалах излагаются факты, которые в УКГБ по Ростовской области имели место в прошлом, и они проверялись. По ним принимались необходимые меры. По всем затронутым вами вопросам, в том числе и об обоснованности увольнения из органов КГБ, вам неоднократно давались подробные разъяснения в УКГБ, КГБ СССР, ЦК КПСС. В этой связи прием у руководства КГБ СССР признан нецелесообразным.

Заместитель начальника Управления А. Бондарев.
3 ноября 1989 г.

ЩИТ НА СТРАЖЕ МЕЧА?

Что же такое госбезопасность сегодня? Мы не сумеем ответить на этот вопрос, выделяя КГБ обособленно. И хотя органы называют иногда «государством в государстве», это все же звено Системы. Один из китов, на которых успешно держался брежневско-сусловский социализм. И не надо думать, что любители силовых игр добровольно выкинут белый флаг. Тем не менее для консервативных сил КПСС, охраняемых органами, наступает решительный час.

«Консервативный» в классическом понимании слова не означает «бездарный», однако власть номенклатуры с ее мощным аппаратом подавления зиждется на воинствующей посредственности. Кстати, думаю, многие не совсем верно считают, что перестройка — это борьба «радикалов» с «консерваторами». Иная дилемма. Либо верх одержит привилегированная серость, для которой «зрелый социализм» — единственное приемлемое условие существования (в какой еще стране мира руководителя, развалившего одно дело, выдвинули бы возглавить другое?), либо победят силы разума, гуманизма. Только эти силы в состоянии высвободить энергию таланта людей, которые смогут возродить страну.

При этих мыслях в аппаратной среде начинаются судороги.

Но что поделаешь? Даже злополучная 6-я статья Конституции СССР бумерангом возвращается и наносит удары по тем, кого призвана охранять. Чьи идеалы и неприкосновенность она декларирует. Вот они выходят на площадь к бушующей толпе перед обкомом в Тюмени, Свердловске, Чернигове, Волгограде... Приходится, время потребовало. Но иных аргументов, кроме заученных со студенческой скамьи цитат из Маркса и Ленина, они не могут предложить народу, который только что видел, как деликатесы посыпались из раскрытого багажника черной «Волги». И подают в отставку сами (теперь можно, теперь модно!), но в страхе и отчаянии, под напором общественного мнения, которое уже необязательно выражают одни коммунисты.

Политический кризис нарастает изо дня в день. Грозный его признак — колебания, нерешительность политического руководства, которому все труднее придерживаться «золотой середины» между пестрыми отрядами демократии и силами бюрократии. Между теми, кто фанатично пытается соединить коммунистические идеалы с капиталистическим рынком, и теми, кто уже не словом, а действиями вынуждает центр на ходу корректировать вчерашние намерения. Между республиками, которые борются за национальную независимость, и великодержавными настроениями известных кругов.

И на все это, подбоченясь, взирает КГБ.

Комитет госбезопасности вообще молчаливое учреждение. Таким ему, очевидно, приходится быть в силу специфики.

Думаю, любой новичок-лейтенант понимает: если окончательно рухнет тоталитарный строй, как это случилось, скажем, в ГДР, в могучих зданиях придется потесниться, а то и вовсе отдать часть их в распоряжение общества «Мемориал». А пока мало что просачивается из-под плотных ворот, кроме известных интервью, бесспорно интересного, умеющего быстро и живо отвечать на вопросы нынешнего руководителя КГБ В. А. Крючкова. Но как далеко за пределы председательского кабинета ушло обновление? Как узнать об этом? «Просочились», например, кое-какие сведения от генерал-лейтенанта Куркова, начальника УКГБ по Ленинградской области, который пришел на телевидение, чтоб ответить на некоторые неприятные вопросы ленинградцев. И что же мы услышали? О травле бывших диссидентов ленинградские чекисты сожалеют, но, однако, действовали они по существовавшим в ту пору законам... Концепцию своего руководителя Гидаспова генерал-лейтенант поддерживает как истинно партийную, и если его подчиненные вздумают выйти из КПСС, то он сам подаст в отставку... А что касается подслушивания телефонов, то уж это, извините, «только с санкции прокурора»!

Не означают ли столь разные сведения из чекистских сред Ростова и Ленинграда, что перестройка в КГБ уже началась?

Молчание КГБ объяснимо, поскольку органам есть что скрывать. Например, в недрах Лубянки сосредоточены сведения не только из области «белых пятен» отечественной истории, над которыми когда-нибудь еще содрогнется народ. Там хранятся тысячи досье. Разработаны и успешно применялись методы тотальной слежки за «лицами, вызывающими подозрение». В Ленинградском УКГБ, твердо заявил генерал, никаких досье нет. А в Ростовском, сказал бывший капитан, есть... Так есть или нет?

В стране остается пока еще немало желающих охранять устои, привычный монолит административно-командной пирамиды. Структуру, где каждый обязан знать свой шесток, свою клеточку, ячейку в улье. Беречь догмы «стройного учения», в котором ясно сказано, кто мы, откуда и куда идем. КГБ — могучая часть этой структуры, цементирующая сам остов.

Комитет выжидает, поскольку еще неизвестно, в какую сторону полетят обломки и кого накроют. И кому при этом пригодится информация — радикалам, либералам или какому-нибудь суровому генералу, который черпает идеи из журнальчиков вроде «Молодой гвардии»?

Органы сегодня охотно берут на себя функции милиции, прокуратуры, занимаются валютчиками, рэкетирами и проститутками. И правильно, что же зря простаивать, что ждать, пока страну окончательно захлестнет преступность! Говорю об этом без тени иронии: если в КГБ находятся силы, способные бороться с терроризмом, наркотиками,— спасибо им за это! И, возможно, пора бы слить соответствующие управления КГБ со службами МВД. Но все-таки как насчет того, чтобы надежно охранять нас, простых смертных? Ведь безопасность в нормальном демократическом контексте — широкое понятие.

Мы все видим, верим, что органы госбезопасности негласно или открыто стараются все честнее делать свое дело. И все-таки какая безопасность, если в стране льется кровь, а виновные разгуливают на свободе? Если расисты спокойно выходят на Красную площадь, проникают (не сквозь стены же!) в Дом литераторов, оскорбляя писателей, открыто назначают даты еврейских и прочих погромов? Что конкретно предпринял КГБ Азербайджана (учреждение с традициями, которые ему любовно привил ветеран-чекист Гейдар Алиевич Алиев) в дни, когда шли армянские погромы? Или мы еще не вправе задавать подобные вопросы?

Мы уже как-то привыкли, что вы всегда рядом с нами. До того «всегда» и до такой степени «рядом», что иногда кажется, что в ы — это есть м ы. Мы — общество обманутых утопическими доктринами людей, часть которых превращена вами в доносчиков. Мы — сохраняющие привычку оглядываться, даже когда в этом нет надобности. Мы — вяло соглашающиеся с очередной спасающей вас, а не нас программой, законопроектом, которые, очевидно, кроме бедствий, ничего обозримым поколениям не принесут. И отбросят нас назад так далеко, что бывшая «сверхдержава» вынуждена будет превратиться в сырьевую колонию...

Разумеется, в цивилизованном обществе, к коему мы усердно стремимся, трудно обойтись без органов безопасности. В конце концов любое государство обязано защищать свой народ от посягательств извне и внутри. Но только (и именно!) народ, а не кучку привилегированных бюрократов! Мы, наверное, не готовы пока распахнуть границы. Не можем еще на уровне «добровольных народных дружин» противостоять иностранным разведкам. Не в состоянии поручать директорам заводов, учреждений следить за утечкой секретов — новых технологий, изобретений, открытий. И то, и другое, и третье — сфера профессионалов.

Стало быть, органы безопасности нужны. Однако в той мере, в какой в них нуждается общество. Это тоталитарному строю требуются органы замочных скважин, тайных обысков, пыток, подслушиваний, провокаций... Так можем ли мы допустить в своей стране, чтобы органы безопасности оставались органами опасности?

Можем ли мы спокойно смотреть, как некоторые власти предержащие пытаются сохранить КГБ в прежнем виде, вместо того чтобы привести его в соответствие с демократическими нормами...

В Комитете госбезопасности служат обычные люди, не инопланетяне. Многих из них я встречал в Ереване, Тбилиси, Фергане, Степанакерте... Мы ели один хлеб, не спали ночами, прислушиваясь к глухим выстрелам,— офицеры внутренних войск, КГБ, МВД, фоторепортеры, следователи, журналисты. В сущности, мы делали одно дело, добиваясь, чтобы в дома людей пришел мир. И вот теперь думаю: что же так мешает нам понять друг друга, если речь заходит не о «горячих точках», куда всех нас собирает беда, а о судьбе Отчизны, будущее которой видится нам по-разному?

Второй Съезд народных депутатов показал, что, например, в Вооруженных Силах есть люди, имеющие точку зрения, отличную от позиции генералитета. «Ростовская оппозиция» убеждает, что и в среде сотрудников госбезопасности существуют силы, не только не разделяющие прежний стиль и методы своего руководства, но и противостоящие ему. Поговорите откровенно с такими офицерами, и выяснится, что они тоже не против будущего процветания страны, которая великими страданиями заслужила благополучие. Союза суверенных народов, избавленных от страха и подозрительности, где государственная безопасность стала бы наконец гарантией личной свободы и справедливости.

К нам в редакцию приехали Мстислав Ростропович и Галина Вишневская. Они закупили для фонда «ОГОНЕК» — АнтиСПИД» один миллион одноразовых шприцев и передали эти шприцы нашему журналу, а мы — в Семипалатинский детский центр восстановительного лечения Казахстана. Доставить грузы помог Арманд Хаммер, также побывавший у нас. Поражала даже не щедрость дарителей: талантливые люди всегда щедры, а та естественность, с которой они совершили свой поступок. Арманд Хаммер часто гостил в Москве, он давно в чести у нас, и поступок американского бизнесмена еще раз подчеркнул его последовательное дружелюбие. Но Ростропович и Вишневская приехали в Москву сквозь годы изгнания после того, как им недавно возвратили советское гражданство. Великие люди, великие музыканты, они приподнялись над всеми обидами, преподав прекрасный урок патриотизма и достоинства.

В петлице у Хаммера была ленточка советского ордена Дружбы народов, и, ничуть не сомневаясь в ее заслуженности, каждый думал о том, что бесспорными кавалерами этого ордена являются и никогда не награждавшиеся им Ростропович и Вишневская. Сколько они сделали, пропагандируя отечественную музыку, родную культуру! «Мы никогда не отделялись от Родины,— говорили репортерам Вишневская и Ростропович.— Мы здешние, мы рады приезду, мы отсюда...». Репортеров было много — главные телекомпании мира показали репортаж о событии в тот же вечер, рассказали о патриотическом поступке замечательных музыкантов.

Фото Льва ШЕРСТЕННИКОВА

ДОМА ПОЛИТПРОСА — НАРОДУ!

Сегодня людям не хватает многого. Но больше всего — доверия к власти. Из своей истории мы знаем: когда люди не видят в государстве арбитра, разрешающего социальные конфликты, арбитром становится оружие, и позже приходит горькое сожаление об упущенных возможностях...

Во всех крупных городах — Харькове, Минске, Ленинграде, Москве — существуют многочисленные административные здания: общественно-политические центры, дома политпроса, причем на содержание каждого из них партии приходится тратить сотни тысяч рублей из своего бюджета.

Думаем, что проявлением доброй воли могло бы стать решение о передаче половины административных зданий КПСС на нужды здравоохранения, образования, культуры, а также в распоряжение некоторых неформальных организаций.

Считаем, что это следовало бы сделать безвозмездно и сразу после выборов.

Политическая культура могла быть выше, если бы горкомы КПСС взялись проводить открытые конкурсы гражданских инициатив передачи помещений неформальным организациям и группам.

«Неформалы» будут обязаны защитить свои проекты, партийные органы — бесплатно предоставить рабочие помещения городского общественно-политического центра. Это заметно стимулировало бы развитие общественной мысли, направленной на повышение эффективности органов власти, а не на борьбу за власть как таковую; значительно повысило бы ответственность у многих участников политической жизни — как среди «неформалов», так и среди партийных работников.

Мы надеемся, что МГК КПСС использует возможности, чтобы Москва получила уже этим летом помещения для больниц, библиотек, неправительственных исследовательских и учебных центров. Чтобы, скажем, у входа в громадное восьмиэтажное здание на Трубной площади рядом с табличкой «Общественно-политический центр МГК и МК КПСС» появилось еще много разных, пусть не таких крупных, вывесок неформальных организаций и групп.

Н. ГОНЧАР, председатель исполкома Бауманского райсовета г. Москвы, член Бауманского РК КПСС, кандидат в депутаты Моссовета

В. ТИХОМИРОВ, секретарь парткома ЦНИИчермета имени И. П. Бардина, член Бауманского РК КПСС

И. ЧУБАЙС, член координационного совета Демократической платформы в КПСС, кандидат в депутаты Моссовета

Л. ПОНОМАРЕВ, член координационного Совета Московского объединения избирателей (МОП), кандидат в народные депутаты РСФСР, беспартийный

Ю. САМОДУРОВ, заведующий территориальной хозрасчетной лабораторией социальной защиты населения, беспартийный

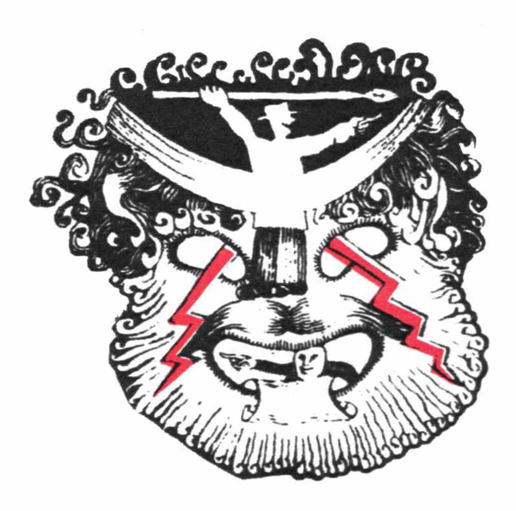
ПРЕМИЯ — ВПЕРВЫЕ

Мы уже сообщали, что американская фирма КОМПЬЮТРЭЙД ИНТЕРНЭШНЛ, ЛТД учредила ежемесячную премию за лучшую огоньковскую публикацию месяца в размере 500 рублей.

Первую, декабрьскую 1989 года, премию коллектив редакции, учитывая мнение тысяч читателей, приветствующих акцию «ОГОНЕК» — АнтиСПИД», перевел на счет этой акции — № 700645 в операционном управлении Жилсоцбанка СССР.

Январская премия 1990 года присуждена за публикацию «Житие Евфросинии Керсновской» (№№ 3, 4).

Мы поздравляем Евфросинию Антоновну Керсновскую и нашего коллегу Владимира Вигилянского, представившего читателям ее сочинение.

Владимир НИКОЛЕНКО
(Ленинград)

РАССКАЗЫ

ПОВЕСТКА

В повестке было написано: «Вам надлежит явиться двадцать седьмого в девятнадцать ноль-ноль по адресу: Коломенская, 18, на расстрел. Иметь при себе суточный паек, личные вещи и документы».

Юрик прочитал повестку вслух семье вечером, когда все собрались.

— Что будем делать? — спросил папа.

— Ну его на фиг, придурка,— сказала бабушка.— Сколько раз ему говорила: «Не лезь, сама открою». Вот и доигрался.

— А ты на повестке расписался? — спросил папа.

— Ага,— кивнул Юрик.

— Раз расписался, надо идти,— сказал дедушка.

— А может, не надо? — спросила мама.

— Как это не надо,— запыхтел дедушка.— Если он не придет, знаешь, что может быть? Может быть страшное дело. Штраф могут дать. Тысячу рублей!

— Доигрался, придурок,— сказала бабушка.

— Тысячу мы могли бы,— сказала мама.

— Да,— сказал папа.— Две — нет. А тысячу могли бы. Даже полторы.

— Да вы что? — заволновался дедушка.— Вы думаете, что вы говорите?! Он не придет, другой не придет, кого же они расстреливать будут? Нет. Каждый свой священный долг должен выполнять сам!

— Конечно, раз он сам такой придурок, пускай сам и идет,— сказала бабушка.

— А зачем им суточный паек? — спросила мама.

— А вдруг сразу не расстреляют,— сказал папа.

— Действительно,— сказала бабушка.— Не ходить же им голодными.

— А вот мы,— сказал дедушка,— о еде не думали. Только о работе.

— Ой,— вздрогнула мама,— надо же все собрать!

— Вещи надо похуже надевать,— сказал папа.

— Вот это правильно,— сказал дедушка.— Вернется, будет что надеть приличное.

— Откуда вернется, старый,— сказала бабушка,— с расстрела? Вот придурок. Такой же придурок, как и его внук.

— Я бы попросил! — взвизгнул дедушка.

— Вот тебе, папа, повестка придет, тогда и попросишь,— сказала мама.

— Да уж,— сказал дедушка,— если бы мне пришла, я бы не рассусоливал. Раз, два и пошел. С песней!

— А где это, Коломенская, 18? — спросила мама.

— Сразу за Безъядерной, на углу почти,— сказал папа.

— Там раньше, в полуподвале, мебельный был,— сказала бабушка.

— Молодцы,— сказал дедушка,— удобное место выбрали. Для расстрелов лучше не придумаешь.

— А когда это двадцать седьмое? — спросил папа.

— Завтра,— сказала мама.

— Жаль,— сказал папа.— Я завтра как раз хотел плиту переставить.

— Юрик! Что ты молчишь? О тебе, между прочим, разговор,— сказала мама.

— Ничего его не трогает,— сказала бабушка.— Мы тут сидим, головы себе ломаем...

— Я в твои годы всегда отвечал: «Есть!» — сказал дедушка.

— Не хочу я есть,— сказал Юрик.— Я спать пойду. Завтра вставать рано.

Все легли спать.

Утром Юрик встал, оделся и пошел учиться в институт. До вечера было далеко и до расстрела надо было еще дожить.

ПАСТОРАЛЬ

Часовой, зорко охраняя самого себя, стоял на часах с кукушкой. Граница была на замке. Замок весил два пуда, заржавел и не закрывался. Все постановления выполнялись в срок. У кого был какой срок, тот такое постановление и выполнял. Поезда шли точно по расписанию. Расписание было составлено в тысяча девятьсот тринадцатом году, поэтому поезда не ехали, а шли. Решения претворялись в жизнь. Жизнь притворялась так же, как и решения. Организация труда прогрессировала и стала настолько прогрессивной, что ее разбил паралич. Профсоюзы защищали интересы трудящихся. Трудящиеся защищались от интересов профсоюзов. Агропром боролся с продовольственной программой. Продовольственная программа боролась с агропромом. Здесь была ничья. Нулевая. Соцсоревнование разворачивалось, потом сворачивалось и закупоривало сосуды во всех местах. Инициатива развивалась, достигала половой зрелости, но замуж ни за кого не выходила. Сотрудничество настолько углубилось, что все стали в него проваливаться. Подлинный трудовой энтузиазм создавал копию за копией. Никто не боялся трудностей и постоянно их создавал. Союз рабочего класса и крестьянства крепился, крепился, да и не выдержал... Культура неизменно поднималась и поднялась так высоко, что ее вообще не стало видно. Обслуживание превратилось в сферу, прорваться в которую никому не удавалось. Мощности выросли, зацвели, отцвели, созрели и опали. Директоров снимали, и их фотографии еще долго висели на стендах. Объекты сдавались досрочно, но их никто не хотел брать в плен. Жизненный уровень попытался приподняться, но так и не смог, опять упал лицом в грязь и заснул. Пролетарии всех стран соединились, но не учли, что среди них были мужчины и женщины. Раздался демографический взрыв, и появились дети и стали во все это играть. И игры их были жутко веселыми.

«МЫ ГОВОРИМ»

Владимир ТУРОВСКИЙ (Львов)

Плод проще объявить запретным, чем обеспечить им всех желающих.

Привыкший быть пешкой в чужих руках легко может стать и шашкой!

Чтобы читать проповеди, нужно чтить заповеди.

И хочется сдвинуться с места, да жаль вожжи отпускать!

Когда рыцарь начинает сражаться с ветряными мельницами, это для него заканчивается печальным образом.

Для дурака все умные — инакомыслящие!

Стоит только один раз подать повод — и вас обязательно попросят подать кнут.

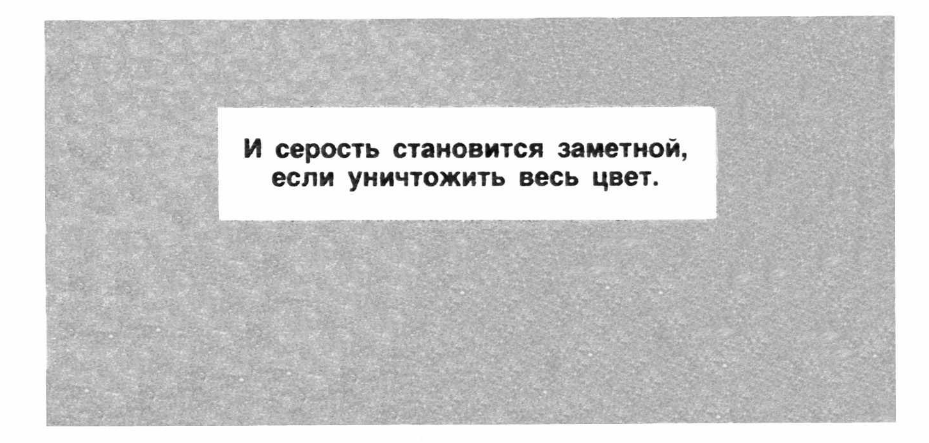
Когда все трещит по швам — это еще не признак быстрого роста!

Соцреализм — это форма, взятая начальством на содержание!

«Этапы большого пути» лучше всего известны конвоирам.

Стоило ли объявлять войну дворцам ради того, чтобы застроить мир хижинами?

Мы так долго стояли на краю пропасти, что стали считать этот край родным.

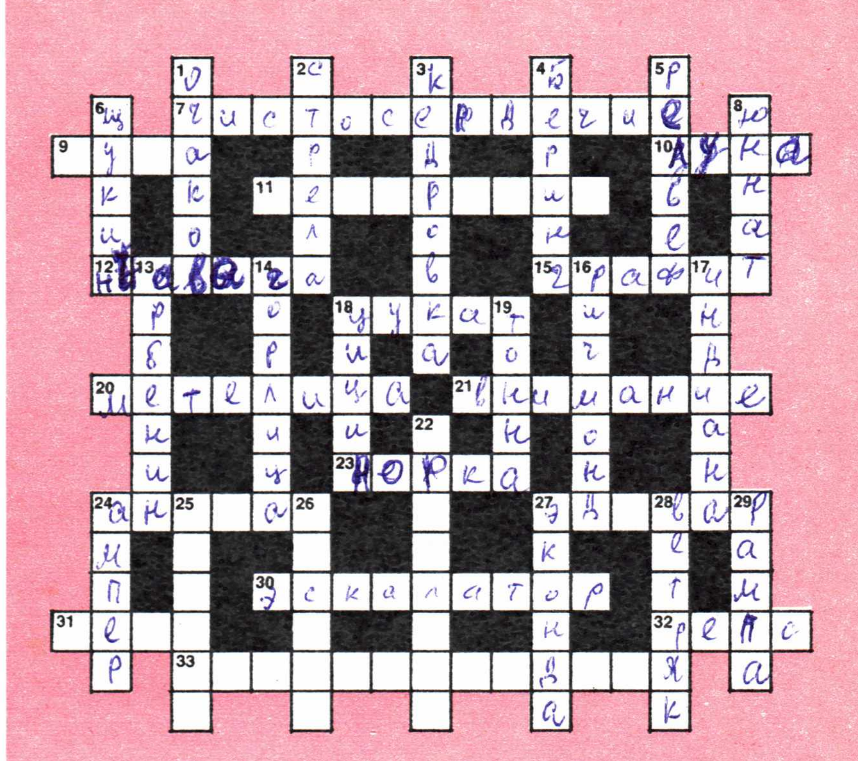

Владимир ОРЛОВ (Симферополь)

СРЕДСТВО ОТ МАСОНОВ

Несмотря на все заслоны,
Всюду действуют масоны.
Что за орден? Что за клан?
Как они попали к нам?
Ими вводится смятенье
В наш родной советский дом:
Это их изобретенье —
Минводхоз и агропром.
Почему, к примеру, почта
Доставляется не точно?
Потому, что почтальон
Засекреченный масон.
Если кончились лосьоны,
Значит — выпили масоны.
У пальто плохой фасон —
Значит, выкроил масон.
Все масоны анонимы,
Все имеют псевдонимы:
Пастернак и патиссон —
Что ни овощ — то масон.
В театре бархатная ложа
На масонскую похожа.
Сторожа со всех сторон:
Тот, кто в ложе, тот — масон.
Как же нам спасти народ
От нагрянувших невзгод?
Среди нашего наследства
Есть испытанное средство.
Это средство держат в тайне,
На него пока лимит.
Нам его на случай крайний
Память бережно хранит:
Если действовать умело,
Бить направо и налево,
Может быть, на миллион
Попадет один масон.
В этом — гвоздь благополучья,
В этом — будущий успех...
Если жить не станем лучше,
Значит, били мы не тех.

Материалы подобрал ***Игорь ДВИНСКИЙ.*** *Рисовал* ***Виктор КОВАЛЬ.***

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Искренность, откровенность. 9. Вид украинской народной песни. 10. Серия советских автоматических межпланетных станций. 11. Русский поэт. 12. Промысловая морская рыба. 15. Минерал, используемый для изготовления карандашей. 18. Засахаренный цитрусовый плод. 20. Украинский, русский, белорусский танец. 21. Заботливое отношение. 23. Пушной зверек. 24. Крупный газетный заголовок, шапка. 27. Турецкая писательница. 30. Машина для вертикального или наклонного перемещения грузов, людей. 31. Степень быстроты движения. 32. Плотная ткань с мелкими рубчиками. 33. Стихотворение В. В. Маяковского.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Крейсер, команда которого участвовала в Севастопольском восстании 1905 года. 2. Подвижная часть подъемного крана. 3. Птица, обитающая в хвойных лесах. 4. Капитан-командор русского флота, именем которого названы море, пролив и остров. 5. Вид скульптуры, выпуклое изображение. 6. Народный артист СССР, создавший образ В. И. Ленина в спектакле и в фильмах. 8. Молодой участник кружка по изучению природы. 13. Действующее лицо драмы М. Ю. Лермонтова «Маскарад». 14. Птица семейства голубей. 16. Административный центр штата в США. 17. Роман Жорж Санд. 18. Ботаник и селекционер, академик, дважды Герой Социалистического Труда. 19. Единица веса. 22. Картина А. К. Саврасова. 24. Единица силы электрического тока. 25. Парусно-гребная или моторная лодка. 26. Перевод или толкование непонятного выражения в древних памятниках письменности. 27. Город в Красноярском крае. 28. Мельница. 29. Низкий барьер вдоль авансцены.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 7

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Кальман. 8. Дозатор. 9. Шмага. 11. Аруба. 12. Пастернак. 14. Баклан. 15. Чогори. 16. Берет. 18. Командующий. 20. Слово. 22. Цильма. 24. «Шурале». 25. Амстердам. 26. Дрюон. 28. «Гонец». 29. Биатлон. 30. Кербель.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Ольха. 2. Коала. 3. Шарабан. 4. Бархан. 5. Хохлач. 6. Попурри. 10. Петродворец. 12. Пантомима. 13. Консилиум. 16. Брамс. 17. Трюмо. 19. Пилюгин. 21. Фланель. 23. Амосов. 24. Шарден. 27. Нотец. 28. Гобой.

НЕТ ПРОБЛЕМ?

Рисунок Алексея МЕРИНОВА.

ОГОНЁК

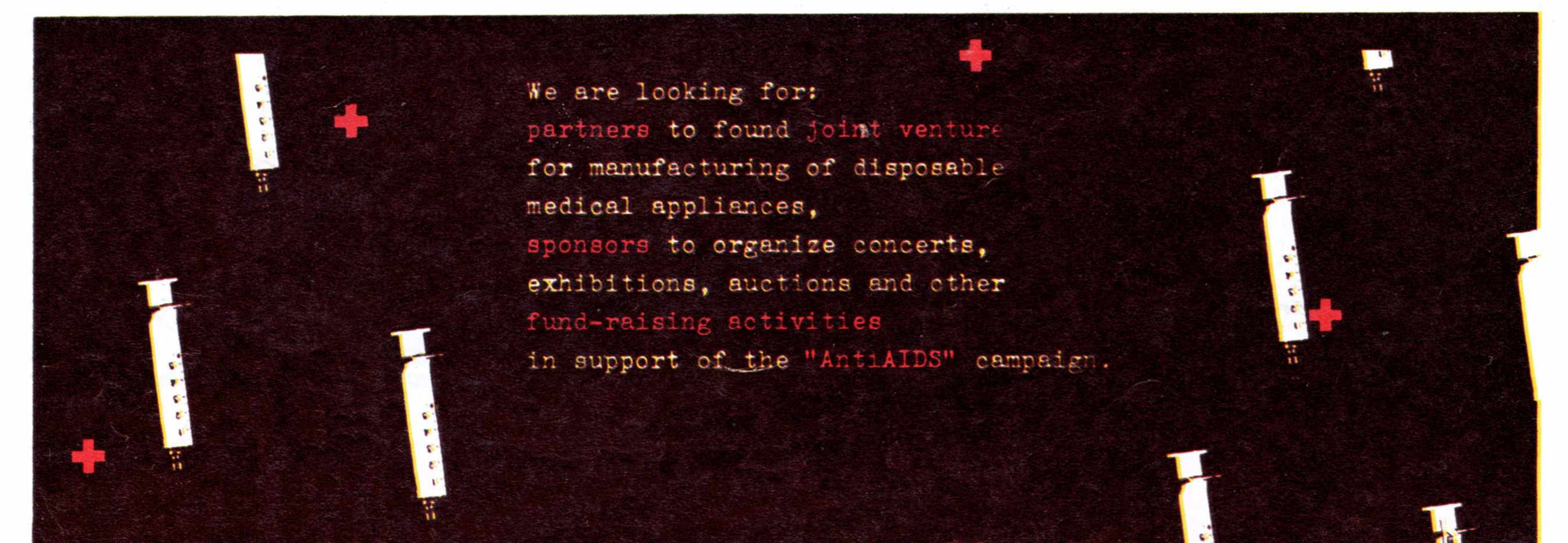
More than 120 children today -
and there will be many thousands
more tomorrow -
infected with HIV in Soviet hospitals
because of the lack of
disposable syringes etc.
To buy them we need your help!

«OGONYOK» charity hard currency account «ANTIAIDS»

in the Vnesheconombank USSR

40 коп. Индекс 70663